

С А Г А

ОДЕССКАЯ
САГА

ЮЛИЯ ВЕРБА

ПОНАЕХАЛИ

CF FOLIO

Юлия Верба

**Одесская сага. Хроники
Молдаванки. Книга первая.
Понаехали**

*Моей бесконечно любимой и родной
молдаванской семье. Вы всегда со мной!*

Саша Крылов, спасибо за Гордееву

Серия «Сага» основана в 2019 году
Художник-оформитель *М. С. Мендор*
В оформлении книги использованы рисунки *Леси Вербы*
Фото автора на обложке Марина Смирнова

Щоб вийти заміж за Івана Беззуба, Фірі Беркович, дочці нікопольського рабина, довелося терміново хреститися. Ну а після цього залишатися в рідному Нікополі було смертельно небезпечно. І молоді спішно відпливають в Одесу.

Привівши свою юну дружину до дворика на Молдаванці, Ваня обіцяє їй згодом знайти інше житло. Він не може знати, що саме тут пройде не тільки його життя, але і життя чотирьох поколінь Беззубів – з усіма сусідами, історичними катаклізмами, котами, маленькими скандалами і великими трагедіями...

Початок цієї історії – в першій книзі «Одеської саги» Юлії Верби «Понаїхали».

© Ю. А. Верба, 2019

© М. С. Мендор, художест- венное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2019

1899

Глаз-алмаз

Если бы Фира родилась на двести лет позже, то узнала бы, что она не дура, а борец за права женщин. А если бы, не дай бог, на двести лет раньше – ее минимум утопили бы как ведьму, а максимум – не выдали бы замуж. Потому что для еврейской девочки из приличной семьи это страшнее камней, огней и черты оседлости.

Но Фиру угораздило родиться в 1883 году, да еще и в Никополе.

– Скажи спасибо, кецале^[1], – вздыхала мама. – Ты не представляешь, как нам повезло.

Счастье было сомнительным – дом на окраине, чахлый сад, пятеро младших и папа-раввин. Шить не умеет, торговать – тоже.

Папа считал, что Фира – настоящий бриллиант, но пока алмаз, и он требует долгой огранки. Какой огранки? Папа вздыхал: – Ремнем, деточка... Но этот алмаз мне рихтовать не положено.

Из химических свойств алмаза у Фиры была только феноменальная упертость.

– Кремень! – вздыхала ее подруга Роза. Хотя еще у Фиры был глаз-алмаз.

И в один бесконечный летний день она со своим алмазом сыграла в Купидона.

Фира с Розой были самой комичной парой подруг на всю улицу. И главное – решительно никакой конкуренции. Фира – чертополох, тощая, вертлявая и колючая, Роза – ранний пышный розовый бутон с румянцем во всю налитую круглую щеку. Фира – вечно растрепанная, с тонкими, как веточки, ручонками, Роза – круглая и сдобная, с женскими крутыми бедрами. Обе были очаровательны в своем юном неискушенном всезнайстве.

Девочки, обсудив зачитанный до полураспада роман Евдокии Ростопчиной о сладострастной неге и поцелуях на тайных свиданиях, оценивали свои лунные перспективы. Когда тебе шестнадцать, то что в

девятнадцатом, что двадцать первом веке ты все равно как в дремучем средневековье – уже хлебнувший житейской горечи философ.

Никогда ни один мужчина не заставит ее испытывать такую чушь. Тем более Фира точно знала, что будет после поцелуев и хупы. Вся эта дремучая родительская ерунда с рецептами гефилте фиш, орущими детьми и подсчетами мелочи – точно не для нее. Она через год уедет в Киев на женские курсы. Будет делать опыты, лечить людей или даже водить корабли в Европу. Там, возможно, и найдется кто-нибудь достойный. А здесь ловить нечего.

И только такие, как Роза, румяные коровы с ресницами наивно мечтают о рыжем Максе, сыне хозяина бакалеи на проспекте.

– Наш Никополь, мягко говоря, не Париж и даже не Одесса, но тут уже семь тысяч душ, как пишут газеты, и это не считая наших. И из всего этого вавилонского столпотворения ты нашла себе Макса? Ты как искала? – Фира уперлась тяжелым черным взглядом в переносицу Розы.

– Ну как? Признавайся! Ты выбирала самого длинного? Или самого чахлого? Роза, ты только представь... В лунную ночь, под трели соловьев, он наклонится над твоим прелестным юным личиком и уронит тебе на щеку свою холодную сверкающую... соплю!

– Дура! Дура! – Роза пошла пятнами и вскочила. Фира с хохотом бежала по саду:

– А еще ты не сможешь целоваться! У него вечно забитый нос! Ты закроешь ему рот, и он задохнется и умрет на лавке! Роза, ты его задушишь своей любовью!

Тощая мелкая Фира долетела до края сада и взлетела на забор:

– Про тебя напишут «Вести Никополя»! С фотокарточкой! «Убивство на почве страсти! Коварная обольстительница лишает разума и чувств одним поцелуем!»

Запыхавшаяся Роза стукнулась в доски. Она еще не решила – продолжать злиться или уже смеяться.

– Девушкам такое и говорить неприлично, – пыхтя и хихикая, проворчала она.

– Роза, Макс и забор – это не твое! – Фира раскачивалась на штахетине.

По улице шли мальчишки. Двое. Они так увлеченно спорили о летательных машинах, что не заметили в вишневых ветках Фиру.

Когда тебе шестнадцать, то все ровесники – адиёты.

Именно так как говорит бабушка Броня: А-ди-ё-ты! – Она лучше знает. Броня вообще все знает. А Роза – лучшая подруга.

– Розка, дай камешек! Ну какой?! Любой! Маленький. Да давай быстрее, они уже на углу!

Роза подтянулась и зависла на заборе грудью.

А Фира, глаз-алмаз, прищурилась и пульнула камнем. Точно под левую лопатку белокрысому упитанному знатоку летательных аппаратов.

– Прямо в сердце! – пискнула Роза.

Белокрысый смешно ойкнул и присел. Потом обернулся:

– Ах ты ж...

Тощая жидовочка. Черные кудри, черные глаза. И ослепительно белая нога из-под серого домашнего платья. Подол в репьях, косынка сбилась на затылок.

Адиёт, ты еще не понял, что попал... Точнее – она попала. Прямо в сердце.

Роза трусливо разжала руки и рухнула в безопасную часть сада.

Фира так хохотала, что забыла – врага нельзя подпускать слишком близко. Белокрысый увалень оказался очень резвым и в два прыжка подлетел к забору.

Она не успела перекинуть ногу, как увалень схватил ее за пыльную щиколотку.

Он потом не сможет спать, вспоминая, как двумя пальцами обхватил эту тонкую нежную ножку в кольцо... А выше, чуть выше острой ободранной коленки из-под подола выглянула кружевная полоска батистовых панталон. Этого секундного ступора Фире хватило, чтобы рвануть ногу и рефлекторно двинуть увальню в нос. Обрывая подол и царапая лодыжки, она свалилась на Розу.

– Я найду тебя!

– Себя не потеряй!

И кто на тебе женится?!

Стыд-стыд-стыд! Когда это случилось впервые, бабушка Броня надавала Фире испачканными менструальной кровью панталонами по лицу.

– Чтоб щеки горели! – торжественно объявила она и тихо добавила: – От стыда. Ты больше не чистый ребенок, ты – девушка, а это – стыд твой, и удовольствие, и грязь, и... жизнь. И течь тебе каждый месяц, пока не забеременеешь!

После щек Фира уже ничего не слушала, а, вырвавшись, умчалась умываться. Год назад началось это наказание, и мама регулярно с причитаниями начинает заводить разговоры о семье и браке. Стыд оказался не просто болезненным – каждый месяц Фира сваливалась со страшной мигренью на трое суток. И этот раз не был исключением. Глаза не открывались, ее тошнило. Спасали только круглосуточный сон и Бронин морс. Когда через три дня, пошатываясь от слабости, отощавшая Фира выйдет за ворота, то первым, кого она увидит, будет тот самый белобрысый дурак. Он сидел прямо в траве, упершись спиной в соседский забор, и читал книжку. На выездное заседание «Общества любителей чтения» в таком скудном составе никак не потянет. Значит, злопамятный увалень точно ее поджидает. Драться? Мстить? Или?.. Фира своим глазом-алмазом оценила расстояние до поворота. Никак не успеть. Слава богу не заметил! Она влетела обратно. Проглотила вылетающее из горла сердце (вот он – бабкин стыд-стыд-стыд!) и отправила в бакалею младшего брата.

Йосик явно задерживался, а когда вернулся с маслом и хитрой рожей, то бочком пытался улизнуть в детскую, придерживая в кармане предательски грохочущее дорогое монпансье в жестяной коробочке.

Фира поинтересовалась:

– А что там на улице?

Йосик, не скрывая удовольствия, ответил, что погода отличная и что Фире с ее головными болями на свежем воздухе самое место.

– Видел кого-то? – максимально равнодушно спросила она.

– Кого-то видел, – ответил младшенький, наслаждаясь внезапной властью над сестрой. – А что? Хочешь что-то спросить?

– Ничего! – отрежет Фира, схватит Йосю за ухо и выдернет конфеты из кармана. – Это у тебя откуда? Кто дал? За что? Шантажировать меня решил? Или подзаработать?

Йося картинно вопил, чтобы услышала мама, и между визгами шепнул:

– А заплатишь столько же, как он, за информацию?

Фира крутанет ухо еще раз и выскочит в сад. Оттуда, с черешни, можно отлично видеть улицу, прячась за ветками.

Вот белобрысый отодвинул книжку и посмотрел на их калитку, наклонил голову и взглянул поверх забора, туда, где она сидела три дня назад. Точно за ней... Одет дорого, только носить не умеет, все помятое, волосы висят пучками над ушами, морда обгорела на солнце, обувь вся в пыли...

Опять смотрит... Здоровый какой! А плечи широченные и руки, как грабли, вон книжка в ладони утонула. Не то что Розкин чахлый Макс... Жалко, глаз не видно...

– Фи-ра! Тварь малолетняя! Фира! Фира-а-а-а!!!! Где эта лэя?! Ах ты никейва^[2]! Слезь с забора, позорище!!

Стыд-стыд-стыд!!!! Никополь – это почти центр мира, если смотреть на границы империи. Тут сокращается большим ржавым мускулом металлургическое сердце. Тут тахикардийно стучат паровозы. Дым, чад, деньги и мертвая тишина пригорода. А у них денег нет, а у Фиры, по твердому убеждению Брони, еще нет совести и, по большому счету, жизни тоже нет – ей нельзя лазить по деревьям, и на медицинские курсы тоже нельзя... А теперь остается только сгореть со стыда не слезая с черешни...

Гнусный Йосик за маминой спиной согнулся в беззвучном хохоте...

Когда мама, не выходя из гостиной, ругалась или радовалась, ее слышали и в синагоге, и на христианском кладбище, и в фойе театра, не говоря уже о соседях. Белобрысый уронил книжку, вскочил и впился взглядом в Фиру. Он смотрел сквозь листья прямо на нее и улыбался, закрывая своей огромной ладонью лоб от солнца.

– Ой, горе, кто эту лахудру возьмет замуж?! Ты же старшая, у тебя еще четыре сестры! Папа ночей не спит, мать по дому, как белка в колесе, а ты не барышня, а черт в ступе! Ой вейзмир, шо мне делать с этим несчастьем!

Мама еще не знала, что ее старшая дочь не просто несчастье, а настоящее горе для семьи. И не одной.

От винта

Белобрысый – Иван Несторович Беззуб – оказался единственным внуком казацкого полковника. Он был до безобразия упрямым – весь в деда: и именем, и богатырской фигурой. На этом, впрочем, фамильное сходство заканчивалось. Внук был равнодушен и к сражениям, и к гулянкам. Барышень игнорировал, алкоголь перепробовал у деда весь и объявил, что ему не вкусно. Ваню интересовали только механизмы, инструменты и эксперименты с ними. Он выучил на память весь энциклопедический словарь издательства Плюшара, собрал по газетному фото из французской шелковой гардины и корзины для яблок подобие воздушного шара и благополучно подпалил его вместе с грушей во дворе, а пока получал от отца розгами, рассчитывал силу удара и сопротивление кожи. Он модернизировал дедовский порох всевозможными добавками и управлялся с фамильным оружием с закрытыми глазами. Стрелял Ванечка отлично, но его интересовало только влияние ветра на траекторию полета. Вообще полеты и были его главной и пока единственной страстью. Быть бы ему книжно-лабораторным червем, если бы не порода и казацкое воспитание.

Дедушка-полковник, рубака и гуляка, обеспечил семье первичный капитал в таком объеме, что мог сосредоточиться на высоком – производстве авторских наливок и не менее авторского самогона. Между дегустациями и тесным контактом с личным женским составом от кухарки до горничной он успевал заниматься воспитанием наследника в лучших традициях Черноморского казачьего войска. Родившемуся Ванечке не повезло – его дед Иван был не просто полковником. С выгоревшим до ослепительно-белого чубом на дубленом черепе дед в свои сорок пять состоял из пяти пудов чистых жил без капли жира. Всю молодость он провел на Черноморской кордонной линии и не кем-нибудь, а пластуном. Пластуны – казацкий аналог «ниндзя» – были беззвучны, коварны и невероятно выносливы. Пролежать не шевелясь три дня в засаде, нейтрализовать арапником и унести с привала целый отряд черкесов, выбить одним ударом бича из седла противника было для него обычным делом. Пластуны наводили такой ужас на крупные отряды и мелкие банды, что их даже не преследовали – себе дороже. Беззубу – а фамилию беглый крепостной

пацан Ванька получил за первую боевую потерю – через десять лет надоело ползать по камышам, и он подался в конный полк, который через пару лет и возглавил. Там же обучился вольтижировке. Где-то между походами, на дальних хуторах после долгих и веселых возлияний он проснулся под неудобными вилами у горла и под ними же, ухмыляясь, пошел под венец с лишенной накануне невинности и совершенно счастливой хозяйской дочкой. На хутор из-за военных походов казак наведывался не часто, но с богатыми гостинцами, к рождению и воспитанию сына отнесся без должного внимания. Сынок был похож на мать – круглолицый, пухлый и медлительный. Какой из него казак? Вот и упустил Иван безнадежно единственного отпрыска. И если бы не русско-турецкая война, а точнее громкий конфуз из-за частой порчи «сердобольных сестер» из окрестных монастырей, то Беззуб так бы и не остепенился. Но пришлось сменить черкеску на домашний халат. Зато внук, его точная копия, получил дедовской заботы сполна. Физвоспитание в девятнадцатом веке было суровым, но чрезвычайно эффективным. Ключевая вода очень бодрит. Особенно после ночных возлияний. Поэтому дед Иван начинал утро с двух ведер холодной воды. Первое – для внука, второе – для себя. Если наследник не выходил на побудку – ведро выливалось прямо в постель. Затем полтора часа фланкировки и подъем гирь. Трижды в неделю вместо гимнастических глупостей Ваню ждали пластунские секреты с практической отработкой. Маму Ванечки, вечно поникшую и тихо шелестящую о чем-то своем, вообще во внимание не брали. Чахлая панночка – что с нее взять. Отец, Нестор Иванович, пропадал на работе – еще бы, три крупные лавки плюс торговля зерном. Он был любезным, осторожным и дальновидным – полная противоположность полковнику. Нестор был счастлив, что вырос на тихом зажиточном хуторе, без отцовской муштры, рядом с деловитой матерью. Он спокойно, без надрыва скользил по поверхности жизни, аккуратно обходя все подводные камни, омуты и водопады. У Нестора вообще вся жизнь была по плану и по часам. Даже жену он долго и придирчиво выбирал не по любви, а по набору качеств – чтобы настоящая дворянка, с манерами и обмороками, с тонкой кожей, светлыми кудрями. А когда выбрал, долго и упорно ухаживал, пока не сдалась. Любил ли он Ванечкину мать? Скорее просто был доволен. Ею и собой. Она внешностью и происхождением была для него

очередным символом успешности – как золотые жилетные часы и дорогой костюм. Нестор был недалеким, но не злым, и старательно приумножал семейное благополучие с робкой надеждой уйти лет через пять на покой в мужской алко-клуб деда. Сына любил, но был рад, что воспитанием занимался казачий полковник, потому что был далек от страстной одержимости обоих Иванов. Он и для сына спланировал отличный торговый путь. Но – увы: подросткового Ванечку экономические закономерности и влияние колебаний рынка на траекторию прибыли совершенно не заботили. Дедушкина муштра пошла на пользу, но кроме привыкания к постоянным нагрузкам ни любви, ни интереса так и не вызвала. Знакомства с перспективными дочерьми из дружественного и конкурирующего бизнеса заканчивались регулярным провалом. Ванечка включал дурака и тарасился в угол, как кот на святочных гаданиях.

Поэтому, когда во время ужина наследник отложил вилку и сообщил тарелке: – Хочу жениться, – дедушка и папа проявили внезапное единение и радовались два штофа подряд, пока не спросили, кто же эта удивительная прелестница, покоровшая Ванечкино сердце, и не пролетала ли она на воздушном шаре или, в крайнем случае, на метле перед его мезонином.

Ванечка, точно повторив жест деда, подпер кулаком щеку и задумчиво произнес:

– Нет, но она тоже по земле мало передвигается. Оба раза видел ее довольно высоко.

В столовой звенела тишина. Мама тихонько заплакала.

Дедушка Иван еще выпил и взял инициативу в свои руки:

– Ну и кто эта лебедь белая?

– Ну-у... скорее галка, – уточнил внук.

Дедушка блеснул глазами:

– Она хоть баба?

– Конечно барышня! Хотя скорее черт в юбке!

– О, это по-нашему! Выпьем!

Идиллию нарушил отец:

– Девица, надеюсь, из благородных? Или из купеческих?

– Я точно не знаю... Ее отец, кажется, священник... ну, этот... еврейский. Раввин.

Кто сказал, что мужчины бесчувственные существа, никогда не видел, как за одну фразу может трижды поменяться в лице казачий полковник.

– Кто?!!!..

– Фира Беркович.

Это пронзительное, как визг двуручной пилы, имя разбило все семейные планы. Мечты о слиянии капиталов или даже возможном дворянстве были заживо похоронены под обгоревшей грушей рядом с Ванечкиной карьерой военного и торговым представительством в Европе.

Пять стадий проживания горя смогут внятно сформулировать только через семьдесят шесть лет, но хрестоматийные отрицание, злость, торг, депрессию и принятие семья Беззубов полноценно проживет всего за неделю. Возможно, помогли хобби деда и деловая гибкость отца. На стадии торгов два поколения Беззубов предложили наследнику неслыханно-недостижимую юношескую мечту всей жизни, козырного туза – деньги на поездку в Великобританию для знакомства с Королевским аэронавигационным обществом... Ванечка тяжело вздохнет и откажется.

Пока папа подсчитывал моральные и материальные убытки, дед сказал:

– Ну бог с вами, выкрестится – обвенчаем и прокормим. – А потом, заглянув внуку в глаза, уточнил: – Она же согласна креститься?

Ванечка, не отводя взгляда, ответил:

– Она пока не знает.

– Чего пока не знает?

– Ничего. Обо мне ничего пока не знает.

Домашние запасы спиртного заканчивались катастрофически быстро. Давно не ласканная полковником прислуга в голос горевала вместе с хозяевами.

– Ну, может, еще обойдется, – уговаривал себя Иван Несторович-старший, наливая стакан с горкой. – Наш-то Ванечка к бабам подхода никакого не знает. А девка там – огонь, куда нашему инженеру.

– Барин, а вы-то откуда знаете? – поинтересовалась особо приближенная кухарка.

– Галинка, ну ты забыла, кто я? Что там того жидовского забора? Сходил я вчера, разведал, в окна посмотрел. Нищета кромешная, но

чисто. Унылые они все, как рыбы в тазу, а вот девчонка бедовая, с перцем. Я Ваньку понимаю, тоже бы по малолетству на такую глаз положил. Как там в романах нашей панночки пишут – «фам фаталь»? Вот это про нее. Знаешь такую женскую породу, которая мужиков последних мозгов лишает? Чует мое сердце – ей деньги нужны, славы хочется, свободы... Короче, не по Сеньке шапка. Не справится наш Ванька с такой, сильно он в отца правильный да скучный. Такую разве что на слабо раздразнить можно. Ей вызов надо бросить, а потом приручать потихоньку.

Галинка с интересом подвинулась поближе: – А подскажите внуку-то?

– Еще чего?! – возмутился Беззуб. – Мне еще этого отродья бесовского в доме не хватало! Нет уж. Поплачет, запьет, а потом забудет. Главное – не мешать, чтоб не обозлился.

Ханна не переставая радовалась внезапной перемене – после скандала с деревом Фира неожиданно притихла, сама расчесала (впервые за последние полгода!) волосы и, быстро выполнив все поручения, запиралась в комнате с книжкой. Проницательная Броня ее восторгов не разделяла. Растягивая на руках прозрачное, на весь стол, тесто на штурдель, она с опаской разглядывала внучку. Фира буквально за пару дней расцвела – голубоватая, почти прозрачная фарфоровая кожа, карие глазищи, маленький и яркий, как раздавленная вишня, рот. Хрупкая, точеная, маленькая ее внучка с копной тяжелых кудрявых волос, с которых в очередной раз сползла косынка. Но кроме чудесного превращения угловатого подростка в девушку Броня безошибочно увидела какой-то новый огонек внутри. Огонек цвел на щеках, вырывался всполохами во взгляде, когда Фира украдкой посматривала в окно, распирал в груди застиранное домашнее платье...

– А ну-ка, деточка, в глаза мне посмотри... Ой, не нравятся мне эти перемены. Смотри, Ханна, сбежит это отродье или на курсы, или с каким-то гоем. Чего ты начиталась уже? Какой ереси? Кецале, запомни – нас нигде не любят. Ты всегда будешь виновата. Ты для них кровь младенцев пьешь и деньги отбираешь, и мужчин. Не видать тебе ни богатого дома, ни развлечений – не про нас это.

Фира вспыхнула:

– Я в Киев на курсы поеду! Математические! Или в Одессу на лекции! Я людей лечить буду!

– Отлично! А триста рублей есть? Не считая пансиона? Курсы все платные, и что-то я не слышала, чтобы туда еще и евреек нищих брали.

– Будет у меня триста рублей! – Фира потянула и порвала прозрачное тесто и, ойкнув, стала перебирать пальчиками, склеивая разрыв.

– Дети, дети у тебя будут. Это я гарантирую. Вот их и будешь учить и лечить.

– Не будет у меня детей! – отрезала Фира и, сцепив губы, стала размазывать масло по тесту.

Фира была самой умной в семье, по крайней мере, она так думала, тем более, что у сердца под сорочкой ворочалась и кололась клювом ласточка.

Бумажная ласточка прилетела через забор неделю назад и поселилась прямо на ее крошечной груди. На ласточке рубленным, как засечки топором, почерком было всего пять слов вместе с подписью: «Пойдешь за меня? Иван Беззуб».

Дедушка был прав – изящные манеры и секреты оболыщения его внуку были не знакомы. Но своей инженерной прямолинейностью и хтонической дремучей страстью Ванечке внезапно удалось прожечь алмазное сердце Фиры.

– Зачем ты ее выучил грамоте? Она все время что-то пишет и рвет, пишет и рвет, как будто она дочь хозяина писчебумажной фабрики, а не казенного раввина. Зачем я вышла за тебя? Это твоя гадкая черная порода!

Мойше Беркович и сам был не рад своей принудительной должности. Второй и далеко не последний большой позор его жизни... Когда-то давно и далеко он был уважаемым человеком, помогал отцу управлять одним из бескрайних поместий князя Мусиелова. А потом случился закон о черте оседлости. Божий помазанник решил, что все зло от Берковича. И что больше евреям нельзя жить в деревнях и мучить крестьян. То-то было радости у угнетенных из слободы! А вместе с законом пришел погром с поджогом. Он, со сломанными ребрами и развороченным лицом, смотрел, как стремительно обугливается его прошлая жизнь вместе с телом отца. Мойше с Ханной и ее матерью бежали, точнее уползли ближе к ночи. Тыкались

несколько месяцев по местечкам, прятались от полиции, пока не зашли в ту самую городскую черту оседлости в Никополе. И бесконечные поиски работы, но кому он, чахлый еврей, нужен? И беременная жена с тещей. Жили за пару проданных золотых безделушек, которые чудом в чулке сохранила Броня, его теща, и выдала, только когда они прибились к городу. Беркович хватался за все, просил службы, с его образованием он мог быть писарем в любой конторе, заниматься бухгалтерией, но он, пропахший потом, гарью, нищетой и отчаянием, как лишний кот, вместо сочувствия вызывал только брезгливость. А потом новый указ о необходимости специального или хотя бы среднего образования у раввинов и издевка местной власти – его принудительное назначение. И та же брезгливая настороженность соплеменников да нищенское жалованье, назначенное общиной. Он старался как мог – достучаться до предшественника, до «первой лавочки» в синагоге, которая негласно решала все большие дела в городе, и до своей жены тоже пытался... Но безуспешно. Почти всегда безуспешно. Он настолько пропитался безнадежностью пепелища, что и через шестнадцать лет вызывал отторжение даже у супруги. Но он опять попытается:

– Ханна, может, она стихи пишет, она барышня уже...

– Какие стихи? Откуда? Для стихов надо любить, а она как ты – любит только себя!

– Ну что ты говоришь! Я разве не доказал минимум шесть раз, что люблю?

– Это я доказала, когда родила их тебе!

Ханна с тоской и раздражением посмотрела на мужа. Она была измотанной, выработанной, истерзанной нищетой и бесконечной домашней работой. Но по-прежнему магнетически красивой. Фира была похожа на мать, но если она, по меткому выражению старого Беззуба, была огонь и перец, то Ханна обладала какой-то невероятной аристократичной грацией. Она очень скупно двигалась, но каждый ее жест был выверен, как у танцовщицы фламенко. Несмотря на шестерых детей, сохранила девичью тонкую фигурку. Болезненно-белая до синевы кожа. Огромные черные глаза в вечных темных кругах от усталости и скудной еды. Ее надломленная болезненная красота завораживала не только Мойшу Берковича. Эта оболочка принесла ей столько горя и боли. Любила ли она Мойшу? Она ненавидела. Себя. За

то, что влюбилась в него. За то, что продолжала любить, несмотря на все, что случилось в их такой беспросветно-черной жизни.

– А ты бы что ответила?

Роза попыталась взять рассыпающийся листок, но Фира отдернула руку:

– Не трогай!

Роза пошла пятнами:

– Я не знаю... Ой... Ужас какой... Какая же ты счастливая. А ты что ответишь?

Фира засунула ласточку обратно за ворот платья и застегнула пуговицу:

– И я не знаю...

Оказалось, что молчание – лучший женский ответ.

Ваня Беззуб через три дня дежурства под забором после заброшенной записки понял, что Фира сильнее всех планеров и дирижаблей, и пришел в лавку к отцу (в аккурат на горестной стадии торгов):

– Папа, я тут подумал – ты же хотел расширить дело? В Одессе сейчас все деньги, весь хлеб и льготы. Я готов поехать и открыть представительство. Ты объяснишь, что делать?

– А воздухоплавание?

– Это с прибылей. Я завод построю. Только одно условие – ты сегодня идешь к Берковичу.

– Я к ним? НИКОГДА!

Две большие разницы

Всего полтора поколения, и рухнут религиозные запреты вместе с куполами и синагогами, появятся гражданские браки и женские брюки, откроются курсы и закроются границы, ну а пока мировой порядок сошел с рельс, как первая конка на одесском бульваре...

Православный богатый торговец Нестор Беззуб, тяжело вздыхая и беззвучно проклиная себя за мягкотелость, постучится в дверь бедного еврейского священника Мойше Берковича. Он придет один – казачий полковник применит всю военную хитрость, родительский авторитет и неприкосновенный золотой запас, чтобы не участвовать в этом эпическом позоре вместе с сыном. Внук будет сидеть в дозоре на привычном месте под соседскими воротами.

Разговор был вязким и кислым, как прошлогоднее кизилковое варенье, нищенское лакомство, которая Ханна вынесла к чаю. Недоумение от визита после перехода от погодно-купеческих любезностей к сути быстро сменилось тахикардией и гробовой тишиной. Первой пришла в себя Броня.

– Наша Фирочка – настоящий клад, – улыбнулась она. – Вы же понимаете, клад бесценный.

Нестор посмотрел на Броню:

– У каждого есть своя цена. И у любви тоже. Назовите. Я буду ждать.

– Послушайте, – ребе Мойше с трудом сдерживался, – послушайте меня. Я вас впервые вижу. Я не знаю вашего сына и даже не уверен, что моя дочь с ним знакома или тем более – имеет виды на вашего наследника. Она приличная девочка. О чем вы говорите? Нам не нужны ни вы, ни ваши деньги. И платить, поверьте не за что. Ваш сын ей не нужен.

Нестор скривился, как от зубной боли:

– Простите, я неточно выразился. Не знаю, что нужно вашей дочери и что она сделала с моим Ваней, но моему единственному сыну нужна ваша Фира. Поверьте, я сделал все, что мог, чтобы его отговорить. У вас сколько? Шестеро? У меня один. И я не могу его потерять. Мне нужно продолжить род, продолжить дело... Если бы речь шла о страсти, я снял бы ему всех шлюх Никополя. Но увы. Он

хочет на ней жениться. И я спрашиваю вас, если вы меня, конечно, понимаете: сколько отступного требуется, чтобы вы позволили моему сыну сломать себе жизнь с вашей Фирой.

Мойше поперхнулся:

– Вы что?! Вы в своем уме?! Никогда! Слышите! Никогда!!! Уходите!!

– А вы подумайте, – поклонился Нестор Иванович и вышел.

– Что? Что? Что она сказала? – Ванечка схватил отца за руку.

– Я ее не видел. Все предсказуемо. Они категорически против.

Ванечка, раздувая ноздри, стоял напротив отца.

– Руку отпусти, медведь. Я сделал все, что мог. Хотя вообще не должен был и заходить сюда. Совсем ты совесть потерял! Девочек – полный Никополь. Ваня, а если она тебя не любит – как ты жить с ней будешь? Об этом подумал?

– Любит!

– А по-моему, она тебя знать не знает.

– Значит, узнает. И полюбит.

Когда гость ушел, Броня села за стол и посмотрела на сына. Мойше задыхался:

– Ты... вы, ты что?! Вы хотите продать мою дочь гою?! Вы понимаете вообще, на что ее обрекаете? А меня? Ханна, твоя дочь будет похоронена заживо – тебя ждут не внуки, а ее могила при жизни. Если вы ее отпустите – она умрет! Умрет для Бога, для веры, для семьи! Вы подумали о ней? О себе? О моем позоре вы подумали?! Шестнадцать лет назад мы уже все потеряли. И до сих пор не оправились. Моя кецале, моя Фирочка! Она ребенок еще!!! Что вы творите?! Мама?!!!!!

Ханна молча раскачивалась, прикусив губу и зажав рот рукой... Броня смотрела на плачущего зятя и разглаживала жилистой ладонью в шрамах и пигментных пятнах парадную скатерть.

– А теперь меня слушайте: отдайте девку. Это ее шанс. Пусть хоть одна вырвется. Пусть сестрам и братьям поможет. Мойше, не бойся. Она будет не предателем, а жертвой. Забыл правило? Она пожертвует собой, чтобы вам помочь. Да и себе тоже. Она пойдет на заклятие, чтобы спасти свою семью, она прорастет там, не забудет и бросит семена... Я узнавала об их сыне. Он гениальный, он сделает карьеру, и Фира будет при нем, и он сделает все, что она захочет. Бог разрешает

покаяться даже вероотступникам, разве не так? Он разрешает дорогу назад. Ханна, ты забыла, что такое погромы? А как тебя, беременную Фирой, выгоняли отовсюду, и эту черту оседлости после своего дома? Мойше, ты помнишь имение, где мы жили? А как мы раньше жили, забыл? Где твое золото? Где хороший костюм? Где кони? Ты думал, что будешь грузчиком по ночам работать и надеялся, что никто не узнает? Все знают.

– Мама! – закричала Ханна. – Мама! Да замолчите вы сейчас же!!!!

Броня развернулась к невестке:

– А кто ее защитит во время погрома? Ты забыла? Мойше, ты? Ты смог защитить свою жену от трех казаков? Может – я?! Что случилось со мной, когда я оттаскивала этих зверей от твоей Ханки? Показать тебе шрам на голове и выбитые зубы? Так ты их видишь каждый день. Испортят девку, испортят еще до свадьбы, сломают, и останется на твоей шее вечно или понесет. Ханка, ты точно знаешь, что Фира от этого шлимазла, а не от насильников? Тебе сломали четыре ребра и раскроили голову. Ты была вся в крови! Вся! И слава Богу, что только изнасиловали и избивали! У нашего народа национальность по матери именно поэтому. Такой судьбы ты хочешь своей дочке?

Мойше побелел:

– Это моя дочь! Моя! Моя! Моя!

– Бог больше твоего скудного ума, Мойше, и больше твоего, девочка. Это будет мой грех. Я сама поговорю. Решайтесь. И дайте ей на прощание столько любви, сколько сможете...

Фира подслушивала под дверь. Но кроме криков отца основного текста было не разобрать.

Броня за ухо оттащила ее в сад:

– Любишь его?

– Не знаю!

Фира злилась, потому что впервые не могла прогнозировать, думать и крутить, как удобно ей. Этот глупый Иван Беззуб засел занозой в ее голове. Нельзя сказать, что бойкая Фира была лишена мужского внимания. И робкие взгляды возле синагоги, и сальные шуточки ровесников, и тяжелые, полные похоти взгляды взрослых соплеменников и гоев были ей известны и заметны. Но почему этот «адиёт»? Почему его звериная уверенность без намека на флирт или игру так с лету взволновали ее? Иван Беззуб играл не по правилам. Он

писал свои. Заново. Прокладывая математическим одержимым умом кратчайшую и самую верную дорогу к намеченной цели без всех романтических соплей и украшений. Это смущало и будоражило одновременно. Он играл предельно честно, нарушив все мировые законы любовной игры. Обычно именно так она себя вела, вызывая священный ужас и полный ступор у ровесников. Такое чувство, что Фира гляделась в зеркало, где незнакомое мужское отражение точно повторяло каждый ее жест. Они думали и действовали одинаково. Это до одури пугало и привлекало одновременно.

Броня схватила Фиру рыхлыми, как дрожжевое тесто, руками:

– Дурочка моя, девочка... Беги! Беги на курсы, в Одессу, в любовь... Тикай отсюда, пока есть хоть один шанс. Иначе как... как я... не простишь себя никогда... всю жизнь. Всю жизнь – вместо, всю жизнь – как у других... Выживи, девочка, вырвись... Вырвись если хоть немножко любишь его или хотя бы себя...

Фира внезапно разревелась:

– Люблю-ю-ю! Бобале, я не знаю почему... Он смешной, я хочу смеяться, когда его вижу, он адиёт, это видно... Но я не могу не думать о нем.

За сорок дней у православных душа новопреставленного навсегда покидает землю, а Фире оставалось ровно сорок дней жизни в подготовке к смене веры, чтобы навсегда покинуть родительский дом. Это была страшная тайна, неведомая младшим сестрам и никому, кроме заговорщиков. Фиру, предательницу, преступницу могли если не убить, то закидать камнями. Мама, бабушка и Йоська относились к ней с пугающей истеричной нежностью, как к безнадежно больной перед уходом в мир иной. Отец почти не появлялся дома, не садился за общий стол, а столкнувшись с Фирой, прятал глаза и шарахался как от зачумленной.

Свою новую судьбу, Ивана Беззуба, она до свадьбы увидит еще трижды и то в сумерках, через щель в заборе. Он попытается просунуть между досок ладонь. Она, решившись, погладит его горячие шершавые, изрезанные вечными экспериментами пальцы и почувствует, как его жар переливается в ее руку. И шепот еле различимый через дыхание: «Я люблю тебя, не бойся, я все устрою, я люблю». Фира ничего не соображала от волнения. Она бродила по

дому, пыталась вышивать и путалась в цветных квадратиках орнаментов, буквы в книжке прыгали и расплывались, она проваливалась в сон как в спасение, бродила с тяжелой головой по саду и прислушивалась, прислушивалась к улице. А вдруг сейчас? Она уже знала, что несмотря на крупную фигуру, Ванька Беззуб двигался мягко и беззвучно, как кот.

Через положенные сорок дней на подготовку к обряду, которую никто не проводил благодаря дедушке Беззубу и его жертвованиям, Фира крестилась и венчалась в один день. Ничего не соображая от усталости, слез и волнения, путая слова «верую» и сдерживая головокружение от курящегося ладана. Влюбленный адиёт Ванечка стоял рядом.

Он своим инженерным умом рассчитал все ходы, варианты и маршруты. Остаться с выкресткой в Никополе – нельзя. Уже к вечеру будут знать, а значит – каждый выход из дома – угроза для жизни Фиры. Соплеменники такого предательства не простят. И месяца не пройдет, как в газетах появятся заметки об убийствах, пропажах и побоях выкрещенных евреек. Их ждет новая жизнь, полная солнца, неба и ветра. В кармане – два билета первым классом. «Сестра», колесный буксирный пароход, был ровесником Фиры и таким же красивым. За эти сорок дней он успел дважды сходить на нем в Одессу и изучил и судно, и маршрут – паровая машина развивала мощность до трехсот лошадиных сил. Колеса взбивали в пену маслянисто-синюю воду и несли по Днепру на скорости десяти узлов тринадцать человек экипажа и сто четырнадцать пассажиров первого, второго и третьего класса. Он высмотрел лучшую угловую каюту для их первого совместного путешествия.

Новоиспеченная раба Божия Ирина Михайловна Беззуб, ошалевшая, оглушенная таким поворотом судьбы, вышла из Никопольского Свято-Покровского собора. На венчании были только отец и дед Вани. После, на прощанье, дед перекрестил пару и заглянул Фире в глаза, а потом обхватил своей лапой за голову, притянул к себе и прошептал:

– Не дай ему пожалеть, слышишь? Ни дня чтоб не жалел! И помни, жидовка, никто не обещал, что будет легко.

Фира отстранилась и посмотрела ему в глаза:

– А я не пожалею?

Она повернулась к Ванечке и попросила:

– Пошли пешком.

Он согласился, подхватил чемодан. Мимо гостиницы Милкова – на берег Днепра, повернуть направо вдоль частной пристани пароходства Кумана и Шавалды к государственной, РОПиТовской – Российского общества пароходства и торговли.

Она почти вприпрыжку скачет по дощатым ступенькам, как будто нечаянно задевая плечиком горячий белоснежный рукав ее мужа, и думает только о том, что от каждого ее случайного касания Иван дергается, как от удара кнутом, и, притормозив, смотрит на нее совершенно звериным жадным взглядом. Она наконец-то рассмотрела, какие у него глаза – зеленые с янтарно-желтыми всполохами. И вообще ее Ванечка – самый красивый. Огромный, высоченный, с соломенными густыми волосами. И никакой не увалень, это одежда дурацкая, всегда мешком, не по моде, портила его широкие плечи. Она рядом с ним как котенок или птичка, еле достает до плеча. Ее узкая белая ладошка утонула в его шершавой горсти.

Ханка пряталась в кустах набережной. Она смотрела на Никитский рог и кусок казенной пристани, откуда была виден белый борт «Сестры», курсировавшей из Александровска в Одессу.

– Мам, вон она! – Ханка прихватила ладошкой рот Йоське – в толпе, по лестнице, с саквояжем в руке в Брониной единственной нарядной шали с шелковыми кистями шла, отрываясь по-живому от семьи, ее херцале^[3] и кецале, ее Фира, ее первый ребенок, которого она никогда больше не увидит. Ханке останется карточка и свежая могилка со старым именем.

И пока Йоська рвется и рыдает в мамину юбку, «отодвинься!» – то ли прорычит, то ли простонет Ваня Беззуб, когда толпа прижмет Фиру у трапа прямо к его груди. Он был прав – оба еле дотерпели до каюты. Захлопнув дверь и бросив чемоданы, они вопьются в губы друг друга и начнут прикасаться, познавать, сжимать партнера, обрывая пуговицы и петли. «Стыд-стыд-стыд» останется в прошлой жизни, на Никопольской пристани.

Ханка придет домой, разуется, разорвет края одежды и сядет на пол. Шива (поминальный обряд) по покойной дочери будет длиться неделю. Через положенные тридцать дней траура они откроют торговлю мануфактурой, а через год, совместно с Нестором

Беззубом, – первый торговый дом. Долгожданное благополучие, купленное за жизнь первенца. Фира разобьет не только материнское сердце, но и любовь Ханки и Мойше вместе с уважением к Броне.

Этот путь она вообще не запомнит. Фира и Ваня так жадно знакомились друг с другом и с собственными телами, что не обращали внимание ни на шум за иллюминатором, ни на время. Шестнадцать – идеальный возраст, чтобы оторвать махом родительское прошлое и нырнуть во взрослую жизнь.

Кецале

Одесса встретила Фиру солнцем и солью. Золотые зеркальные блики тонули в черной воде. Охристый берег как раскрошенный лейках – Бронин медовый пряник, прикрытый зеленой тканью. Цвет и свет здесь разливали ведрами. Слизкие ржавые полосы водорослей и глянцевого лепестки мидий на границе воды и причалов, красные обгоревшие шеи матросов над гюйсами. Пыль столбом, мед в воздухе. Это акации – их здесь много. Рыбья чешуя отполированных бульжников, вывески и дома плечом к плечу. Жизнь рвалась к солнцу из каждого окна, кричала о любви и страсти цветными юбками и платками, пахла рыбой, которую потрошили прямо у лотков.

Ваня шептал ей на ушко: – Это, конечно, окраина, но зато своя, не съемная. А скоро, совсем скоро я перевезу тебя в центр, где пирожные и кружева, мы будем гулять по бульвару, ходить в оперу... Тебе обязательно здесь понравится.

Бисерная россыпь пота над Ванечкиной припухшей от поцелуев губой. Обветренные лица, кружевные зонты. Это был ее город. Он вошел в ее легкие на первом вздохе и разнесся по малому и большому кругу крови.

– Мне уже нравится...

Обычный двор на Дальних Мельницах. Напротив – стекольный завод, в подвале на углу – рюмочная. Конюшни на первом этаже, квартиры – на втором. От первого они отличались только отсутствием коней. Вместо полугода аренды приличных номеров Ванечка на родительские деньги выкупил сразу три комнаты в углу дома, просчитав все ходы на ближайшие годы.

Фира зашла в темную сводчатую арку подворотни. Солнечный прямоугольник двора в базальтовых квадратных плитах. Женщины, дети, белье на ветру и разводы помоев под ногами, зеленый дикий виноград, завивающий чугунные резные перила, выбеленные колонны.

Новый дом встретил Фиру родным криком: – Кецале! Она вздрогнула и остановилась. Навстречу ей бежала женщина в платке, повязанном за ушами:

– Кецале! Кецале! Чтоб ты сдох! Опять нажрался!

Ваня успел отдернуть Фиру в сторону – во двор резво вбежал битюг. На узкой высоченной подводе лежало тело биндюжника Гедали по кличке Кецале – котенок. В болтающейся до земли руке был намертво зажат букет цветов в папиросной бумаге... Кличку он, при своем гренадерском росте, получил за кроткий, ласковый характер и смиренное терпение перед всей семейной женской руганью.

На втором этаже, разложив могучую грудь по перилам, стояла Нюся Голомбиевская в шелковом пеньюаре поверх батистовой ночной сорочки.

– Я люто завидую тебе, Ривка! Твой муж в любом состоянии – с цветами! Или это он своей кобыле купил? О! Новенькие! Соседи, а вам не слипнется – три комнаты на двоих, или ты уже непраздная, а дитё?

Мадам Голомбиевская оказалась практически Кассандрой. Фира действительно забеременеет в медовый месяц. А пока будет рассматривать меблированные комнаты, прикасаться к новой, уже ее посуде, раскладывать в тяжелом дубовом платяном шкафу простыни и наволочки и выходить как настоящая замужняя дама на разведку в ближайшие лавки и на рынок.

Языкатая бойкая Фира быстро влилась в дворовую жизнь и перезнакомилась с соседями. С Ривкой и ее мужем биндюжником Гедалей, с Софой Полонской из восьмого номера, с болгаркой Мусей и воровским кланом Семена Вайнштейна, одноглазого карманника по кличке Циклоп. Споткнулась только о старого Янкеля Фальтнера, который жил напротив в крошечной комнате. Он вышел на коридор, пронзил Фиру полуслепым взглядом и прошипел: – Мешумад^[4]. – Больше он не скажет ей ни слова.

За стенкой справа – соседний двор, слева – мадам Голомбиевская, она же полька Анюта, она же Нюся. Анюта съехала сюда относительно недавно из польской слободы, которая находилась буквально в квартале от их дома. Ее образ жизни и заработки сильно огорчали родственников. А Нюся не собиралась лишаться постоянных клиентов из-за чьих-то моральных устоев. Поэтому нашла недорогие комнаты в шаговой близости для удобства. Нюся устроила Фире экскурсию по двору – под лестницей в полутемной комнате точно под Беззубами жили Петрашевские, а у самого входа в подвалы и катакомбы – Макар, Павел Макаров – камнетес. Напротив, в правом углу галереи, болтались белоснежные необъятные трико Елены Фердинандовны

Гордеевой – главной акушерки от Дальних Мельниц до Люстдорфа. Помимо родовспоможения Елена работала в Еврейской больнице по венерическим заболеваниям.

Она была замужем дважды. Браки были церковными, и получала ли она благословление родителей и священника, никто не спрашивал. Такой суровой женщине предпочитали верить на слово. Каждый муж перед тем, как с треском сломаться пополам об ее чугунную волю, успевал оставить на память о себе ребенка. Обе дочери – Маргарита и Элеонора – носили одну фамилию – Гордеева, но разные отчества. Обе пошли статью и характером в мать и оттачивали семейное мастерство «строжить» младших и лечить ровесников во дворе и в ближайшем сквере.

На скрижалях жизненных заповедей Гордеевой были высечены десяток поговорок, три из которых были связаны с ягодицами. О неприкосновенности личных границ: «Знай край да не падай». Фраза звучала, когда кто-то наивно считал себя бессмертным и пробовал предъявить претензии касательно квалификации, расценок или лексикона Гордеевой. Он же был базовым для ее мужчин. Поэтому по ее же системе ценностей все сожители «по одной половине ходили – на другую не сваливались».

Кроме любимого всем двором рецепта «Голова – не жопа, завяжи и лежи», существовала и вторая версия: «Голова болит – жопе легче», которой она подбадривала и мотивировала страдающих от чувств, погоды или безделья пациенток и дочерей. Впрочем, эта сакральная фраза применялась и в более философских и сложных жизненных ситуациях и, на удивление, была актуальна и к месту.

Ну а девизом жизни Елены стала прибаутка, которую она привезла в качестве приданого из немецкой слободы: «Начинай – втянешься – не переломишься». И действительно, Фердинандовна сохранила стойкость и железный стержень и во всех случаях врачебной дискриминации по половому признаку, и в быту, и в отношениях.

Ее Рита и Нора носились с воплями по двору допоздна, а мать, отдыхающая после тяжелой ночи, могла в полдень рявкнуть так, что пугались не только свои и чужие дети, но и дворовые биндюжники, вышедшие во двор с вином и обедом. Макар сипло кричал куда-то вверх:

– Елена, после вас надо переляк выкатывать, я так понимаю, почему ваши роженицы быстро справляются, я бы тоже что-то из себя выронил от таких криков.

Елена орала в ответ:

– А ваши ноги пахнут так, что вас запретят пускать на Привоз, бо вся рыба стухнет вместе с продавцами!

Этот двор был театром покруче знаменитой Одесской оперы. В ложах второго этажа располагались дамы, в партере – мужчины с обедом. Простыни были парусами, балдахинами, семью покровами, капитуляцией перед солнцем и театральным занавесом...

Из него на авансцену с тазом, упертым в бедро, выходила Софья Полонская и глубоким волнующим контральто заполняла двор до галерки: – Галина-а-а, снимитесь – мне надо повеситься! – Веревки в солнечные дни на всех не хватало...

Но юные молодожены не участвовали ни в дворовых спектаклях, ни в соседских баталиях. Они были полны амбиций и планов. Ваня мечтал о небе, Фира – о врачебной практике. А еще они любили друг друга. Неистово. Каждую ночь, и утро, и вечер. И об эту любовь разбились все карьерные мечты.

– Дикари, я буду вам приплачивать, – смеялась Нюся, – вы так орете, что мои клиенты заводятся с пол-оборота.

Броня была права. Фира родит троих за три с половиной года. Первой будет Лида. Ровесница века, твердая, как ее каменное имя.

Ваня займется торговлей зерном. Точнее попытается. Как врожденный инженер он станет применять чистую математику к рыночной экономике, не зная ни парадоксов, ни договорняков черного рынка. Его харизма локомотива не включала прогибов и теневых схем.

Вложенные деньги сгорели. Устные обязательства и джентльменские соглашения не выполнялись. Он дважды с трудом продал за что купил – без прибыли и с нервотрепкой.

– Иван, – подвыпивший Гедаля приобнял грустного Ваню за шею, – слушай, ты хороший мужик, толковый, но чистый лопух. До слез. Ну куда тебе в коммерцию?

Беззуб, осоловевший от молодого бессарабского вина, обиженно сопел:

– Математика работает везде. Я не понимаю почему – я посчитал себестоимость, учел накладные расходы, заложил на взятки. Что не

так? Почему не работает?

– Ваня... – Гедаля вздохнул и налил темного, как венозная кровь, вина в стаканы. – Ты пойми – у тебя руки золотые, мозги работают. Тебе в анженеры надо, а не в негоцианты. Ты ж простой, как двери. Тебя вон Семкин малой разведет за пять минут. Жена твоя, Фира, прости, Ира. У нее торговля в крови, а у тебя нет. Ну смирись.

Ваня не смирится.

– Всрамся – не поддамся, – выдаст вердикт Нюся, когда Ваня купит партию зерна у херсонских крестьян. А утром оно исчезнет. Вместе с подводами.

Сема-Циклоп разведет руками: – Ты меня, Беззуб, не подписывай, я не по гешефтам с зерном. Там свои ребята. Тебя предупреждали: не умеешь – не лезь. Я тебе не помощник.

Ваня, потерявший целое состояние за ночь, не смирится. Не этому его почти все семнадцать лет жизни учил дедушка.

После унижительного разговора с Циклопом Иван молча поднимется к себе, снимет со стены арапник, в который раз, взвесив его в руке, ощущая знакомую добротную тяжесть и ухватистость рукоятки – ну прям как влитая лежит в ладони. Арапник вручил ему дед после пяти лет их совместных утренних ежедневных тренировок. Это был короткий хлыст с мощной и длинной рукоятью. Внутри рукояти скрывался тяжелый железный стержень, оплетенный сверху четырьмя слоями кожаных ремешков, а венчал ее металлический шар, тоже оплетенный кожей, – иногда его называли «турецкая голова». В результате рукоять превратилась в некий прообраз пернача или боевого молота. Сам хлыст был коротким, около 1,5 метров, что было достаточно необычно, но в умелых руках арапник – очень опасное и эффективное оружие.

Он заткнет его за пояс брюк сзади, накинет полотняный пиджак и пойдет на Привоз.

Привоз – огромный рынок на границе города – был буквально в паре кварталов от Ваниного двора. Здесь шла оптовая торговля – крестьяне приезжали подводами, вымешивая телегами степную пыль и грязь вместе с отсыпанной городскими властями щебенкой. Бродили свиньи, сновали по ногам крысы, спали в соломе грузчики-босяки, небольшие деревянные лавчонки и павильоны все равно не могли скрыть убогости и грязи рынка. То ли дело – Новый рынок или

Старый, на Базарной, – в который упирался широкий Александровский проспект. Но мест на Старом хватало не всем, а торговать с телег и вовсе не было где, вот и выплеснулся Старый рынок одним рывком за два квартала – на городскую черту большим открытым торжищем.

Ваня маневрировал между возами и криками к тому самому «солидному» павильону по оптовой торговле зерна.

С каждым шагом кулаки его наливались свинцом, ярость затуманивала мозг... Ну как же так – он никого не обманул, долго не торговался, рассчитался, как договорились, оплатил доставку и охрану и вот теперь остался и без денег, и без товара...

Сейчас он и выяснит, кто и почему оставил его семью без гроша. Но, зайдя в лавку вчерашнего продавца, так выгодно продавшего ему зерно, вместо своего благодетеля Иван обнаружил четырех огромных мужиков самого устрашающего вида, которые довольно недвусмысленно держали руки на рукоятках больших ножей, а один небрежно крутил в руке кистень...

– Тебе чего, хлопче? – спросил тот, что с кистенем, и, не дожидаясь ответа, добавил: – Иди отсюда подобру-поздорову.

– Мне с хозяином поговорить надо, я с миром пришел, – спокойно ответил Иван.

– От же ж непонятливый какой дядька опять попался... А ну, хлопцы, поясните ему по-нашему, если с первого раза не понимает.

Троица выхватила ножи и двинулась к Ивану.

Ярость и обида исчезли. На их место пришло холодное осознание – будет драка... будут убивать... И внутри раздался голос деда-пластуна: «Слушай! слушай!!!» – именно таким возгласом дед всегда призывал Ивана на тренировках к максимальной собранности и внимательности. Это было самым трудным и таинственным из умения пластунов. Умеющие «слушать» казаки-лазутчики могли делать такое, что было не под силу самым опытным и крепким рубакам.

Критическая ситуация очень помогла Ивану войти в боевой транс – сразу же включилось туннельное зрение, он моментально нашел спиной угол, чтобы не подобралась сзади и он смог максимально сузить поле предстоящей битвы. Беззуб выхватил арапник из-за пояса.

Трое с ножами стали приближаться к Ивану. Держали они их по-разному, но один был явно опытнее – зажимал оружие обратным хватом.

«Этого надо выбить первым», – определил Иван.

– Мужики... не надо... я хочу просто поговорить, я не буду убивать, – сказал он сам не зная почему, хотя понимал, что обратного пути нет ни у него, ни у нападавших.

Ответом был смешок главаря. Молодой мещанчик против опытных костоломов.

– Бой! – скомандовал себе Иван и, одним выпадом сократив расстояние до нападавших, нанес рукоятью «опытному» серию молниеносных ударов в горло, солнечное сплетение и болевые точки, нейтрализовав его на долгое время.

Хрипя и кашляя, «опытный» упал на колени, а после завалился под ноги своим корешам.

Уйдя плавным пируэтом за спину нападавшим, Иван перехватил арапник поудобнее и ударил «турецкой головой», как молотком, второго сзади за ухом в ту небольшую область, что ныне называется «рауш-зоной» – это гарантированно погрузило бандита в небытие минимум на 20 минут, развернулся к третьему для атаки и тут же упал на пол, откатившись в сторону – сработал тот самый звериный инстинкт, то умение «слушать», что так долго и старательно прививал ему дед... Потому что над самой головой просвистел увесистый наконечник кистеня. Это подключился к бою вожак – он был опытен: почти просчитал траекторию отката Ивана, и дважды наконечник кистеня своими шипами глубоко вонзился в дощатый пол у самой головы Беззуба, только чуть-чуть опаздывая за его движением.

– Вверх! – скомандовал себе Иван, и моментально его тело выполнило приказ. В немыслимом и нескончаемом движении, практически встав на голову, он мощным толчком обеих ног ударил вожака по коленям, тот рухнул, как подкошенный, и Иван в перекате добил его уже практически на полу ударом локтя в поясницу.

– Третий готов, еще один остался, – Беззуб окинул быстрым взглядом комнату и увидел четвертого любителя ножей – тот лежал неподвижно, с разбитым лбом.

«Это как? – мелькнуло в голове. – Кто ж его? А-а-а, под кистень подставился балбес», – понял он.

Скорее всего, четвертый оказался растяпой, неопытным и просто случайно попал под удар вожака, когда тот охотился за Беззубом.

«Ну вот и славно, – подумал Ваня, проверяя глубину забытья у злодеев. – Все в порядке, отдыхают надежно. И слава богу, что никого не убил, мне вот только неприятностей с полицией сейчас не хватало», – устало подытожил он.

«Пришло время хозяина», – мысленно усмехнулся Иван. Боевой транс понемногу покидал его, и на смену, как всегда, приходила дикая усталость и апатия...

Держа арапник уже как хлыст, он ударил в перегородку между общим помещением и маленькой конторкой, где в прошлый раз сидел, торгуясь с продавцом.

Ответом на мощный удар были испуганные и тоненькие скулящие звуки...

– Выходи, урод – лениво сказал Иван.

Хозяин конторы, дрожа всем телом, быстро пронесся мимо него к выходу, вопя во все горло: – Полиция! Полиция! Убивают!!! – Удар хлыста остановил его у самой двери и опрокинул на пол, напрочь отбив все желание звать на помощь...

Превозмогая дикую усталость, разом навалившуюся на него, Иван отволок продавца в конторку и подробно расспросил обо всем, что касается их сделки. Понадобилось всего два легких тычка «турецкой головой» в область почек, и вся комбинация стала известна.

А информация оказалась очень опасной... В деле были завязаны сразу несколько банд... Не зная, что делать с таким багажом, как в одиночку справиться с ними и вернуть украденное, Иван отправился восвояси, предварительно отвесив каждому, включая хозяина, по пять ударов плеткой по спине и филейной части – так сказать, в назидание.

Информация о том, что «пришлый» в одиночку завалил четырех умелых бойцов из группировки «зерновиков», разнеслась в тот же вечер по Одессе с быстротой молнии, и утром уже сам Циклоп осторожно скребся в двери квартиры Беззубов и смиренно ждал у двери, пока ему откроют. Глядя в пол, сказал появившемуся на пороге Ивану:

– Тебя просят для разговору солидные люди – пошли со мной... – и добавил выскочившей следом Фире: – Не бойсь, все путем, вернется твой живым и невредимым. Люди сказали свое слово. Зайду через час. Будь готов!

Иван надел чистую рубашку, вспомнил про пострадавший парусиновый пиджак – рукав на нем треснул по шву – может, Фира успеет зашить?

Беззуб потянул пиджак с вешалки – тот был непривычно тяжелым. Ваня с удивлением вытащил из кармана кистень и ухмыльнулся. Он, конечно, ушел с поля боя в состоянии аффекта, но чисто по-мужски не забыл прибрать ценный трофей. Тот самый, который чуть не раскроил ему череп. Кистень был летучий, не на цепи, а без рукоятки, на кожаном плетеном ремне с петлей. Тяжелый чугунный шар с шипами отлично умещался в ладонь и мог использоваться и как кастет. Ваня повертел его в руке и вспомнил дедовскую присказку: «Что попалося на глаза перед выходом – бери, пригодится». Формула работала не всегда, но Ваня как зачарованный продолжал таскать с собой в карманах странные предметы – от материнского платка до гвоздя.

Он еще раз осмотрел пиджак – вот и на спине разошелся, и рукав в грязи, никак не успеет.

Другой одежды у него не было. Так что на встречу с бандитами Иван пошел нарядным, в свадебной паре с жилеткой, только что без бутоньерки.

Вайнштейн поводил его минут двадцать дворами.

Беззуб скривился:

– Семен, «кручу-верчу-запутать вас хочу»? Шо ты, как те наперсточники, четвертый круг вокруг Госпитальной делаешь? Думаешь, я заблужусь? Или мы сильно заранее?

– Не свисти, Ваня, – огрызнулся Вайнштейн, – следить могут.

Иван с интересом посмотрел на него:

– Интересно, кто? Улица пустая.

– Это уважаемые люди. Такие, как ты, их обычно видят всего два раза – первый и последний.

Вайнштейн провел Ваню проходным двором и вывел почти на Балковскую.

Нырнул в подворотню, за ней насквозь в другую и наконец остановился в маленьком дворе. Посреди двора рос здоровенный орех. Его лапы прикрывали оба этажа и бросали овальные пляшущие тени на базальтовые плиты.

Вайнштейн затейливо постучал в массивную деревянную дверь и зашел. В полутемной комнате за столом сидел мужчина лет сорока в

хорошей свежей рубашке, пижонском жилете и светлых брюках. Сухощавое тело, треугольная змеиная голова на тонкой шее, буквально разрубленная наискось идеальным пробором. Черные волосы по последней моде зализаны и напомажены до зеркального блеска. Рот – как щель, прорезанная в полусохшей глине. И глаза. Два черных пулевых отверстия, настолько глубоко посажены, что едва видны дырками из-под нависших надбровных дуг.

Руки, покрытые венозной сеткой и линиями синими мастями.

Вокруг короля ютилась свита, слишком крупная для этого помещения. Ваня сразу заметил утреннего жоака с разбитым лицом. Он выглядел уже не нагло-разудалым, а тихим и смущенным – как набедокуривший троечник в гимназии.

Еще четверо усиленно изображали занятость – один изучал рюмки в серванте, второй курил в форточку, третий за ломберным столиком в уголке раскладывал пасьянс, ну а четвертый стоял за спиной у Вани.

– И это он тебя так уделал? – удивился главный, оглянувшись на привозного бандита. – Ну, Степан, ты меня премного огорчил!

Степан побелел. А хозяин повернулся к Беззубу:

– А ты удивил. Ну и откуда ты такой умелый?

– С Мельницкой, – ответил Иван. – А это вы мое зерно украли?

Главный выдержал паузу.

– Ты непуганый или бессмертный, Иван?

– Непуганый.

Главарь улыбнулся

– Он мне нравится, цикавый какой. Ну садись. Где драться научился, не спрашиваю. Чем на жизнь думаешь зарабатывать, Ваня Никопольский, казацкий внук?

– Мозгами – буркнул Ваня.

– Что-то немного ты ими заработал, – заржал главный. – А вот рукастый – это слов нет. Уважаю.

– Деньги мои верните или зерно.

– Чего?! Ты пришел к нам свои деньги требовать?! Сема, ты ему не сказал, кто мы?

Сема попытался слиться с бархатной шторой у двери. А старший так же ровно продолжил:

– Профукал свое зерно, как лох, – вот и седи ровно. А деньги нужны – так заработай.

– Где? – насупился Ваня.

– Где – скажу. Умеешь кнутом драться? С нами на дело пойдешь. Нам такие трюки точно пригодятся. Чтоб не насмерть, а на четверть часа кого надо отключить. Так что, жених, ты правильный прикид выбрал. Радуйся. Судьба твоя решилась. Будешь у нас и в горе, и в радости, пока смерть не разлучит.

– Я не пойду.

– А куда пойдешь? В босяки? Ты парень крепкий, на сезон тебя хватит, а там, гляди, и сопьешься.

– Найду я работу, и заработок найду. – Ваня привстал. – Разрешите откланяться?

Охранники молниеносно развернулись и наставили на него стволы.

– Куда собрался, мил-человек? Ты, сопля зеленая, что считаешь, что если выпорол четырех дураков, то Бога за бороду поймал?

Ваня сунул руку в карман и выхватил кистень, зажатый в кулаке с прижатым к шипу спичечным коробком. Он вскочил на ноги и прилип спиной к буфету:

– А ну отошли! Сейчас все со мной на тот свет без пересадок!

– Бомба! – взвизгнул Вайнштейн и рухнул в угол.

– Откуда у него бомба? – угрюмо процедил один из бандитов.

Иван выставил руку вперед:

– Сам собрал – сера, ртуть, порох слоями, пули по две унции и запал – вот и вся премудрость, да фитиль. Ну иди сюда – проверим!

Главарь с интересом посмотрел на Беззуба.

– Вы идите, хлопчики. Ваня, ты же их отпустишь? Со мной справишься?

Иван утвердительно мотнул головой.

Бандиты спешно вышли. Хозяин комнаты с сосредоточенным напряженным лицом бросил им вслед:

– И двери плотно закройте – не ровен час...

Дверь захлопнулась, прищемив бархатную штору.

Главарь вольготно откинулся на стуле и растянул щель в булатной улыбке.

– Ой насмешил, Ванька!

Беззуб, втиснувшись кормой в буфет, вопил:

– Сейчас взорву все к чертовой матери!

– Чем? – ухмыльнулся главварь. – Кистенем Степкиным? Вот, анженер, полюбуйся!

Он приоткрыл ящик стола и вытащил гранату:

– Это настоящая! Из Африки приперли... Английская... – и нежно погладил рукой чугунный шар с запальным шнуром. – Дорогушая! Но твоя кукла похожа. Ничего не скажешь! Вон как мальчики напугались. А что ты там про ртуть с серой говорил? Что, правда, пропорции знаешь?

– Да это я так... для форсу, – покраснел Ваня.

Главварь беззвучно рассмеялся:

– Ох, да ты с куражом! Дурак дураком! Но дерзкий. Нравишься ты мне. На меня похож. Я такой же был.

– Отпустите меня, – попросил Иван, – зачем я вам?

Главварь посмотрел на его задумчиво:

– Да мало ли куда такой талант приспособить можно... Но ты, я вижу, не готов. Ладно, поживи. Погуляй, об углы побейся. Может, еще и вернешься. Далеко пойти можешь.

– Спасибо, – кивнул Беззуб.

– Кистень забери, заработал, твое, – улыбнулся главварь. – Иди спокойно. Не тронут. Только в хлебный промысел больше не суйся. Убью.

Ваня вышел со двора. За ним тенью метнулся Сема:

– А ты что, правда бомбы умеешь делать?

– Умею. Отвали, – Беззуб быстро зашагал домой, пытаясь понять, что произошло. Его попытку разложить мысли и чувства по полочкам перебивал возбужденный громкий шепот Вайнштейна:

– Вот это тебе повезло! Чтоб Король отпустил и за своих не покалечил – не бывало такого! Будешь, Ванька, в авторитете. Спасибо скажи!

Ваня развернулся:

– Не велика честь! Ограбили, а потом помиловали?!

– А ты как хотел? В серьезную тему полез – такие, как ты, в Одессу вагонами прут. Не по Сеньке шапка – с зерном мутить. Реально счастье, что жив остался. А дай бомбу посмотреть.

Беззуб хмыкнул и ускорил шаг.

– А продай мне? Ты ж нищий теперь. А там еще сделаешь, я еще куплю. Вот тебе и гешефт.

– Отстань! – Больше всего Ваня тревожился, как он посмотрит в глаза Фире. Он не оправдал доверия, потерял деньги. Не будет пирожных и шелков, не будет квартиры на Ришельевской...

Не зря Ваня променял авиацию на бабу – Фира проявит высший пилотаж женской мудрости. Узнав о потере всех родительских денег, она снова промолчит. А потом достанет шкатулку:

– На месяц хватит. Я откладывала от всех денег, что ты мне давал. Выживем. Я за младенчиками могу смотреть или в больницу санитаркой пойду.

Ваня, как мальчишка, залился краской:

– Моя жена не будет работать. Ни дня! Тебе дома с головой хватает.

– А поехали на море? – внезапно предложит Фира. – А то уже почти два месяца живем, а до него не дошли.

– Пойдем! – согласится Ванька. – Я читал где-то, что море снимает усталость и мысли очищает.

– Ой, это так хорошо, – совершенно серьезно ответит Фира. – А то мысли у меня грязные, и все о тебе.

Фира выберет Аркадию. Длинный песчаный пляж, куда почти до воды доезжала конка. Трамвайчик, покачиваясь и звеня, пролетал по Французскому бульвару и останавливался в аккурат рядом с заведением «Аркадия», которое открыл сам начальник конки. Его умение выбирать названия оказалось феноменальным. Задолго до того, как одесситы окрестят весь в район в честь кафешантана – Аркадией, райское местечко стало для него и городской казны буквально золотым. Этот пологий с мягким песочком и живописными валунами пляж затмит даже главный городской у Александровского парка.

Фира выскочит из трамвая и, на ходу стаскивая ботинки, подбежит к воде, смешно взвизгивая на горячем песке. Она приподнимет двумя руками намоченный тяжелый подол и забредет в воду почти по колено. Белый шум волн, скупые песчаные и терракотово-горчичные склоны с редкими холодными плетями дерезы... Фира жадно втягивает носом воздух. Вдалеке на вершинах холмов виднеются несколько богатых дач. – Вон купальня, – Ваня в подвернутых штанах станет с ней рядом, – там можно снять платье и окунуться.

Фира стояла ничего не слыша, уставившись в одну точку куда-то на линию горизонта, глядя сквозь полуприкрытые веки. Это было непередаваемо – синяя бесконечность практически незаметно

переходила в небо. Фира легонько покачивалась. А Ваня перебирал в кармане мелочь – на первый класс не хватит...

Купальни в Аркадии были двух классов – как и положено, в первом за двадцать копеек дамы могли переодеться и практически незамеченными нырнуть в воду подальше от берега и поплескаться. После водных процедур подавали полотенце, горячий чай с «марципанами», а также кружку пива или кваса.

Во втором классе возможность сохранить лицо стоила всего пять копеек, но в кабинках поуже и попроще, кроме того, там тоже выдавали полотенце.

– Вот, держи, – Ваня протянул жене пятак. – Прости, любимая, с меня марципаны и квас.

– А шо так скромно? Разбогатеешь – с тебя шампанское и совместное купание подальше отсюда, – улыбнулась Фира и мягко отстранила его руку с монетой, – тем более я плавать не умею. Зачем мне та купальня?

После многолетней дедовской муштры Ваня и представить не мог, что кто-то не обладает такими элементарными навыками.

– Иринushка, там внутри веревка, ну обвяжись вокруг пояса и попробуй. Тебе понравится. Меня, к сожалению, с тобой не пустят и за рубль.

Купальни на границе девятнадцатого и двадцатого века даже в прогрессивной Аркадии были отдельными. Несознательные бедные граждане плескались в исподнем, самые прогрессивные и обеспеченные – в купальных костюмах до колен.

С площадки под соснами гремел оркестр. Фира, стащив платье в узкой и душной дощатой кабинке, хмыкнула сама себе под нос: – Помирать – так с музыкой! – и, схватившись намертво руками за веревку, опустилась в воду.

Она держалась за край купальни и наслаждалась внезапной невесомостью и зыбкостью, теплая вода баюкала и покачивала. Фира облизала губы – соленые какие! Вот для чего квас или пиво – вприкуску с этой солью на теле!

Она проторчит в воде хороших полчаса, потом стянет мокрую сорочку и насухо вытрется. Ну и как теперь это домой тащить?

Фира шла со сбившимися мокрыми волосами и свернутой в узелок нижней сорочкой. На причале ее уже ждал Ванечка.

– У тебя что – под платьем ничего нет?

– Кому что, а курке – просо! – рассмеялась Фира. – Спасибо тебе! Это действительно незабываемые ощущения!

Ваня незаметно провел ей рукой по спине, скользнув чуть ниже:

– О боже, я с ума сойду, зная, что ты там...

Фира тряхнула головой:

– Так поехали домой скорее!

Они заторопились к трамваю мимо буфетов и ресторанчиков. Фира старательно не замечала призывных вывесок и зазывал. О, как же Ваня хотел отвести ее в самый шикарный ресторан, отобедать с шампанским, но, увы, после зернового кризиса эти пять рублей были непозволительной роскошью. «Я заработаю, я обязательно заработаю», – думал он...

Это были самые тяжелые три месяца на новом месте. Иван Беззуб, внук полковника, сын негодянта, пошел помогать Гедале. В хлебный сезон биндюжники поднимали и спускали на ветер состояния, и помочь заработать на булку с маслом соседу было не в напруг. Гедаля принадлежал к уважаемой династии – еще его дед начинал работать в порту. Биндюжники – высшая портовая каста грузчиков, а точнее ломовые извозчики, специалисты по грузоперевозчикам. Их счастье и монополия начались в далеком 1824 году, когда было принято решение не пускать под погрузку – разгрузку в город и порт никого, кроме биндюхов – высоких, почти в рост человека, узких телег – рыдванов. Отец Гедали сменил биндюх на купленный за все сбережения бенд-ваген – повозку из немецкой слободы на железных осях, высотой с Фиру. А сам Гедаля пополнил полученное по наследству дело парой першеронов – толковых тяжеловозов с удивительно мягким ходом. Гедаля гордился, что даже его любовь и судьба тоже связана с извозом. Это ж надо было влюбиться в сосватанную девицу с таким именем! «Рива» означала упряжку.

На его бенд-ваген можно было загрузить до сотни пудов, а размеры телеги помогали разминуться двум извозчикам и на узких улицах, и на причалах. В хлебный сезон с августа по конец октября Гедаля шикавал. За одну ходку с одной телеги – пятнадцать рублей! А в день таких с десятков. Пьяный Гедаля бахвалился:

– Ривка, шикарно живешь – вон околоточный надзиратель получает пятьдесят целковых в месяц, а я – в день. У Фердинандовны, а она

ученая, дохтур, восемьдесят пять – а я могу больше за день привезти!

– Так доведи хоть раз, мишигинер^[5]! Горе мое! Все пропивает! Видели – он на трех телегах свои кости домой везет! Тут – сам! Там – плащ, а на третьей – картуз! Шоб тебе пусто было, пропойца! Пять ходок сделал – а карманы пустые!

Ривка привирала. Несмотря на беспробудное пьянство, Гедаля всегда минимум десятину отдавал супруге ежедневно. Но этим клятым бабам разве угодишь!

С Ваней в помощниках дело пошло веселее и прибыльнее. Молодой Беззуб был здоровый, как любимый Гедалин тяжеловоз. И такой же выносливый. Они грузились и разгружались в три раза быстрее. Ваня не только грузил зерно, но и подрабатывал Гедалиной совестью на общественных началах и безнадежно портил традиционные пьянки своим занудством и напоминаниями про Ривку. Тот вздыхал и уходил из трактира.

– Так люблю ее, – признавался пьяненький Гедаля, возвращаясь домой с Иваном и покупая Ривке очередной огромный букет в папиросной бумаге. – Жить не могу без ее крика. А когда ласковая – то боюсь, сердце остановится от нежности. Глупый я, да?

Ванька смотрел на заветренное до черноты Гедалино лицо, мощную, как у его першеронов, шею, разбитые мозолистые руки и детскую улыбку в сетке морщинок, разбегающихся белыми лучами от глаз и по щекам.

– Не, Гедаля, ты хороший. Только пить не умеешь.

– Зато люблю это дело, – Гедаля хохотнул и присвистнул: – Поехали, Беззуб, – еще один гешефт сделаем. Ночной.

Помимо зерна, в сезон у Гедали, одного из немногих избранных биндюжников, был круглогодичный заработок в городе. Пока товарищи по цеху с ноября по март занимались опасными и долгими междугородными перевозками, он делал ночные рейсы на Большой Фонтан. Там, за заколоченными на зиму дачами и немецкими поселками швартовались корабли пополнять запасы питьевой воды и сгружать контрабандный товар. Он приходил сюда регулярно – до, после и вместо хлеба и кормил полгорода. Перевозить дорогие грузы доверяли только самым проверенным и молчаливым. Гедаля, несмотря на попойки, ни разу не обмолвился об этих походах налево.

Лунная дорожка над тихим морем, первый запах прелых осенних листьев, шорохи и скрипы пустых одичавших дач, черные тени на лунной дороге – Ваня с жадным жюль-верновским интересом впитывал новые грани одесской жизни. Гедаля съехал почти к морю и присвистнул – из кустов дерезы прорезался темный силуэт и махнул рукой. Они съехали еще ниже. Из лаза, вырубленного в ракушняковой породе, нависавшей над песчаным пляжем, вынырнули две фигуры с мешками. За ними еще две.

– Вань, помоги, – шепнул Гедаля, придерживая коней. Беззуб с готовностью прыгнул в пыль и нырнул в катакомбу – там при свете фонаря грузили мешки. На табуретке с тетрадкой сидел один из бандитов, тот самый недоверчивый, которого Иван видел у хозяина Молдаванки. Он вскинул бровь:

– Ванька? Борзый?

Ваня уважительно кивнул, отвернулся, подхватил мешок на спину и пошел к выходу. Гедаля загонит подводу в центр и сгрузит на Греческой в магазине Шадинова. Вместе с Ваней быстро и бесшумно разгрузит подводу. Вернутся они домой почти на рассвете.

– Поспим на час дольше, – объявил Гедаля, выдавая Беззубу его дневной заработок с приличным наваром за ночной променад.

Утром Иван пришел к конюшне Гедали, когда тот уже выезжал.

– Вань, ты дома оставайся.

– Гедаля, ты чего – у нас сегодня восемь ходок. Одному тяжело будет.

Гедаля опустил глаза и смущенно пробубнил:

– Беззуб, ты это... зла не держи... У нас третье поколение биндюжников. Нельзя тебе со мной. Совсем. Приказ вчера, точнее уже сегодня получил... Не могу послушаться, а то выкинут с порта или коней потравят. Не знаю, чем ты там не угодил. Но я – простой биндюжник, как Гордеева говорит, «по одной половине хожу»... Не обессудь. Оба пострадаем, если я послушаюсь...

Деньги не пахнут

Одесса – это маленький Чикаго в восточном полушарии: не заработаешь здесь – не заработаешь нигде. А деньги были повсюду – лежали в лотках уличных торговки и ювелирных мастерских,

рассыпались из карманов и с телег одесских биндюжников во время сдачи зерна, пускали солнечных зайчиков с золотых жилетных часов господ бандитов... Деньги лились по пыльным дорогам, впадали в порт, оседали на кустах дерезы возле лазов в катакомбы, по которым контрабандисты уходили от полиции. Денег было полное Черное море, только у Фиры с Ваней они катастрофически быстро заканчивались. И ни бицепсы от дедушки, ни математический ум не помогали. Но у Ивана теперь была лучшая мужская мотивация – беременная жена. Несмотря на юный возраст, он пребывал в благоговении от такого сложного и совершенного Божьего инженерного замысла. Ваня прислушивался к ее животу, угадывая первые легкие движения, недоумевая и восторгаясь. А Фира мечтала о батисте и французском кружеве, чтобышить приданого младенчику. Поэтому технический мозг юного супруга круглосуточно считал все возможные комбинации и выходы.

Ваня возвращался с Привоза. Здесь, на окраине, всегда можно был купить дешевле, но экономия не помогала. Мимо прозвенела конка. Вагончик обдал жаром зазевавшегося Беззуба, он остутился и вступил в свежий навоз – лошадки опорожнялись прямо на ходу.

– К деньгам, – машинально произнес он. С этой горячей волной от конки и дерьма пришло решение. Ваня помчится обратно к Куликовому полю – в трамвайное депо, где хранились вагончики конки. С Бельгийским акционерным обществом одесских конно-железных дорог, а точнее ремонтной мастерской, разговор не заладится, и Ванечка с корзиной повернет на железнодорожный вокзал. Закрыто. Наутро он придет на Канатную в конюшни одесской конки. Девятнадцать маршрутов прошивали весь город. Именно Бельгийское акционерное общество откроет для одесситов удобную балку с прямым выходом к морю.

Ванечка примчится домой. И сядет за Фирин «Зингер».

– Мне надо пошить котомку...

– Какую котомку? Ванечка, мы по миру пойдем?

– Нет! – Ванечка любил Фирин юмор, но понимал не всегда. – Мне нужна котомка для навоза.

– Для чего?

– Для навоза конского. Смотри! – он вытащил листочки и стал писать.

– Сколько маршрутов у конки? Девятнадцать, и вагонов, значит, минимум девятнадцать. А лошадей в два раза больше! Потому что они каждый день таскать не могут, им отдыхать надо.

Фира прикусила губу:

– Ванечка, а тебе отдохнуть не надо?

– Дослушай! Лошадки, Ирина Михайловна, каждый день нужду справляют большую и малую. И делают это по зову плоти, а не когда на конечную приезжают. И все на дорогу валится. Некрасиво, и запах, и барышням, таким, как ты, ходить неприятно – башмаки пачкать. И я подумал...

Ваня, как персидские авторы миниатюр, одной линией нарисовал лошадь: – Вот сюда и сюда нужны крепления. И котомка!

Фира посмотрела на рисунок и положила Ванечке руку на плечо:

– Ночной горшок для кобней?

– Ну, можно так сказать. Подвесной! Я сейчас пошью!

– Ой, пошьет он! – Фира толкнула его бедром. – Подвинься, модистка! Какая там филейна часть у коней? – она хихикнула. – А ты знаешь, как оно падает?

– Не смейся! – Ваня укоризненно посмотрел на жену. – Ну не смейся – я думаю еще ведро привязать, чтобы мочились тоже не на дорогу.

– Ой не могу! – хохотала Фира. – Это ж сколько навоза за день собрать можно! Фунтов двадцать с каждой лошади!

– Надо еще подумать, куда и как его выбрасывать, – задумался Ваня.

– А-ди-ёт ты, Ванечка, кто ж его выбрасывает! Его на бахчу надо! Арбузы будут больше твоих дирижаблей!

– Ира! Ты гений! – Ваня набросился на Фиру с поцелуями и надолго отвлек от пошива мобильной уборной.

А с раннего утра он поставит на ноги все конюшни и дойдет до управляющего. Сумасшедший юноша с котомкой для навоза вызовет сначала смех, потом интерес, а когда речь пойдет о сдаче и продаже навоза здесь же, у Привоза, уже фактически упакованного, получит место и жалованье. За первые полгода Беззуб предложит еще десяток изобретений – от усовершенствованного тормоза (лошади, несмотря на шоры, могли понести вагон) до правил поведения для пассажиров. Девяносто процентов его идей шли в корзину, но рвение, мысли и

прибыль от сдачи навоза позволяли поощрять такого ценного сотрудника. Через полгода Иван уже будет штатным инженером с приличным жалованьем. А после смены будет бегать на железную дорогу в депо.

1900

Будет больно

Фира проведет своего Ванечку на службу и выйдет на галерею с фарфоровой чашкой.

Она вскрикнет и обнимет рукой низ живота... Кажется, начинается...

Через четыре часа ей уже не казалось, а Елена Фердинандовна все еще была в больнице. Ривка стонет в Еврейскую.

– Там Ирка рождает! Первенца. Ты скоро будешь?

Елена огрызнется:

– Не родила? Приводите, привозите – я ж не брошу больных! У меня до завтра дежурство.

– Могли бы твои сифилитики подождать! – фыркнет Ривка.

Она прибежит во двор и заглянет Фире под подол:

– О, девочка, уже никто никуда не идет...

Роды примут Ривка и Софа: – Когда у тебя трое своих – зачем нам платить немецкой шиксе? – смеялись они потом, принимая от счастливого Ванечки подтаявший контрабандный шоколад. Из подвала рюмочной – прямо через черный ход во дворе – вынесли бутылки с вином. Соседки собрали закуску. Ванечка напоил всех – от мадам Голомбиевской и ее смущенного клиента – уважаемого хлебного брокера до карманников, занесших долю Семе... Пока двор гулял, Фира ворковала над младенчиком. Девочка была невероятно серьезной и сосредоточенной. Но только первые сутки. Дальше начался ад – молока у Фиры практически не было.

Нюся из соседней квартиры выходила в утренние сумерки: – Голодное дите, дай ей сахарной водички – сама не спишь и всему двору не даешь. Давай я покачаю.

Отекшая Анюта качала на гигантской груди Лидочку и колыхалась при каждом шаге. Несмотря на водянистое тело она пользовалась большим спросом. В этом жарком колебании находили отраду и покой не только клиенты – Лидочка неожиданно затихала и с интересом

смотрела то в линиялые голубые глаза Нюси, то на доски, закрывающие крышу галереи.

В это время Фира засыпала прямо на сундуке в коридоре, поджав по себя узкие белые ступни. За ней выходил Ванечка, кланялся мадам Голомбиевской и на руках уносил жену в дом.

На седьмой день Фирина крошечная грудь налилась и остекленела. Начался жар. Ваня притащил из трамвайного депо фельдшера. Но тут с очередной смены вернулась Гордеева. Она оттолкнула коллегу от Фириной груди:

– Шо пришел – потрогать или посмотреть? Шо ты понимаешь в женских болезнях?!

Фельдшер попробовал возмутиться, но Елена была авторитетнее минимум на пятьдесят килограмм.

– Сколько родов принял? – рывкнула она. – Где учился, халамидник?!!

Когда покрасневший вместе с пенсне фельдшер что-то прошипел про киевские курсы, Фердинандовна выставила свою шикарную грудь пятого размера:

– Вышние... – она выдержала паузу, – вышние николаевские медицинские женские курсы Петербургского университета. Финальная гастроль! Божьей милостью! Государь император сказал, что наш выпуск последний – довели до конца курса! Моего! Больше баб врачей там не было. Акушерская школа Австрии – два года. Пять сотен рожениц. Что вы тут лепечете, шарлатан?!

Пока Ванечка пытался материально компенсировать душевную травму жертве эмансипации, Елена повернулась к Фире:

– Давно молоко прибыло?

– Три дня назад.

– Чего ребенку грудь не дала?

– Она не брала, – пролепетала Фира.

– Конечно не брала – соски, как у кошки! – осмотрев Фиру, сообщила Елена. – Дитю ухватить нечего.

– Лед в рюмочной проси, – скомандовала она Нюсе, – а то от жара сдохнет!

А сама повернулась к Фире:

– Будет больно. Лягай на спину.

Фира беззвучно плакала, намертво сцепив зубы, пока Гордеева расцеживала ей грудь. Пройдет больше ста лет, а ничего эффективнее такого массажа не придумают. Но в далеком 1900 году Фире было все равно – она смотрела на лепнину в потолке и просила ее, чтобы вон тот серафим в завитках отвалился ей на голову, и все закончилось. Совсем, немедленно. Через полчаса в ангелочка ударила жирная желтая тяжелая струя.

Фердинандовна оттерла пот со лба:

– Теперь дите давай – приложим. У тебя молока на теленка хватит.

1901

Урожайный год

– Не в коня корм! – смеялись дворовые мадам. Лидочка была тоненькой, как цветок, с пышной черной кудрявой головой на хилом стебельке и спичечных ножках. Ваня подбрасывал ее к потолку:

– Пушинка, как ты, Ирка!

Лида летала с таким же каменным лицом, как ела, ходила на горшок или играла с тряпичной куклой.

– Зато характером точно в тебя, Ванечка, – хохотала Фира.

Январь девятьсот первого оказался невиданно снежным. Метровые сугробы возле Дюка позволяли всем желающим поздороваться с градоначальником лично за руку.

Фира с Ваней радовались неожиданным каникулам – то снега, то забастовка. Они ходили гулять аж до прудов в усадьбе Разумовского, катались на саночках и пили чай на Дерibasовской. Хорошо снова остаться одним.

– Помнишь нашу каюту? – хихикала Фира.

– Ирка, я себя не помнил тогда, какая каюта? У меня только ты со своей сотней пуговиц и крючков перед глазами – руки трясутся, в глазах плывет. Если бы не боялся напугать тебя в первый раз – рванул бы то платье одним махом сверху донизу!

– Прямо африканские страсти!

– Африканские, говоришь? Сейчас напомним! Где то платье дурацкое?

Реконструкция первой ночи закончится для Фирмы новой беременностью, а для Нюси за стенкой самыми щедрыми чаевыми от клиента за звуковые спецэффекты. А чего не пошуметь, если Лидочка была у Ривки. Женщины двора организовали бытовую версию мусульманского гарема – по очереди дежурили со всеми детьми и готовили на всех. Многодетная Ривка уговаривала Фиру: – Ты смотри, как удобно: варишь юшку что на двух, что на десять – времени-то одинаково. Зато потом три дня отдыхаешь аристократкой.

Сема поинтересовался, относится ли это и к супружескому долгу, или распространяется только на кухню и детей.

Фира, конечно, была заинтересована в передышке, однако потом быстро прикинула, что такой обмен будет интересен только после

третьих родов. Ривка явно огорчилась, но продолжала агитировать за кухонные дежурства, правда, без прежнего энтузиазма. В конце концов Фира согласилась с поправкой на количество детей и других членов семьи и отторговала себе один рабочий дворовой день вместо трех и лучшие рецепты болгарской, польской и бессарабской кухни.

Фирино дежурство закончилось. Тянуло гарью. Градоначальник Божьей милостью граф Шувалов лихо обошелся с чумной заразой – он просто велел сжечь старые лавчонки и лотки на Привозе, под которыми роились крысы, а потом вытаскивать из зараженных домов всю мягкую рухлядь и тоже сжигать. Повозки с больными обеззараживали. Огнем и брандспойтом заразу купировали и ликвидировали на удивление быстро.

– Ой, я умираю, – Софа Потоцкая с кошелкой присела на стульчик у своей двери. – Девоньки, там босяков купают!

– Кто о чем, а вшивый о бане! – Семен выглянул во двор. – Софья Ароновна, каких дамских романов вы на ночь читались?

– Это все градоначальник! Какой мужчина эффектный! Он решил спасти босоту от чумы! Их теперь отлавливают и принудительно моют! Арендовали для этого шесть бань! Тех, кто сопротивляется, окатывают прямо из пожарной бочки! Даже свежее белье выдают – чтоб заразу не цепляли и не разносили! Там половина отроду не мылась! Портовым чернорабочим сделали дневной приют и горячее питание. Сема, можно сэкономить – иди, тебя простирнут и покормят!

Елена прикурила самокрутку с махрой:

– Правильно делают – я измучалась от изжоги чеснок жрать и в нос закладывать. Их же сначала к нам прут. Но это еще что, – сообщила, – они задохлых крыс приплачивают – можно озолотиться. Открыли пункт приема. Хотят понять, как эти стада уменьшились.

Сыновья Семы, Мойше и Боря, были предпринимателями с колыбели. Они с пяти лет приторговывали на Привозе свежеворованным с Нового рынка. А тут такая выгодная коммерция! Конечно, миллионов не заработаешь, но пару копеек на сельтерскую с сиропом – вполне.

Вечером юные предприниматели были биты ремнем.

– Шлимазлы! – орал Сема. – Там чума!!! Три копейки с бубоном на сдачу получите! Сдохнуть решили?! Я вас чему учил?! Дети Вайнштейна ловят крыс! А если бы вас чумная покусала!

– Та мы дохлых собирали!

Сема отскочил от них.

– А ну, где там брандспойт для шушеры? Ой вейзмир, это не мои дети! От какого фуцина ты их понесла? – кричал он жене. Сема плакал, бил и протирал себя и непутевых добытчиков тряпочкой, обильно смоченной самогоном.

– Золотой продукт! На пять рублей выпивки на вас перевел, негоцианты недоделанные!

Когда все были продезинфицированы и запах спиртного достиг самых дальних углов галереи, подтянулись соседи с закусками.

Дворовые посиделки под июльским небом. В воздухе тянет гарью от санитарных костров на Болгарской. Жар от горячих плит прибили водой из ведер. Цикады надрывались в зарослях винограда. Гордеева, прихлебывая, как чай, из стакана свежий самогон, развлекала соседок буднями врачебной практики.

– Или вот еще случай... Вызвали жандармы – баба мертвого родила. Убивается бедная. Прямо как первородка. А по лавкам душ семь и колыбель с годовалым. А меня пристав привел – проверить. Ну, говорю, душа моя, через четверть часа поговорим. Это легко – стакан воды и... легкое. Кусочек. Чье? Ну не мое же. Трупика. Смотрю – всплывает. Значит, в нем воздух, и ребенок успел сделать первый вдох, а мать его удавила уже после родов. Подушечкой скорей всего.

Фира пискнула и подхватила рукой круглый живот.

– Ох ты нежная, аристократка с голой деревни. А как ей прокормить? Я ее не выдала. Сказала: мертворожденный. Но предупредила: еще один труп – и все ее щенки в приют, а она в тюрьму!

После чумы пришла новая зараза. Не из порта, а из самого Петербурга, и имя ей было «полицейский социализм». В далекой столице стали открываться «Общества взаимного вспомоществования рабочих механического производства». Проще говоря – первые профсоюзы. Идея так пришлась ко двору что в Одессе один за другим открылись союзы: машиностроителей, судоремонтников, жестянщиков, каретников, матросов, портовых рабочих, пекарей и, разумеется, рабочих железнодорожных мастерских. Ванечка, после того, как сборный «комитет независимых» выгнал всех «политических» и сосредоточился на защите рабочих, даже сдал взнос

в кассу. Но дальше дело застопорилось. Начались стачки, протесты и претензии к хозяевам.

Ваня с начальством не конфликтовал. Его все устраивало – и заработок, и условия. Поэтому на очередную забастовку не пошел – работать кто будет?

– Штрейкбрехер! – выдавил из себя новомодное слово глава профсоюза.

– Ишь ты, чего выучил! – присвистнул Ванечка. – А ты, Сергей Иванович, как был, так и остался по-старому – чистый поц! Вот скажи мне, люди, что в Одессу едут, чем виноваты?

– Это оправданная жертва! Хозяин уступит – мы выйдем! А ты тоже, давай вали! Из-за тебя остальных не послушают.

Ваня сначала представил себе беременную Иру, томящуюся с Лидочкой в душном вагоне, а потом, что он не принесет домой такой существенной железнодорожной прибавки к жалованью на конке, и подхватил гаечный ключ.

– Может, тебе гайки в башке твоей дурной подкрутить? Иди отсюда!

За два года Беззуб успел своими инженерными талантами и тяжелой рукой заработать уважение у работяг. Его оставили в покое. Но домой все-таки пришлось уйти.

Волна забастовок вырвалась из-под контроля комитета независимых. Пролетарии и портовые босяки захватили улицы Одессы. Десятки тысяч разгоняли полицейские наряды, останавливали поезда, атаковали одесский порт и дрались смертным боем со штрейкбрехерами.

Пьяный в дымину Гедаля катался по городу. Он притормозил рядом со двором и, привстав на цыпочки, сдернул государственный флаг с флагштока соседнего стекольного завода.

– Не! Вы видели этого рэволюционэра! – закричала Ривка.

Гедаля попробовал огрызаться:

– Я член профсоюза! Мы за правду воюем!

– Ну, то, шо ты член, – мне еще мама моя говорила.

– Ривка, тебе денег лишних не надо?

– А ты б не пил, так я б уже вся в золоте ходила!

Бастовали все заводы на Балковской – от пуговичного до коньячного. Остановилось все, что могло остановиться. Шла третья

неделя забастовки. Город остался без хлеба, воды, света и власти. Хозяева начали уступать, а власти – ловить зачинщиков. Макару из-под лестницы в его каменоломнях сократили рабочий день на полтора часа и увеличили поденную оплату на двадцать копеек. Обезумевший от безделья Ваня перечинил все, что было можно, Фире и соседкам. А вот уставший к концу второй недели пить Гедаля пострадал за общее дело: Ривка с бунтовщиками переговоров не вела. Она выкинула матрас во двор:

– Иди спать до своей кобылы!

По правде говоря, наказание это было сомнительное. Гедаля обожал своих кормильцев. На первом этаже в конюшне жили два огромных и таких же добродушных, как хозяин, першерона, французских тяжеловоза, кобыла и мерин. Нешумные, неконфликтные. Гедаля их иначе, как «мои милые», и не называл. Никто во дворе не помнил, чтобы он их хоть раз ударил кнутом. Гедаля им вообще не пользовался... Нет, кнут был, какой же биндюжник без кнута? Но он управлял голосом или свистом. Этого было более чем достаточно.

Каждое утро, запрягая, Гедаля говорил с ними о планах на день, спрашивал у них о каких-то общих делах, пел им тихонечко на идиш какие-то только им ведомые тягучие горестные песни. Кони отвечали ему фырканьем или очень тихим ржанием.

Кое-кто утверждал потом, что они ему подпевали. Кто-то говорил, что Гедаля колдун, и они сами слышали, как он заговаривает своих коней.

Но в любом случае нарушить эту утреннюю идиллию никто и никогда не решался, все желающие, кто просыпался с первыми лучами солнца, могли наблюдать это ежеутреннее действие, но только молча и издали.

Даже родные дети Гедали никогда не допускались в этот таинственный утренний мир.

И что интересно: хотя першероны у него работали через день – после такой нагрузки им нужен был суточный отдых, – в процессе утренней запряжки всегда участвовали обе лошади – и та, у которой был выходной, и та, что сегодня работает...

Эти трое вроде как подбадривали друг друга перед трудным и долгим рабочим днем.

Был еще один момент, который вызывал неизменное умиление у зрителей – обеим лошадям всегда насыпалось вволю овса в кормушку, но та, у которой был выходной, никогда не подходила к кормушке раньше, чем наестся та, которой предстояло трудиться.

Такое необъяснимое и мистическое слияние человека и лошади, этот тройственный союз очень впечатлял весь двор и вызывал уважение соседей.

Выспавшись хорошенько с напарниками, страдающий Гедаля заглянул домой и робко спросил завтрак.

Ривка вынесла ему вилку и на тарелке пачку прокламаций:

– На здоровье! Питайся пищей для ума, Кецале! Месяц этот дрэк жрал, еще пару дней продержишься – из-за вас у детей еды нет!

Гедаля оставит коней и вернется вечером. Как обычно – с цветами и сладостями. Он будет идти по Мельницкой, описывая затейливые ленты Мебиуса через дорогу и обратно до тротуаров, откренывая непослушное тело большим букетом.

1902

Нестор

Ровно в год Лидочка перестала орать и пошла. Как пошептали.

– Ты никогда не ползала, – гордилась Фира. – Ни дня. Сразу пошла.

Чтобы молодая мать так сильно не радовалась, Боженька через год послал ей Нестора. Второго ребенок родился худым и мелким, как и Лида, таким он и останется на всю жизнь, несмотря на мощное имя. Только, в отличие от старшенькой, Нестор все время болел. Хныкал, просыпался ночами от забитого носа, плакал, опять не дышал, боялся собак и котов, собирал все детские болячки и мучился животом.

– Не понос, так золотуха, – вздыхала Фира, оплачивая очередной визит Елены Фердинандовны. Что за напасть с этими мальчишками! Если бы Лида была такая же – она бы побереглась со второй беременностью. Хотя кого она обманывает – с ее Ваней не убережешься.

Лидочка отнеслась к брату как к новой игрушке со звуковыми и ароматическими эффектами, то есть серьезно принялась изучать все реакции – что будет, если его прихватить за ножку, пальчик или нос.

1905

Погром

А еще у Лидочки была феноменальная память. И эта память однажды спасла Фиру.

Они вышли с Лидочкой и Нестором в лавку, прогулялись до костела и городского ставка у дачи Дашковского. В Одессе октябрь нежнее апреля. Фира наслаждалась теплом и горьковатым прозрачным воздухом... Надо же, 18 октября, а так хорошо...

Со стороны завода Шустова шла группа мужчин – работяги ближайших фабрик частенько заходили в местный буфет. Рановато, конечно, для возлияний... но тут свободы объявили – грех не выпить.

– Жидовка! Стоять!

Фира сжала руку Лиды:

– Не оглядывайся. Это не нам.

– Стой! А то счас кишки твоим щенкам выпустим! – Рядом грохнулась о землю бутылка, за ней, зацепив юбку, прилетел камень. Фира остановилась и выхватила из колясочки Нестора. До дома был целый квартал – не успеют. Она развернулась и прикрыла собой Лиду.

– Стой тихо. Не бойся. Нас не тронут. Главное не бойся. В глаза не смотри. Если я закричу – беги домой и не оглядывайся, я их отвлеку.

Это была дикая собачья свора, почуявшая жертву. Человек десять. От них пахло смертью, кровью, грязным телом и спиртом. Тяжелые, мутные взгляды, раздувающиеся ноздри, приоткрытые рты. Не бояться – Фира окаменела и выпрямилась. Из-под опущенных век она пыталась выделить вожака. Вот этот, в заскорузлом пиджаке. Рукав оторван. На лацкане обрывок красной тряпицы, в руке топор. Пролетариат – как называли их газеты. По одному – они тихо кланялись и прятали глаза, бормоча извинения, а когда сбивались в группки по трое, захмелев, могли бросить какую-то мерзкую брань в спину, почуяв силу и безнаказанность. Дремучее, черное дно.

Они окружили ее подковой.

– А ну, отошли! – Фира вздернула подбородок.

– Жидовка, – тяжело выдохнул мужик в рваной рубахе.

– Я – крещеная! – Она рванула шнурок с крестом из-за ворота платья.

– Врешь, дрянь... Иисус на языке, Иегова в сердце? Так ваши говорят? – качнулся к ней тощий лысеющий мужичонка из спившихся интеллигентов-разночинцев.

– Молитвы хоть знаешь, православная?

Фирина генная память сослужила медвежью услугу. Ужас и боль предыдущих поколений держали за горло. Она впала в ступор, ноги стали ватными, дыхание перехватило, а русские слова вылетели напрочь из головы. В руках, почуяв мамин животный страх, зашелся плачем Нестор.

Бежать было некуда.

– Сука жидовская! – Вожак шагнул к ней.

И тут из-за Фириной спины, выдернув руку, выскочила Лида. Она боднула головой в ноги мужика, так что тот отлетел к товарищам, и, повернувшись спиной к нападавшим, рухнула на колени.

– Верую! – в гробовой тишине отчеканила Лида. Она смотрела вверх, где за деревьями виднелся крест Алексеевской церкви. – Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и Земли видимым же всем и не видимым!

Толпа замерла. Лида продолжала читать молитву не оглядываясь.

Кто-то из задних потянул за плечо вожака:

– Пошли, Господь отвел – чуть грех на душу не взяли. Живи, дитя чистое тебя, тварь, спасло. – И стая погромщиков двинулась вниз по Балковской.

Лида поднялась, отряхнула платье и потянула Фиру за подол:

– Ма-а, мама, пошли, они ушли уже...

Очнувшись, подворачивая ноги, впившись в ревущего Нестора, Фира рванула во двор.

Дома, отрыдавшись, переодевшись, рассказала все соседкам. Нюся обнимала Лидочку: – Деточка, как же ты догадалась?

Ривка уточнила:

– И откуда молитву знала?

Лида, болтая ножкой и доедая пирожок, ответила:

– Папа на ночь читал. Сказал, что если страшно, то это самое сильное оружие против всех врагов. Я запомнила. Налей морсика.

Страх, липкий, черный, дрожащий, как студень, заполнил двор по грудь обеих кованых лестниц, ведущих на второй этаж галереи. Он ворочался, колебался, распухал, заглатывая в себя всех выходящих, и

поднимался выше с каждым входящим. А потом плеснул приборной волной и, затопив крыши и печные трубы, поглотил всех обитателей Мельницкой. Эта волна одним толчком забросила во двор подводу Гедали. Он, трезвый, бледный, с разбитыми в кровь и лоскуты костяшками пальцев, бросил вожжи Ривке:

– Закрой дверь, бери детей и к Ирке или Нюсе – кто примет! И к окнам не подходить. Нож с собой.

Следом за Гедалей забежал Ванечка с перевернутым лицом. Он отогнал детей от окна, задернул шторы. И вызвал Фиру на кухню.

– Начались погромы. По городу слухи, что город разрешили грабить три дня. Полиция ничего не делает. Ни одного городского по дороге! Говорят, им дали команду не вмешиваться.

Фира разрыдалась и рассказала о Лидиной молитве. Ванечка схватил ее так, что хрустнули ребра.

– Из квартиры ни ногой! Детей – на пол и не вставать. Икону к порогу!

Вечером на Дальницкой случился первый большой погром, наутро шайки работяг, воровской шушеры и солдаты карантинной службы массово громили магазины на Дерibasовской и Преображенской.

Гедаля с ножом в сапоге и топором в руках спросил:

– Что делать будем?

– Своих защищать, – буркнул Беззуб.

Ирочка впустила Ривку с детьми. Аккуратист Ванечка вывалил из дубового платяного шкафа все запасы крахмального наглаженного белья, за которыми, в глубине, лежали мешочки с патронами, и вытянул из своего «медового чемодана» обернутый в льняное полотно «манлихер», шикарный австрийский карабин – царский подарок дедушки.

Он вышел во двор и постучал Макару. Нюся, по случаю беспорядков наглухо завернутая в халат, крикнула с балкона:

– Не ищи – он с погромщиками гуляет!

– А вот это плохо... Сюда их привести может...

Во двор закатился Сема с сыновьями.

– Наши самооборону на хуторе организовали – кто с нами? Эй, Беззуб, где твой кнут?

Ваня поднял над головой «манлихер».

– Я не буду воспитывать, я буду стрелять.

Сема осмотрел единственным глазом карабин.

– Хороший ствол, а шмаляешь ты так же, как дерешься?

– Патронов жалко – на улице покажу, – прошипел Ванечка. – Гедаля, выкатывай телегу, на тебе поедем. Янкель, запри ворота во двор. Никого не пускать. Вообще никого. Откроешь завтра вечером. Мы не вернемся. Сегодня не вернемся.

Отряды самообороны на Молдаванке патрулировали свой район, чтобы остановить погромщиков еще на дальних подступах. Сема, Ваня и Гедаля кружили в радиусе нескольких кварталов, окружавших их восьмой номер.

Утром они тоже не вернутся. А днем в глухие металлические ворота раздастся стук. Он будет длиться полчаса и нарастать. Бабы уложат плачущих детей на пол и накроются одеялами. Говорят, коллективная молитва творит чудеса. Они в голос на разных языках с разными именами Бога просили чуда, и оно постучало прямо в Фирино окно.

Их с Ванечкой спальня выходила точно на крышу дома в соседнем дворе за углом, то есть на Михайловской крыша соседнего дома подпирала небольшое окно их спальни. Темновато, правда, зато все видно и безопасно. Только дворовые коты, если не закрыть форточку, заглядывали с инспекцией.

Уличный грохот в ворота затих. Окна первого этажа, заложенные матрасами и тюками, держали оборону. И тут, к ужасу Фиры, раздался стук в это самое окно. Женщины и дети заверещали, переходя на ультразвук. За окном на четвереньках стояла лохматая Елена Фердинандовна в спущенных чулках и рваной юбке. Вид у нее был бесноватый.

– Дуры!!!! Откройте! Не орите!

Гордеева, вернувшись после суточного дежурства в Еврейской больнице, не могла попасть домой. Янкель получил приказ и делал вид, что окончательно оглох – команды пускать кого-нибудь, кроме Гедали с Иваном, от Семена не было.

– Девки мои где? И это, водка есть? Налейте! – распорядилась Елена.

– Девочки у Нюси, а...

Гордеева перехватила бутылку и с жадностью сделала несколько глотков.

– Сутки об этом мечтала! Ад какой творится! Вся больница полная ранеными. Столько людей ублюдки поуродовали. Ребенка трехлетнего через окно застрелили! На руках у отца была – ее убило, ему руку зацепило. Он так с ней и пришел к нам... Во дворе возле приемного навеса ставят – раненых размещать негде, перевязывать некому. Я посплю – где можно? Разбудите через два часа!

Елена рухнула на бархатное канапе и мгновенно заснула полусидя. Проснулась в темноте – рядом со свечкой и бутылочкой святой воды стояла всхлипывающая Нюся, а над ней с нюхательной солью и карманным зеркальцем склонилась Фира. В глубине комнаты тихонько плакали дочки.

– Суки! – подскочила Гордеева. – Почему не разбудили?!

– Мы будили, – шепотом ответила Фира. – Ты не просыпалась. Вообще! Водой брызгали, иголкой кололи – ты не реагировала. Я вот дыхание все время проверяла. Может, это летаргический сон был? Как в романах? А вдруг бы ты год спала?

Нюся подхватила:

– А я деток попрощаться привела. Вот водичкой святой решила окропить...

– Курва со святой водой! Как романтично, – Гордеева попыталась подняться на затекшие ноги. – Организм нагрузки не выдержал. Нормально все, только как я по темени такой пойду?

– Вместе пойдем, – отозвалась Фира.

– Слышь ты, махровая славянка, куда собралась?

– С тобой собралась – я перевязки умею делать. Я училась.

Елена с интересом покосилась на Фиру:

– Надо же! А дети твои? Если нас сейчас прибьют, с кем останутся? Муж где?

– С самообороной ушел. Ривка присмотрит. Я с тобой. Пригожусь. Только через крышу пойдем – Янкель ворот не откроет.

Погромы 1905 года длились в Одессе бесконечных три дня. Погибло пятьсот человек, больше четырех тысяч получили ранения и остались без дома. На Молдаванке разборки закончились раньше – самооборона из бандитов и биндюжников, вооруженная опытом в портовых драках и криминальных разборках, стальными мышцами и контрабандным оружием, оказалась эффективнее войск и полиции против погромщиков с кольями и топорами.

Ванечка разминется с Фирой на шесть часов. Янкель просидит весь вечер и всю ночь без сна у дворовых ворот. На рассвете, услышав знакомую ругань, трясущимися руками отодвинет засов и запустит Гедалину подводу. Сема дернет окровавленной башкой:

– Беззуб, передай Ирине Михайловне – она и ее дети теперь под моей личной защитой. Им на Молдаванке ничего не страшно.

– Сам разберусь, без покровителей, – огрызнулся Ванечка, – им и со мной ничего не страшно.

– А ты уверен, что тебе надо к паровозам возвращаться? Может, к нам? Уважаемым человеком будешь. Завод свой через пару лет заведешь. Оружейный. Хочешь?

Ваня молча уйдет на второй этаж. И тут же выскочит назад:

– Где Ира? Где Ира?! Кто выпустил?!

Нюся выведет Лидочку и Нестора:

– Твоя приשמаленная жинка тиканула через крышу с Еленой. В больничку – раненых спасать. Там вся Еврейская по крышу забита.

Сотни лиц, воюющие женщины, причитающие старики, остекленевшие от ужаса дети... Кровь, кровь, страх, боль... Не протолкнуться. Среди лежащих на земле людей снуют медсестры и сочувствующие. Мужики наспех собирают навесы.

Одесский погром 1905 года войдет в историю как один из самых масштабных и жестоких в истории Российской империи. Газета «Русское слово» в марте 1906-го опубликует подробный материал, собрав показания свидетелей, не только и не столько евреев. Руководитель торгового морского училища будет сокрушаться – он предлагал организовать отряды из курсантов для защиты порядка, но от него отмахнутся. Несмотря на все юдофобские настроения, даже в осторожных показаниях очевидно – погромы были организованы заранее, спровоцированы сознательно и проводились при полном бездействии со стороны городских властей. Но когда ты не только градоначальник, но еще и тесть премьер-министра Столыпина, то очевидное становится невероятным. Хотя и очень дорогим. Несмотря на сенаторскую ревизию и робкие выводы о вопиющем бездействии, первый департамент Сената градоначальника оправдает и предложит на выбор несколько постов с генерал-губернаторскими полномочиями – от Польши до Нижнего Новгорода. Пока Одесса будет кипеть от негодования, Дмитрий Нейгарт предпочтет поправлять здоровье в

Нище. Но пока сограждане проклинаят, московские друзья шлют коллеге по московскому монархическому союзу восторженную телеграмму: «От всей души поздравляем Вас с торжеством вашего правого русского дела. Желаем Вам дальнейшей доблестной службы Царю и Отечеству».

Но это случится через полгода, когда оплачут потери и похоронят близких, а пока где-то в этом человеческом вареве мечется маленькая черная птичка, его сумасшедшая Фира. Ваня найдет ее через несколько часов и выдернет за руку из палатки:

– Марш домой!

– Сам – марш домой!

– Ты моя жена!

– Я – еврейка!

– Ты крещеная!

– Я со своими!

– Свои – это твои дети и я – если не забыла.

– Не забыла. А ты помнишь, что за тебя я умерла для своей семьи?

Я уже выбрала тебя. Не дай мне пожалеть.

– Домой! Или пожалеешь!

– Или!

Ваня отвернется и уйдет не оглядываясь.

За спиной раздались хлопки. Елена Фердинандовна закончила аплодировать и вытащила папиросу.

– Деточка, да у тебя есть яйца!

– Ой, кто б говорил, – огрызнулась Фира, надрывая зубами бинт.

К вечеру они обе свалятся на клумбу под высоченной сосной в эпицентре хаоса Еврейской больницы и будут молча курить.

– А это не твой? – махнет рукой в дальний угол Елена Фердинандовна. Ванечка спустится с лестницы от навеса, отодвинет ногой ящик с инструментами и вытянет у Фиры изо рта папиросу.

– Рот порву, если еще раз с этой дрянью увижу!

Фира отряхнет платье:

– Это он про папироску или про тебя, Фердинандовна?

20 октября 1905 года станет официальным окончанием погромов и началом удивительной дружбы между самыми несочетаемыми бабами Мельницкой, 8.

Домой Фира вернется с Ваней. Он проспит двое суток. Фира отстирает и зашьет рубашку, очистит от пятен оружейного масла рабочие брюки и молча подаст завтрак. Сядет рядом и приподнимет бровь. Ванечка упрется взглядом в тарелку: – Не спрашивай. – Она и не спросит, а Ривка шепнет:

– Твой муж очень метко стреляет. Спасибо. Мы с Гедалей ваши должники.

Вечером Ваня вернется с работы, поужинает в тишине, перечитает «Одесский листок», уложит Лидочку и Нестора и присядет на край кровати:

– Никогда больше не уходи от меня! Слышишь? К своим, чужим, больным, святым – каким хочешь – иди, но только со мной. Я сдохну, если с тобой что-то случится.

Каждая счастливая пара знает, как пережитая смертельная опасность и крупная ссора добавляют огня и красок в семейную жизнь. Не только ураганы на обратной стороне земли получают имена. У этой ночи примирения тоже появится имя. Анна – или Ханна?

Это бомба!

– Иван Несторович, можно тебя на минутку? – Сема-Циклоп радостно скалился у подворотни, распахнув дверь своей квартиры. – Совет твой нужен инженерный.

Иван зашел в полутемную комнату с тяжелыми бархатными шторами, закрывающими фасадные окна на две стороны. Во дворе говорили, что из комнаты есть прямой выход в катакомбы. «Из шкафа, наверное», – подумал Ванечка, осматривая неожиданно богатую и чистую квартиру. В углу комнаты стоял стол с разложенными на нем склянками.

– Вот, глянь, – Сема щелкнул пальцами. Молодой человек за столом в гимназической кургузой куртке смущенно кивнул головой. – Это Левушка – светлая головушка. Но не такая, как твоя. Мы тут решили, – неуверенно начал Семен, – ну, после тех наших поездок, двор обезопасить. Надо, Иван Несторович, сделать так, чтоб nepовaдно было к нам в двор отребью всякому лазить.

Ваня покосится на Семена:

– И кто ж на районе сюда сунется? Ты ж в авторитете!

– Я про революционеров этих с пролетариатом. Надо запас иметь. Вдруг тебя не будет. Вот мы тут смесь собираем. Может, посмотришь, как до ума довести. Ты ж в бомбах еще пацаном разбирался.

Ваня покосился на стол:

– Бомбы, что ли, делаете, анархисты хреновы?

– Да господь с тобой, Беззуб! Мы так, для личных нужд. Для безопасности.

– Видел я ваши нужды. Без меня. – Он развернулся и вышел.

– Ну и зря, – процедил Сема. – А мог бы бо-ольших денег заработать.

– Ванечка, нам хочется сладенького, – Фира смущенно улыбалась и гладила батистовую рубашку с еще маленьким животом. – Купишь сладенького после работы?

Она не знала, что Ванечка получил премию, и тем более не знала, что сегодня ему предложат должность инженера в локомотивном депо железной дороги. С жалованьем в два раза выше, чем на конке.

Ну и что, что четверг, когда такие новости и перспективы! Ваня заскочит в трамвай – сегодня его Фира, как аристократка, будет есть самые модные и дорогие сицилийские канноли – новинку лучшего конфектно-булочного заведения Одессы, кондитерской Либмана. Здесь, в его доме вместе с пекарней – самое модное кафе, точно на углу Преображенской и Садовой. Золотое место, бриллиантовая публика – купцы первой гильдии, самые успешные портовые и биржевые спекулянты, аристократки, богатые семейные пары... Цвет общества дегустировал сладости, в соседней зале играли на бильярде.

Ваня добавил к новинкам любимый Фирин венский штрудель и, подхватив коробку с лиловой ленточкой, направился к выходу. К кондитерской со стороны Соборной площади подходила небольшая компания, первым шел тот самый гимназист-переросток, которого он видел неделю назад у Семы. Ваня приподнял руку для приветствия и тут увидел, как паренек выдергивает из-под тужурки перевязанный пакет.

Уроки деда Беззуба не исчезли и через семь лет семейной жизни. Тренированному телу даже не понадобилось включать математический мозг – Ваня резко отпрыгнул, перекатился через руку и присел, прикрыв собой заветную коробку. Грохот был оглушительным. Через

оскаленные звериные пасти разорванных фасадных окон, как в цирковом иллюзионе, прыгали окровавленные, перепуганные люди. Со всех сторон к дому Либмана мчались полицейские. Ваня лизнул теплую соленую струю, сбегаящую в угол рта, и вытащил из щеки осколок. В ушах звенело, он, прижав к груди коробку, пошатываясь, побрел к конке.

7 декабря 1905 года анархисты взорвали пять бомб в кафе Либмана – это был самый масштабный теракт за всю историю Одессы. Двадцать человек погибло, столько же обратились в госпиталь за помощью. Среди жертв – сам хозяин и трое коллег-приказчиков из магазина Бомзе.

Ванечка на цыпочках зашел в дом и, оставив коробку на кухне, тихонько выскользнул.

Сема-Циклоп, задыхаясь, болтался в воздухе. Двое его корешей стояли в углу комнаты, положив руки на наганы.

Ваня железной хваткой держал Вайнштейна за горло.

– Самооборона, говоришь? Революцию решили устроить? Зависть гложет? Или платить не хотят? Слушай меня, Циклоп! Никаких бомб в нашем доме! Твои идиоты забросили шесть, а взорвалось пять. Я там был. Если бы они знали правильную пропорцию, погибло бы в десять раз больше, а если бы знали другие расчеты, могли б с одной разнести весь дом Либмана. Гимназист твой если запоет – я добавлю. А теперь внимание! Я вас сам взорву к чертовой матери всех. Не насмерть, а так, что останетесь обрубками и будете днем просить милостыню, а ночью – смерти. И не вздумайте мне что-нибудь сделать – я перед тем, как зайти, уже закладки тебе заложил: шагнешь куда не надо – и сразу на тот свет отправишься. А может, тебе просто второй глаз выбить прям сейчас?

Семен хрипел и вертелся:

– Беззуб, ты что? Ты чего? Да я никогда! Меня уважаемые люди попросили этого шлимазла пустить и место дать. Я думал, они ограбление готовят! Какой Либман? Какой гимназист?! Бог с тобой! Да уберите вы стволы, меня замочите ненароком!

– У нас во дворе революций не будет. Надеюсь, все поняли? – Ваня разжал пальцы и вышел.

– Слышал, – окликнула его мадам Голомбиевская, – говорят, сегодня «Фанкони» взорвали.

– Не, у нас в депо все тихо, – отозвался Ванечка.

1906

Бессонные ночи

1906-й станет просто годом-фейерверком – взрывы будут греметь ежемесячно, если не чаще. И первый случится в канун Татьянинного дня – 24 января. В Одессе появится новая гроза коммерсантов – Лев Тарло.

– Новый герой со старыми дырками, – будет ворчать Ванечка, вспоминая безумные глаза гимназиста из Семиной комнаты. Черные знамена анархии отлично прикрывали и придавали банальному рэкету гражданской позиции.

Новые бомбисты учли опыт коллег – первая бомба приземлилась точно в дымовую трубу жандармского управления на Ришельевской. Она взорвалась чуть раньше – до открытия участка, поэтому только напугала жандармов. И понеслось – нападение на дом купца Лимонова, налет на кассу российско-бельгийской фирмы «Гвоздь», очередной кровавый наезд на несговорчивого Бомзе прямо в его магазине на Александровском проспекте, где застрелили управляющего и ранили самого хозяина, взрыв на Одесской бирже, метание бомб и снова нападение на полицейских...

Беззуб ворочался по ночам – с каждой новостью о новом взрыве он думал о том, что если бы тогда в декабре пошел в участок, то, возможно, не было бы ни новых взрывов, ни жертв. Но за стеной спали Лида и Нестор, а в колыбельке рядом с ними сопела Анюта. Их бы не пощадили... Он продолжал до изнеможения просчитывать и прокручивать варианты решения, как будто время можно было отмотать назад.

Ваня будет маяться долгих четыре месяца, пока в апреле группу бомбистов не ликвидируют. Во время облавы Тарло ранят трижды и отвезут в тюремный госпиталь. В сентябре по приговору Одесского военно-полевого суда его расстреляют. На казнь Левушку вынесут на носилках, Семе шепнут, что казнили уже мертвого. А труп закопали прямо во дворе тюрьмы.

Ваня вздохнет с облегчением, но бомбы в Одессе будут продолжать рваться долгие двенадцать лет.

Родная кровь

– Кому война – кому мать родна! – мурлыкала Голомбиевская, наблюдая, как через двор идет к себе внезапно похорошевшая Елена Фердинандовна, а за ней – на полшага сзади – ее новый фаворит.

Третий официальный мужчина мадам Гордеевой – Иван Косько был неприлично хорош собой: смуглый, черноглазый и кудрявый. И даже разболтанная моряцкая походочка с чуть заметной хромотой только добавляли пикантности и шарма.

Он божился, что отец его – белорус, приехал в Одессу на заработки, а мать – гречанка, и что оба померли от чумы. А сам он – списанный из-за ранений в русско-японскую моряк. Злые языки поговаривали, что он не совсем Косько, и точно не Иван, а, судя по роже, то ли беглый румынский каторжанин, то ли обычный еврейский контрабандист, которого подстрелили в портовых разборках или очередных налетах, и пока Гордеева залечивала его раны, он пролечил ей мозги. Как бы там ни было, Косько под девизом «слабоумие и отвага» вообще не боялся Елены, фамильярно называя ее при всех Лёлей. С его легкой руки Лёля приклеится к Фердинандовне навсегда, правда, называть ее так будут только за глаза.

Елена догнала идущую с колясочкой Фиру.

– На пару слов, – смущенно буркнула она. – Ты одна правду скажешь.

Фира остановилась и с интересом снизу вверх посмотрела на нее.

Гордеева наклонила голову:

– Я сильно старая?

– Для чего?

– Для него! – фыркнула Елена. – А то ты не понимаешь!

– Ну что ты... – Фира от такой откровенности растерялась.

– Я уже – сухофрукт против него. Шутка ли – мужик на десять лет моложе!

– Ты? Ты у меня совета спрашиваешь? – Фира критически осмотрела Гордееву. Красивая крупная баба со сбитым тугим телом, крутыми боками и румянцем во всю щеку. Она была не сгустком, а цельным мощным куском энергии.

– Ты... ты... как сахарная голова! Кристалл. Ни убавить, ни прибавить. Да ты любую за пояс заткнешь! У тебя фигура, и лицо, и грудь. Какая разница вообще, если ты его любишь?

– Вот это самое страшное... – Елена помолчала и почти беззвучно выдохнула: —... что люблю.

Фира сжала ее руку:

– Я так рада! Поздравляю!

Гордеева уже пришла в себя, выдернула ладонь и демонстративно обтерла об платье:

– Довольно уже сантиментов. Иди куда шла, подруга.

Фира сходит на рынок, вернется, выкупает и уложит спать Анечку и спустится во двор с тазом свежей стирки.

– Кеца-але!!!! – Дремлющий после обеда Гедаля чуть не свалился со стула от такой внезапной фамильярности.

– Кецале! – вопил тощий еврейский паренек в пижонском твидовом костюме и шляпе «хомбург».

Он промчался мимо Гедали, бросив возле колонки рыжий кожаный чемодан, и схватил за талию Фиру. Она от неожиданности уронила в дворовую пыль белоснежную простыню с тонким кружевом и монограммой и заверещала на весь двор: – Йоська!!! Йосичка!!!!

– Ой, мне все равно до их забобонов. – Младший брат Фиры Йоська прихлебывал чай с пирожками. – Прямо такая тайна! Еле узнал ваш – твой адрес у Беззубов! Фирка, ты что, умеешь готовить? Сама? От так новости! А в Никополе у нас весело! Дедушка Иван стал совсем мишигинер со своим пьянством, стреляет по соседям, если вдоль его забора ходят. И всю прислугу заставляет петь – как заголосили бабы вечером, значит, опять перебрал. Зато твой свекор, дай ему Бог здоровычка, с нашим папой крутят такую коммерцию – не поверишь! Мы теперь богатые люди. Полгорода под нами! Зерно, ткани, свой пошив, лавки... Бакалею на проспекте помнишь? Там еще Макс был рыжий? Прогорели. Теперь у нас работает. Женился в том году на твоей Розе. Боже, как он ее боится! Мы со смеху помираем с этой пары. Детей у них нет пока. Роза Макса гоняет, что это потому, что он ее мало любит. Мы только не поняли: мало – это редко или недолго.

– Йосик, – Фира махнула на него полотенцем, – никак не привыкну, что ты вырос уже. Ну что ты несешь! Лучше скажи, как дома?

– А что дома? Бетя уже на выданье. Она стала такая жирная! Ты не поверишь! Ничего, кроме шоколада и марципанов, есть не хочет. Все равно замуж пойдет. Самая завидная невеста. Тереза и Софа в гимназии учатся. С нашими доходами и место нашлось, и гувернантка. Бронечка совсем старая стала. Мы только с ней тебя вспоминали. Помнишь ее «а-ди-ёт!»? До сих пор меня так называет: – Адиёт! Ехай в Одессу – найди Фиру, целуй за меня.

Так что давай башку – тебе от Брони поцелуйчики.

– А мама? Как мама?

– Мама... год назад ушла...

– Куда ушла?

– Туда... Умерла. Она первый год каждый день на пристань ходила – пароходы из Одессы встречать. Потом перестала. Сидела у тебя в комнате постоянно. Они с Броней после того, что ты уехала, не разговаривали вообще. Мама так ее и не простила, считала, что тебя в рабство продали.

Йоська упал своей напомаженной башкой Фире в колени.

– Как ты, в рабстве-то?

– Хорошо. Живу. Без курсов. Права была Броня. Вон трое уже.

– А еще хочешь?

Фира хихикнула:

– Как Бог даст – все равно. Знаешь, они как-то после трех самоорганизуются. Или я уже всё поняла... Йоська, Йосичка, какое счастье, что ты нашелся! Ты здесь по делам или как?

– Я здесь – в университет! – Йоська подбоченился и достал пачку ассигнаций. – Могу позволить. Так что где тут самый модный кафешантан? Гуляем, сестра моя воскресшая! Надо ж кому-то в семье медицинские курсы окончить.

– А это кто? – Сема Вайнштейн, как собака, повел носом: – Что за гость такой знатный у вас?

Фира подбоченилась:

– Это мой...

С галереи гаркнул Ваня:

– Это мой брат! Кто тронет – застрелю, как собаку!

– Такой нарядный юноша на нашем хуторе! Очень отважно! Беззуб, я тебя услышал. Какие вы, однако, разные получились, – Сема

улыбнулся. – Та я только хотел предложить в карты сыграть! Ну нет, так нет!

Йосик подмигнул Семену:

– Уважаемый, в карты со мной настоятельно не рекомендую – три года музицирования и ремесленное училище. Что мозги, что пальцы тренированные. Но я в хирурги готовлюсь. Так что, если не дай бог огнестрел – милости прошу.

Семен сплюнул:

– Типун тебе на язык и чиряк на сраку! Такой же языкатый, как Фира, вы, часом, не родственники?

Йосик шептался с Ваней Беззубом:

– Я денег от отца твоего привез. Да не отказывайся – это не тебе, а внукам. Он скучает и уже не сердится, что ты дело завалил. Навестил бы его в Никополе.

Ваня стукнул ладонью ему по шляпе:

– Йося, ты ничего не попутал? Хочешь по-семейному приходить, родней быть – так не учи старших. Уши оборву.

Йосик, нечаянная радость, серебряная ложечка из прошлой жизни, из раньшего времени, сразу все понял, принял правила игры и получил право приходить в гости практически каждый день. Он снял комнаты и активно изучал все прелести приморского города.

– Ты уверен, что тебе на медицинский? – волновалась Фира.

– Ну а куда ж еще! Не в армию же, – хохотал Йося. – Потому что там чины тоже только выкрестам дают. А может, ты в офицеры пойдешь, Фирка?

– Ира, Ирина я теперь! – шипела Фира. – Ой не нравятся мне твои настроения, братик...

Фира поделится опасениями с Еленой.

– Какой университет?! – гаркнет та. – Ему сначала годик санитаром отбегать, говна понюхать, больных помыть, там, глядишь, и видно будет, что ему надо. А давай ко мне под крыло – уж я присмотрю, будь спокойна.

– Вот это меня и пугает, – задумчиво протянула Фира.

Йося воспринял предложение послужить у Фердинандовны как шутку:

– Ты чего, сестренка? Какой брат милосердия? Не глупи! Я на врача иду, а не подтирать в богадельне.

Он вернется из университета чернее тучи.

– Сказали, что год стажировки и рекомендательные письма обязательно. И что квота евреев опять сокращается, даже с деньгами – не больше десяти процентов. Так что реально дорога мне к твоей Гордеевой.

Год не понадобится. Через два месяца Йося Беркович окончательно и бесповоротно осознает: медицина – это не для него. Первый позор случился не в морге, а в родзале – Йося, увидев сакральный переход из мира иного в белый свет, а проще говоря – прорезание детской головки, рухнул в обморок, сломав головой стул и сколов себе передний зуб. А потом он повторил падение в морге, проблевался в палате, увидев сифилитика с провалившимся носом, и сбежал из перевязочной. К чему эти стрессы такому модному парню? Тем более что кругом революционеры, самообороны, большие деньги, дерзкие теракты и даже движение за права евреев.

– Голубь мой сизокрылый, лети-ка ты отсюда. Твоя сестра и то покрепче будет, – потрепала его по щеке Гордеева.

Страхи Фиры насчет связи с кланом Вайнштейна не оправдались. Случилось кое-что похуже: юный Беркович увлекся идеями сионизма. Он начал приносить сестре книжки на идише:

– Читай, совсем язык забудешь.

Фира ворчала:

– Йося, у нас во дворе его не забудешь. Мне бы русский доучить.

Младший Беркович смотрел с укоризной:

– Детей хоть бы научила.

Фира вспыхнула:

– Зачем? Они все крещеные. Чтоб они тоже по квотам в десять процентов поступали или чтоб за черту оседлости не выезжали? Йосик, дай покоя и сам бы не совался: не дай бог опять погромы – к тебе первому придут.

– Фира, ты стала совсем гойка, но я тебя люблю все равно. Отдай мне Нестора или Ханку – дай я их научу.

– Йося, не смей. Заклинаю. Не ломай жизнь ни мне, ни им. Все уже случилось еще в Никополе. Любить надо! Можешь – люби такую, не можешь – уходи. Поздно что-то исправлять. Поздно и бесполезно.

На выходе из двора Йосю встретил юный экс-крысолов Борька Вайнштейн:

– Дядя Йося, а ты рррэволюционэр? – сильно грассируя, поинтересовался он.

– Нет, я еврей, – ухмыльнулся Йося.

– А папа сказал, что все рэволюционэры – евреи.

– Малой, тебе что надо, не все евреи революционеры, – Йося рефлекторно проверил наличие жилетных часов.

– Дядя Йося, а рэволюциэры против газетчиков?

– Все против газетчиков. Они врут безбожно и деньги за брехню берут.

– Я тебя понял, – заговорщицки подмигнул ему Боря и побежал домой с воплем: – Заговорщицки тоже против газет!

Ни Йося, ни бдительная мадам Полонская не придадут значения этой детской глупости. А через два месяца достойные продолжатели семейной династии Мойша и Боря закатятся во двор с двумя мешками свежайшей продукции братьев Крахмальниковых.

Совсем рядом, в трех кварталах на углу Глухой и Госпитальной находилась «Одесская паровая конфектная и пряничная фабрика». Семейное производство за последние пятнадцать лет разрослось до промышленных масштабов. Скромный пекарный цех Абрама Вольфовича Крахмальникова возле Привоза помогал содержать восемь сыновей. Усилия оправдались – Лев и Яков подхватили и развили отцовское дело. И уже строили новые цеха возле Чумки. Леденцы, карамель, шоколад, пряники и даже халва были нарасхват по всему городу. Такой прыти от молдаванских пекарей не ожидали – крупные кондитерские Либмана и восточные сладости Абрикосова и Амбразаки, несмотря на модность, и близко не подходили к обороту Крахмальниковых. Секрет был в дешевизне и качестве. С их двумя леденцами местные биндюжники могли всосать целый самовар.

– Мадам Голомбиевская, вам до чаю! – Пацаны щедро насыпали Нюсе сахарных подушечек и пряников и двинулись дальше по квартирам.

– Ирина Михайловна! С Новым годом!

– Норка, Ритка, ходите – мы вам халвы принесли! В бонбоньерке!

Заспанный Сема в пальто, кальсонах и штиблетах на босу ногу вышел во двор:

– Отродье, вы шо, обнесли Яшу слевой? Мине ждате неприятностей?

– У своих не ворует, – гордо пропыхтел Боря и затарабанил в дверь соседке:

– Мадам Полонская! Вам гостинчик под елочку!

– Шо такое? – Софа Полонская приняла шоколадку и заглянула в мешок:

– А мармеладу нет?

– Все есть! Берите! – ухмылялся Боря.

– Дай вам Бог здоровичка! Сема, шо, у нас вторая Ханука?

– Та сам не знаю! Банда, кого обнесли?

Мойша шепнул ему, проходя в дом:

– Скоро узнаешь. Исполнили в лучшем виде! Вот десятину прогуливаем. На фарт.

Экс-крысоловы Мойша и Борька Вайнштейны не соврали родителям и, как братья Крахмальниковы, тоже развили и поддерживали семейное дело.

Сема вытащил Мойшу за ухо в тайный проход за шкафом, ведущий в катакомбы.

– Где оружие, адиёт?

Мойша засопел и достал из кармана наган.

– Ну у тебя же много, шо, жалко?

– Где еще три?!

Сема дал по шее тринадцатилетнему Мойше и выпорол Борю. Вечером он открыл шкатулку, поднес к уцелевшему глазу вырезку из вчерашней газеты.

«Сегодня, в 12-м часу дня, совершено вооруженное нападение на главную контору «Одесских Новостей», помещающуюся в центре города, против дома градоначальника, в нескольких шагах от дворца командующего войсками. Восемь грабителей-подростков, вооруженных револьверами и бомбами, ворвавшись в контору с улицы в момент, когда там было много подписчиков, объявили всех арестованными, навели револьверы на служащих, оборвали телефонные провода и стали хозяйничать.

Забрав 650 руб., они обыскали некоторых и совершенно спокойно удалились. Операция длилась не более 10-ти минут. На поднятую

тревогу явились полицейские и градоначальник, но грабителей и след простыл».

– Моя кровь, – прошептал Сема и расплылся в довольной улыбке.

В далекий край

Йося заглянул к Беззубам в канун Святого Николая. Вытащил ханукальные пончики для Лидки и Нестора. Потом достал серебряное колечко и положил перед Фирой.

– Держи, дорогая. Это мамино. Она просила тебе передать. Перед смертью. Сказала, что не сердится на тебя, что любит. А я все не решался отдать. Потому что...

Он отвернул голову.

– Потому что я сердился на тебя! Все эти годы! Что ты бросила нас, поменяла на чужого мужика, что мама ушла так рано. Что папа несчастный. Прости меня, пожалуйста.

Фира ревела, сжимая в руке колечко.

– Ма-а-ма-а-а...

– Время пришло. Фира, не плачь так, пожалуйста. И мне время пришло. Хоть память будет.

Фира испуганно посмотрела на брата:

– Йосик, ты что? Что за похоронное настроение?

– Я уезжаю. Совсем. Не нравятся мне эти войны, эти стачки, погромы... Я тут не выживу. Вот, – он положил на стол билет, – океанский пароход «Григорий Мерк». У немцев зафрахтовали. Наши так далеко не ходят. Буду жить, сестричка, на обратной стороне земли. Ты смотри, РОПиТ всю нашу семью растащил. Тебя – в Одессу, меня в – Нью-Йорк. Но ничего – Нью-Йорк не Никополь. Тут тебе всегда будут рады. Тем более делов-то – рейсы будут ежемесячные, подхватила малышей – и ко мне.

Йоська ошибется. Команда «Григория Мерка» во главе с капитаном Густавом Тернером сделает всего два рейса в США. Его – будет последним.

Фира уставилась на Йосю:

– Тебе не страшно? Это ж сколько плыть?

– Двадцать четыре дня. Представляешь? Почти месяц в океане. А потом – золотые россыпи!

– Ты ж языка не знаешь.

– Я знаю идиш, не пропаду. Там у меня товарищи, уже первым рейсом перебрались. Так что новая жизнь в новом году – двадцать второго декабря отчаливаю! Будет у тебя заокеанский братец!

Йося просидит допоздна, накидает до икотки Нестора к лепному потолку, пересмотрит все книжки Лиды, выпьет с Ваней. Фира обнимет его:

– Мы пойдем тебя провожать! Все пойдем!

1907

Бог любит троицу

Пока Йося прощался, огромный «Григорий Мерк» собирался в дальнее плавание. Команда, готовая к трансатлантическим переходам, была вышколенной и интернациональной. Именно поэтому вахтенный матрос у трапа заподозрил неладное, когда почти в полночь шесть человек в матросской одежде стали подниматься на борт. И даже ленивый ответ: «Сменная вахта» на его «Кто идет?» не убедил. Вахтенный поднял тревогу. «Сменная вахта» достала револьверы и открыла огонь.

Завязалась перестрелка, к которой присоединились патрульные солдаты. Были тяжело ранены сторож, вахтенный герой и один из диверсантов. Группа рассыпалась по порту. Никого не поймали, а у борта обнаружили трофей – взрывчатые вещества и гигантскую «адскую машину». Утром взбудораженные матросы притащили из машинного отделения шесть пачек динамита. Этой мощности хватило бы разнести пароход вместе с пассажирами в клочья.

Ваня вернулся раньше и положил перед Фирой «Одесский листок».

– Смотри! Йоськин пароход сегодня чуть не взорвали. Вот же ироды проклятые! Может, это знак? Может, не надо ему ехать?

Ваня никогда не был излишне религиозным и уж тем более суеверным. Но какой-то мистический панический страх перехватывал его дыхание.

– Я не понимаю почему, но боюсь – оно добром не кончится.

Фира посмотрела и сжала губы:

– Ерунда – таких эксков каждый день десяток. Пароход целый, Йосик здоровый. Я в глупости эти не верю.

Ваня помнил Левушку Тарло.

– Как же я хочу ошибаться! Но это не конец.

На следующий день в обеденный перерыв, когда часть команды оставит последнюю погрузку припасов и уйдет харчеваться, «Григорий Мерк» содрогнется от страшного взрыва. Лопнут стекла, разворотит борт. В носовой части, в трюме взорвется цистерна с питьевой водой. Переборки будут уничтожены, в трюм хлынет вода. Команде и

портовым службам удастся наложить пластырь, остановить течь и оттянуть судно в док.

Пришла очередь волноваться Фире. Особенно после мрачной фразы Вани, что «Бог любит троицу».

Одесские анархисты рассчитали правильно – вера в то, что «в одну воронку снаряд дважды не падает», ослабит бдительность после ночного покушения. Но упрямый капитан, заручившись поддержкой РОПиТа, все равно уйдет в рейс с залатанным боком.

Фира с закутанным до глаз Нестором, Лидочкой и Ваней поедут провожать Йосю. Ваня внезапно торопливо перекрестит его, тот рассмеется:

– Я ж не против, мне все надо, вон, какой я фартовый – ради меня это корыто после двух эксков все равно выводят.

Он поцелует сестру и уйдет на судно, вытирая пижонским рукавом мокрые глаза. Бог действительно будет держать над ним ладошку – путешествие пройдет без приключений и взрывов. Только писем с обратной стороны Земли так и не придет.

А через год действительно случится предсказанный Ваней третий раз. «Григорий Мерк» – уже с другим капитаном, датчанином, – возвращаясь с паломниками из Мекки, налетит на скалу и затонет. Пассажиров чудом удастся спасти, а капитан потеряет рассудок.

Любит-не любит, плюнет-поцелует

Лида была первой не только по рождению. Она стала первой ученицей Мариинской гимназии по всем предметам. Приметывая воскресным вечером белый воротничок к форменному платью из тяжелого зеленого бархата, семилетняя Лидочка заявила:

– Я здесь жить не буду! У меня будет богатый дом, высшее общество и булочки с икрой.

– Ой вэй, – засмеялась Фира. – Кого-то ты мне сильно напоминаешь. А на женские курсы хочешь?

– Бухгалтерские, – отрезала Лидочка. В отличие от матери, мечты ее были вполне реальными – она считала быстрее всех лавочников со счетами и торговалась на рынке так резко, что обалдевшие торговки соглашались с ее выкладками. Мелкая, вся в Фиру, худющая Лидочка буравила взглядом торговки и начинала выговаривать:

– Сами берете в ночном с баркаса по семь копеек, за место еще гривенник, ну ладно, плюс конка до вашего Фонтана и обратно, а продаете по полтиннику, это чистой прибыли – тридцать копеек на килограмме. А я прошу всего-то уступить пять. А не уступите – проклянущу, и без почина всю субботу простоите.

Торговки пугались и оправдывались перед соседками:

– Видели, какая сука глазливая. Точно цыгане в роду.

– Ванечка, посмотри, что она творит – вся в тебя! – Фира повернулась к мужу. – У Лиды табель с отличием! Ваня!

Ванечка спал прямо в кресле. И так продолжалось второй месяц подряд. Поздние приходы с работы, односложные ответы невпопад.

Иван Беззуб, великолепный семьянин, тишайший образцовый отец и блестящий инженер железной дороги внезапно стал пропадать по выходным... Фира списала это на желание заработать, но когда обнаружила в резной шкатулке слоновьей кости «наличие отсутствия» денег, стала рассматривать варианты... Первый и очевидный для любой женщины – ее Ваня завел любовницу. И, увы, она не ошиблась.

Иван Беззуб действительно внезапно и фатально встретил свою давнюю первую любовь – воздухоплавание. Все началось с газетной заметки о Сереже Уточкине... Одесский Икар рвался в небо. И сердце Ванечки чуть не выскочило из груди. Ему понадобится пара дней, чтобы все разузнать в редакции «Одесского листка», и еще полчаса, чтобы убедить Сережу в своей полезности. Одесская легенда – отчаянный яхтсмен, бесстрашный автолюбитель, неутомимый велосипедист и будущая легенда авиации Уточкин был простым и приятным. Он так горел небом, что, посмотрев на чертежи Беззуба, чуть не захлопал в ладоши. После мини-экспериментов и прототипов стало понятно – самим не справиться: семейные сбережения Беззубов пошли в фонд покупки воздушного шара. Наконец-то его беспокойный инженерный ум и страсть к усовершенствованию всего и вся нашли выход и благодарность. Беззуб ковырялся в моторе «чертопхайки» (так обозвали мотоцикл Уточкина в полицейском рапорте) и автомобиля, на которых Сереженька съезжал по Потемкинской лестнице. Небо, воздух, аэронавтика... Ванечка виновато улыбался, трепал по голове детей и сбегал в гаражи.

Февраль и март в Одессе – это тоска и безысходность. Бесконечные зависшие серость и сырость, разъедающие душу. Без солнца и снега,

только холод до костей.

Фира плакала – с такой соперницей ей точно не справиться. Да и что она может? Кому она нужна, старая, двадцатичетырехлетняя женщина без образования и заработка, с тремя детьми...

– Фердинандовна, не занята? Нужен совет.

Фира с бутылочкой наливки и пирожными топталась у дверей Елены.

– Что стряслось опять? Кто на этот раз?

– Да все здоровы... Мне – плохо... Ваня, Ваня меня разлюбил...

Елена была не в духе. Тяжелая смена, пьяная драка, ревности, разборки – исколотая ножом портовая шлюха, лет шестнадцать от силы, истекла кровью в приемном отделении. Тяжелые роды, ребенок не выжил, Косько ее шлялся всю ночь невесть где, и тут эта страдальца с утра пораньше.

– Леночка, ты опытная, ты такая сильная, что мне делать? Может, я к тебе в больницу пойду сестрой медицинской работать? Ты же знаешь, я смогу.

– Разлюбил... Тоже мне горе. Венчаны? Венчаны! Детей нарожала, ну так он порядочный – прокормит. Скучно? Любовника себе заведи. Хотя в таком виде кто на тебя позарится? Неаппетитно выглядишь. Платью этому сколько лет? Ты, когда замуж шла, вот так платком голову сикось-накось обвязывала? А руки в муке об подол вытирала? Ты знаешь, я понимаю Ванечку.

Фира окаменела. Она отставила так и не выпитую рюмку.

– Спасибо. Утешила.

Когда захлопнулась дверь, Елена медленно прокатала по рту наливку, наслаждаясь тягучим обжигающим вкусом, и взяла пирожное.

– Да пожалуйста. С жиру бесишься, девонька.

Она съест все сладости и пальцем вымакает сахарную присыпку с тарелки. Четвертый месяц беременности Елены не заметил никто во дворе – ее шикарная грудь налилась быстрее живота.

Нюся поила Фиру обжигающе горячим чаем с ложкой коньяка и янтарным абрикосовым вареньем с «бубочками». Прошлым летом Нестор и Лида наперегонки били молоточком абрикосовые косточки и пальцы, чтобы начистить ядрышек для этого лакомства. Фира облизала ложку – в этом году она сварит такое же. А Нюся поправляла ей выпавшую черную прядь.

– Ну ты что, дурочка. Радуйся, что не пьет, как Гедаля, тебя содержит, детей содержит, слова поперек не скажет. Пусть играет. Запомни – пока у него есть эти железяки, ему другие бабы не нужны.

– Так и я не нужна больше! – разревелась Фира.

– А ты книжки почитай какие-то. Когда последний роман читала?

– В Никополе еще, – опешила Фира.

– Ну вот и читай! Что он там делает – механизмы? Велосипед себе попроси! Очень модно.

– Да какой велосипед! Я ж упаду!

– А ты попробуй! Ты ж как ребенок – невысоко лететь. Это я костей не соберу. И вообще, чего дома сидишь? Детки уже ходят сами. В театр сходи, в кафе с Ривкой, к морю съезди.

– Да холодно же!

– Так не сейчас! Дура ты, мадам Беззуб! Себя полюби, и остальные полюбят.

Страшная месть

– Мне надо велосипед!

– Иринушка, ты Нестору хочешь?

– Нет – себе! Дамский!

Ваня так хохотал, что разбудил Анечку.

– Ира, да ты что? Ты – на велосипеде?

– Ну на авто ты пока не заработал, – оскорбилась Ира. – Можешь готовый купить, можешь сам собрать, если на меня времени хватит.

Ваня обнял ее:

– У, глупая какая! Будет тебе велосипед. А ты правда на него сядешь?

– Да уж невелика наука, если мальчишки могут.

– Ах ты ж моя суфразисточка! – Он чмокнул ее в лоб.

– И это все? – Фира уставилась на Ваню. Где тот его взгляд с Никопольской пристани, когда в мире не существовало никого, кроме нее. Ваня потянется и подхватит Фиру на руки. А на следующий день во двор на Мельницкой закатится шикарный женский велосипед с корзиной, полной фиалок.

Клятый характер не утихомят даже трое детей. Фира начнет тренировки в сквере и у дачи Дашковского. Разбитые колени,

порванные чулки, вымазанные в грязи юбки и хохочущие мальчишки со всей балки. Через две недели она, смеясь, амазонкой залетит во двор, разогнавшись и задрав ноги над педалями, сшибая шляпкой белье и цвет на дворовой абрикосе. Она покорит не только велосипед, но и мужа, и не только своего.

Ванечка Беззуб не знал о загадочной черной кошке, пробежавшей между лучшими подругами, поэтому перехватил в арке упирающуюся Елену и притащил домой.

– Фира вторые сутки страдает. Стесняется тебя звать. Помоги, а? Опять она головой мучается.

– Голова – не жопа! Завяжи и лежи! – выдала Елена Фердинандовна свою любимую прибаутку. В свои сорок с походом она оставалась лучшей акушеркой и грозой Молдаванки, несмотря на уже сильно заметную беременность.

– Мадам Гордеева, на колени встану! Помоги, голубушка.

Фердинандовна высыпала из бутылки с притертой пробкой горсть таблеток и по очереди стала их облизывать, определяя название по вкусу.

– Хинин, пирамидон... Вот, держи!

Ваня робко поинтересовался:

– Мадам Гордеева, стесняюсь спросить: а почему вы их лижете?

– А давай я вместо болеутоляющего твоей бабе слабительного вручу! На глаз отличить можешь? А нас на курсах учили лекарства распознавать по вкусу!

Фира взяла таблетку и внезапно, наклонившись, вырвала фонтаном прямо на парадный халат Елены.

– Какая мигрень?! Ты ж беременная! – Елена, скрестив руки на груди, смотрела на Фиру.

– Голова, говоришь? Ну, никейва, и от кого?

Тощая Фира выпрямилась на кровати и с нескрываемым торжеством выдала:

– От Ванечки, конечно, от кого ж еще? Вот те крест!

Женщины даже в первом триместре четвертой беременности могут быть редкопородными суками. И Фира упивалась своим минутным триумфом. Ванечкой звали не только ее мужа, но феерического красавца Косько с глазами цвета гречишного меда. Он видел

велосипедный триумф и кураж Фиры и с тех пор буквально не давал ей проходу.

– Кстати, «Гордеева» – это от «хорт»? – вытирая платочком рот, спросила Фира.

– Ну конечно, – Елена Фердинандовна подняла бровь, – только, надеюсь, ты знаешь, что «хорт» на идише означает то же, что и на немецком: «клад», «сокровище». Божьей милостью люстдорфская немка. Кстати, Ира – это от Фира? А Михайловна – от Мойше?

Этот паскуда Косько, забыв о шикарных немецких боках Лёли, о том, что она носит его ребенка, внезапно стал проявлять повышенное внимание к Фире. То корзинку дотащит, то Анечку до дверей донесет и о бок потрется, а месяц назад в шесть утра он зашел следом за ней в угольный сарай. Видимо, проверить запасы угля или подержать ведро. Эту соседскую инициативу Лёля увидела лично, возвращаясь от очередной роженицы.

Она ждала... Минуту, пять, десять... И, развернувшись на прямых ногах, пошла к себе. Устроить скандал с мордобоем означало расписаться в своем поражении перед всем двором.

Вендетта по-молдавански подается холодной. Ивана Косько через две недели после похода в сарай забрали жандармы прямо из ее кровати.

А теперь эта тварь внезапно беременная.

Через три месяца после этой новости Гордеева родит. Сама, без акушерки. Мужика. Богатыря. Ее немецкая порода продоминировала над жгучими южными генами. Мальчишка был блондином с точно такими же, как у нее, водянисто-зелеными виноградными глазами и нежно-белой кожей.

– Моя кровь! – удовлетворенно отметила Елена, осмотрев младенца. – Питер, майне либе.

О времена, о нравы

– Вы читали? Ой шо то будет! – Нюся запахнула халат и, вытянув на руке «Одесский листок», с выражением зачитала:

«В субботу, 23 июня 1907 года, в Аркадии состоится первое в этом сезоне фантастическое интересное гулянье, которое превзойдет все бывшие до сих пор гулянья. Сбор поступит в пользу одесских и московских детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии. С наступлением сумерек – Волшебная Венецианская Ночь!!! На суше и на море. На фантастически убранных и разукрашенных гондолах оркестром и певцами исполнены будут серенады. Феерическая обстановка, огненные фонтаны и световые эффекты. В парке три оркестра музыки. Концерт Одесского городского оперного оркестра. Оркестр мандолинистов и гитаристов под управлением г. Ходумоглу. Конкурс красавиц. На эстраде грандиозный концерт варьете. Пляда красавиц, свыше 20 парижских звезд. В 12 часов ночи – блестящий фейерверк будет сожжен пиротехником «Фортуна» на суше и на море в 100 000 огней. Входные билеты по 55 копеек. Билеты продаются в канцелярии градоначальника. Столики на 4 персоны – 15 рублей, 12 рублей, 8 рублей, 6 рублей и 4 рубля».

Когда тебе двадцать четыре, то и четвертая беременность не помеха. Фира организовала поход на светское мероприятие. Ванечка был рад, что супруга захотела прогуляться.

– Мы сами поедem, дамы. А ты к дирижаблям своим можешь ехать.

– Это же ведро водки можно было купить! – горестно прокомментировал Гедаля, увидев нарядную жену. Ривка добила мужа:

– И на тебе мы не поедem! Кстати, столик стоит восемь рублей – это восемь ведер! Ваня Иркин подарил нам билеты, а ты оплачиваешь извозчика в Аркадию и обратно!

– Фира могла бы и на велосипеде сгонять, а тебя сзади посадить, – пытался шутить Гедаля.

А Ванечка с выражением читал двору фельетон своего любимого Муски – популярнейшего язвительного одесского журналиста:

«Милые Парисы в ажитации, – с нескрываемой иронией сообщает он. – До сих пор они выступали в роли судей по вопросам личной эстетики. Сегодня ценители сами на скамье подсудимых. В Аркадии –

конкурс красавцев! Раньше думали, что на выставке – наряду с лампами, обоями, картинами и улучшенными породами всяческого скота – может фигурировать одна лишь женщина. Но никак не мужчина. Как только это превращение стало очевидным, тотчас же на выставяющегося мужчину переносят все обычные «особые приметы» низшего существа и, между прочим, самый главный – неодошвенность. Мой приятель, интеллигентный человек, сказал мне, узнав о подготовке к одесскому конкурсу:

– Гнусная штука!

– Почему?

– Ты увидишь, что после этого в газетах появится объявление: «Красавец-чемпион Одессы, прекрасно знающий русскую и иностранную литературы, художник, предлагает свои услуги в качестве попутчика в Кисловодск молодым дамам. Свободен весь летний сезон. Условия заблаговременно. Абсолютная тайна гарантирована. Одесса. До востребования».

И я не могу не признать, что в этом прогнозе есть известная доля истины».

– Так там что, и мужчин будут показывать? – возмутился Гедаля.

– Да, а потом разыгрывать среди дам по жетонам. Это благотворительная акция «Приюти красавца – помоги приюту», – мгновенно нашлась Софья Полонская. – Я бы парочку в хозяйство прикупила.

– Не с вашим хозяйством, мадам Полонская!

– О, кто бы говорил, Гедаля. Свое-то хоть без пенсне видишь?

Праздник был шикарным, шампанское – головокружительным. Ривка, Нюся, Фира и мадам Полонская гуляли по Аркадии, рассматривая публику.

– О боже! Боже! – Нюся приподнялась на носочки. – Это же сам Уточкин! Сережа Уточкин! Девочки, я бы его обслужила бесплатно. И даже приплатила, и даже родила бы от него.

– По-моему, он тебя услышал, – хихикнула Ривка.

Уточкин подошел к их столику, поклонился и поцеловал Фире ручку:

– Ирина Михайловна, нижайший вам поклон за супруга. Я надеюсь, вы придете смотреть на наш полет через месяц?

– Непременно, если здоровье позволит, – Фира спиной чувствовала завистливые и недоуменные взгляды.

– Это как? Это что?

Фира пригубила шампанское.

– Мой Ванечка ему помогает. Говорят, через месяц состоится первый официальный полет, хотя они уже сами поднимались раза три.

– За Уточкина! За Ваню! Давайте уже лучше за Фиру! – подружки хихикали.

– Дамы, за кого голосуем? – Над их столиком завис, как жук на бреющем полете, официант с шикарными усами. Билетики, полученные при входе, надо было опустить в корзинку с указанием понравившейся красавицы.

– Ну что, зря пришли? – Нюся подбоченилась. – А приятно, что эти красотки сейчас зависят от нас. Первый раз я бабу выбираю, а не жду, что меня выберут. Мне испанка понравилась, та чернявенькая. Я за нее буду.

Конферансье со сцены объявил:

– Первой красавицей Одессы... Победительницей первого Всероссийского конкурса красоты с перевесом более чем в два раза над ближайшей соперницей становится... госпожа Саграрио!

– А-а-а-а!!! Наша испанка!!!!

Прекрасной испанке вручили главный приз – золотой жетон, усыпанный драгоценными камнями и украшенный надписью: «Первой красавице Одессы».

Глубокой ночью, полные шампанского и впечатлений, дамы, перешептываясь, зашли во двор на Мельницкой.

– Ривка, ты не говорила, что там такой разврат! – возмущенный и полчаса назад трезвый Гедаля встречал супругу во дворе.

– Ой! Он не спит! Он в дозоре! И что ты там, интересно знать, увидел?

– Бабы, грех смеяться над убогими!

– Грех следить за приличными женщинами! – возмутилась Нюся.

– Ой вот не надо о приличиях! – огрызнулся Гедаля. – Виданное ли дело – публично в исподнем рассекать!

– И откуда такие подробности? Неужто билет купил?

Гедаля густо покраснел под хохот всей компании.

– Ждал блудных дам с ночного променада! Сема, спасибо, просветил!

– И куда он тебе просветил? – хихикнула Ривка.

– Там что, мужчин в непотребном виде показывали?

– Конечно, – Нюся подбоченилась, – и даже давали потрогать! Мы отдали свои голоса за Геркулеса! То есть Геракла... ну он как бог греческий просто... За Бахуса!

– Ну, то, что вы Бахуса уважили, по вам сильно видно, – вышел во двор заспанный Ванечка.

– А что, таки евреев не было? Надо было за греков? – Сема-Циклоп возник в ночной темноте, как фантом.

– Семочка, ты ходил глянуть одним глазком? Боже, с тобой непорочно родишь! Или родимчик схватишь! – отшатнулась Нюся.

Фира хохотала:

– Мадам Голомбиевская, ты вечно что-то схватишь – то удачу, то болячку.

Ривка подбоченилась.

– Какой грек, адиёт?! Он же как синие!

– Синий?

– Баклажанный! Фиолетовый!

– И бицепс у него толщиной с мою ногу! – Нюся в восторге задрала платье до середины бедра. – Вот такой!

– Я ничего не понял!

Вместе с Гедалей ничего не поняли и одесские газетчики. Светский скандал бушевал еще несколько недель и разгорался с новой силой – первый в Российской империи мужской конкурс красоты выиграл... африканец! Тот же Ванин любимец Муска выдал желчное и, мягко говоря, неполиткорректное резюме: «Самый породистый представитель готтентотского племени. Черный, как чернила на дне колодца в безлунную ночь. Не губы, а пара кровавых сосисок. Недавно прибыл из Африки, где, может быть, закусывал отбивными котлетами из филе двуногих. Премировав Бахуса, публика зло посмеялась над одесскими красавцами!»

Не считая цвета кожи, все остальное было ложью и завистью – красавчик Бахус неплохо говорил по-русски и трудился официантом в кафешантане при гостинице «Северная» в переулке Чайковского. Помимо невероятного обаяния и шикарных мускулов, он, кроме

прямых обязанностей, еще и обучал посетителей новомодным американским танцам – кекуоку и матчишу.

«Кекуок», или танец с пирогом, был невероятно веселым и таким же непристойным – прыжки и активные виляния бедрами, да еще и с вытянутыми вперед руками. Той ночью после конкурса Фири точно повторила триумфальные па Бахуса, а Ванечка попросил ее впредь исполнять такое только в супружеской спальне, а не при соседях.

Но мужчин больше интересовала первая красавица, а не эбонитовый официант.

– Барышни, вы гляньте! – Гедаля с Ваней рассматривали в «Одесском листке» фото первой красавицы Одессы и Российской империи – мадмуазель Саргарио.

– Смотрите, у нее же грудь, как у Ривки, а попа, как у Елены.

Ривка засмеялась: – А лицо точно как у Фиры!

– Да видела я карточку, – фыркнула проходящая мимо Елена. – Какая мадам Беззуб? Куда со свиным рылом в калашный ряд? Там чистокровная испанка, а здесь эта шавка!

Нюся покосилась на Гордееву:

– Ленка, ты чего? Вы ж подруги вроде были?

– Были да сплыли, – отрезала Елена и ушла к себе.

– Мишигинер, – прокомментировала Фири поведение Елены. Но больше демонстративно не сказала ни слова.

Помимо Муски, сам главред «Одесского листка» Василий Навроцкий тоже примет участие в протестах: «В Одессе нет красивых мужчин. Это теперь доказано, как дважды два четыре. Нет красавцев! И это тогда, когда популярная песенка убеждает, что «Мужчина, будь немного лучше черта, Его красавцем станут называть», а так как приз получил негр, а черта обыкновенно рисуют черным, то и... Иль, может быть, это месть за результаты конкурса красавиц? Ради бога, мадам и мадемуазель, разъясните мои сомнения. Давайте устроим анкету. Напишите мне в редакцию на мое имя письма, в которых объясните ваш взгляд на мужскую красоту. О результатах анкеты я сообщу в субботу».

Софа Полонская постучала к Фири:

– Тебе Бахус понравился? И мне понравился! Про Нюсю вообще молчу! Давай напишем этому Навроцкому! Ты ж такая языкатая!

Фира засмушалась, но согласилась. Через час, заливаясь слезами от хохота, они читали Ривке и Нюсе:

«Милостивый государь! Мы лично присутствовали на конкурсе и как приличные замужние дамы можем с уверенностью заявить, что вы ничего не смыслите в канонах мужской красоты. Возможно, женщинам показали не самых достойных представителей, которые в силу природной скромности или отсутствия информации не приняли участие в конкурсе.

Чтобы быть объективными, просим Вас опубликовать Вашу фотокарточку, а также предлагаем провести танцевальное состязание по бальным и новомодным танцам с участием самых ослепительных журналистов газеты и «недостойного», по Вашему мнению, Бахуса.

Еще в 1905 году государь Император даровал нам свободы, но Вы, похоже, не удосужились ознакомиться ни с телесными, ни с умственными, ни с политическими. Приносим глубочайшие соболезнования Вашей супруге.

С почтением, дамы Молдаванки:

Софья Полонская, Ирина Беззуб, Анна Голомбиевская, Ривка Штерн».

– И что? Отправили? – Ванечка поперхнулся чаем.

– Ну конечно!

– Ах ты ж мой черт в юбке! Соболезнования супруге! У меня есть повод для ревности?

Фира покосилась на свой живот.

– Пока точно нет. Но кекуок придется освоить.

– Станцую, когда родишь!

День и ночь

Уточкин ошибся на каких-то пару месяцев. Подготовка к полету затягивалась. Лидочка вернулась после каникул в Мариинскую гимназию, Нестор читал по складам, Анечка лепетала без умолку.

Второго октября нарядные дети, Ирина Михайловна, Нюся в новом платье, Ривка – все на подводе Гедали, куда Ванечка нагрузил еще своих бряцающих железом саквояжей, прибыли на историческое событие.

Шар поднимался в воздух. Зрителей было немного – официальный рекорд с подъемом на тысячу двести метров Уточкин совершит ровно через год, а пока они с Беззубом внедряют и испробуют все Ванины «хитрушки».

Кроме того, чтоб дать денег на покупку шара, Ваня придумал, изготовил и установил множество всяких мелочей. Система связи с землей зависела от высоты полета. Для малых высот был нахально уперт с портового буксира капитанский рупор, для больших высот – предусмотрены специальные капсулы для сброса записок и различной формы свинцовые грузила. Рыбаки, узнав для кого и зачем, с готовностью жертвовали любые ценные экземпляры, приглянувшиеся Ване. Позже, к следующему году и полетам в Египте, Ваня дополнит их маленькими зонтиками-парашютиками, позаимствовав идею у Леонардо да Винчи, а потом снова доработает – раскрасит в яркие цвета, поняв, что найти в траве или песке записку, сброшенную с большой высоты, будет крайне затруднительно. Добавив ярких шелковых лент каждому зонтику-парашюту, Ваня доведет эту систему связи до совершенства... Также были добавлены несколько небольших якорей взамен одного большого и указатель направления ветра.

Корзину шара украшали специальной формы мешки для балласта. В классической версии это был морской песок в обычных мешках. Ваня придумал систему креплений, в которой вместо обычного сбрасывания (а вдруг упадет зрителям на голову?) содержимое быстро и безопасно высыпалось струей.

Дети и дамы пищали и хлопали в ладоши от восторга.

Уточкин спустится к зрителям, пожмет руку Ивану и сделает памятное фото – Нюся притащит с собой фотографа, чтобы исторический момент и сопричастность к нему сохранились для потомков.

Через год, к официальному рекорду Уточкина – подъему на 1200 метров и поездке в Египет, – Беззуб дополнит корзину четырьмя ножами специальной формы, предтечу нынешних стропорезов, по одному на каждую сторону, чтоб были всегда под рукой и не было нужды судорожно искать их в минуту опасности.

Он не признается, что гениальная мысль посетила его во время аварии:

«Трех одесских аэронавтов, поднявшихся на воздушном шаре аэроклуба, сильным ветром унесло в море» – напишет 22 июля 1908 года газета «Русское слово».

Голубь, пущенный с мыса Тарханкут, прилетел через семнадцать часов с известием, что воздухоплаватели спасены от гибели пароходом «Восточная Звезда». Ваня даст десять рублей вахтенному матросику, заметившему их, и столько же корреспонденту, чтобы в заметке обошлись без фамилий. Тогда они решили сделать марш-бросок и из-за шквала не успели срезать балласт. Ирочке он скажет, что был срочный вызов из-за аварии поезда в районе Балты.

Уточкин отказался только от Ваниного высотомера из-за несовершенства конструкции и модели воздушного гальюна.

– Дети! – торжественно произнесла Нюся после фотосъемки. – Дети! Гордитесь! Вы только что прикоснулись к мировой истории и к живой легенде! Вы должны запомнить это на всю жизнь! Это большое счастье.

Уточкин обнял Ивана: – Гордитесь лучше вашим папой – если бы у меня был такой отец, я был бы первым авиатором в мире, а не в Одессе. Вот кто гений, а я просто везунчик, что он меня нашел.

Слухи в Одессе распространяются быстрее августовского суховея. Ване через неделю предложили повышение по службе, а Фире доставили для него письмо от одесского барона Ксидасиса, который любезно приглашал его на встречу и просил платной консультации по вопросам воздухоплавания.

Главный дорожный инженер Беззуб оправдает доверие. Помимо отлаженной системы ремонтов и профилактики, он, как и в аэронавтике, завалит начальство идеями, моделями и чертежами – Ваня попытается усовершенствовать или переделать буквально все: механизм открывания створок топки, форму лопаты для угля, место для кипячения чая для машиниста и кочегаров, форму фонаря обходчика, масленку машиниста, систему смазки шатунов... Многое найдет применение, пусть не массово, но в пределах одного депо – точно. Новинки принимались машинным людом с благодарностью, а кое-что было принято и на высоком уровне – предложение заменить заглушки на магистралях аварийными пружинными клапанами снизило травматизм и аварийность, установка обтекателей (вот тутгодились детские расчеты сопротивления воздуха при полете

пули), система набора воды в бак паровоза и лоток для подачи угля с тендера к топке долгое время были сенсационными и подавались начальством на всех совещаниях как некий козырный туз в достижениях вверенного хозяйства, правда, без указания авторства.

Быт был обеспечен. Воздушное хобби супруга – принято на ура. Фира – счастлива. Так легко она еще не носила.

Вот уже установили огромную елку и развесили мишуру и золотые орешки, вот святой Николай принес отличнице Лидочке сказочное царское платье, а Нестору собственный набор инструментов. Анечка щебетала над французской куклой с нее ростом... А ребенок все не торопился с появлением. Фира переживала уже две недели.

Ваня целовал ее огромный живот: неужто рождество на Рождество? Фира проснулась...

– Начинается. Ванечка, Ванечка, родной, я сама, сама... Четвертый ребенок, я знаю все. Водичку вскипяти...

Самой не получилось...

Фира, его маленькая Фира разорвала от боли своими ручонками льняную простыню.

– Я за Лёлькой!

– Нет! Не зови эту бесноватую! Она меня ненавидит! Нет! Нет!

Ванечка орал вместе с Фирой:

– Ирочка... Ирочка... ручка оттуда выпала...

Ирочка потеряла сознание. Ванечка вылетел на галерею, промчался босым по снегу и хлопнулся на колени перед Лёлькиной дверью.

– Я не баба, я – акушер, не ссы. Какая ручка? Спокойно. Дите боком выходит...

...Не дергайся, сука, если хочешь, чтобы твое отродье выжило. – Елена облила водкой руку и засунула ее в промежность Фире. – Ша, шикса, не ори, у тебя еще вторая зайдет и спрячется.

Если бы Фира открыла глаза, то увидела бы, как изменилось лицо Елены. Вместо вечного презрения – закушенная губа, лоб в испарине и одержимость пополам со страхом в глазах. Это был второй случай в ее практике. Первый – в ее приезд домой на летних каникулах. Она помогала соседке, помня картинку в медицинской книжке. Тогда ей было семнадцать, и она не успела – ребенок не выжил. Лена еще полгода в каждом сне повторяла, как ритуальные индийские мудры, все движения родовспоможения по методу Морисо-Левре.

И вот опять. И эта проклятая жидовка. Самая длинная ночь в году. Самая черная. Буквально. Ночь святой Анны и зачатие Богородицы... Ну не должны в такой праздник младенцы умирать. Фирин звериный рев, плач детей в соседней комнате... и долгожданное пронзительное мяуканье.

– Такая же черноротая, как мамаша, держи, – Елена положила на Фирину задранную до груди сорочку черноволосую девочку.

– Шейне, Шейне пунем^[6]... – бормотала Фира, трясущейся рукой поглаживая тоненькие мокрые завитки на макушке.

– Как? Женя? Ну, святки нам не указ. А что, мне нравится, хорошее имя. Не повторяй мамину судьбу, Женька. Ну и ночь ты выбрала для прихода. Точно под глаза.

От денег Гордеева наотрез отказалась:

– Мне от вас ничего не надо.

Ванечка только крикнул ей вслед:

– Мы... я – твой должник!

1908

Чудеса медицины

Беззуб не признавал долгов. Ему понадобится полгода, чтобы придумать и сделать подарок для Гордеевой. Такой, чтобы даже она не могла отказать, и который показал бы всю Ванечкину благодарность за спасенных жену и дочку. Он думал не переставая, и днем и ночью, пока не увидел идею во сне.

А приснился ему... акушерский саквояж. Но что за саквояж! Это был венец инженерной мысли, в него Ваня вложил все свое умение, знания, связи и упорство. Он знал, что Фердинандовна не примет халтуры.

Подошел он к этому вопросу фундаментально, используя старые связи на одесской конке, опросил всех знакомых докторов всех специальностей, включая коновалов. Потом пришла очередь опроса шорников, сапожников и нескольких одесских кожевенников, потом были цирюльники, аптекари и разного рода ремесленники.

В результате миру явилось чудо – Акушерский Саквояж, именно так, с большой буквы...

Металлисты-ремесленники сделали каркас чуда, лучший дамский мастер, сапожник Абрам Максович обшил его самой мягкой, тонкой и изумительно прочной кожей, шорники выжгли вензеля, полное имя и адрес Еврейской больнички и еще несколько только им понятных медальонов. А внутри было самое главное – не зря Ваня так замучил всех знакомых и незнакомых докторов и коновалов...

Каждый(!!!) инструмент и пузырек имели свое место, кармашек, чехольчик или прорезь. Каждый!!!

На каждом кармашке или притулочке был выжжен или отгравирован свой символ или надпись на латыни.

Комплект хирургических инструментов был куплен самый полный и самый дорогой – это не был инструмент одного производителя, это был сборный комплект, любовно переточенный и заправленный до невероятной бритвенной остроты многодетным ремесленником-точильщиком из соседнего двора. Почетное место, вернее два места, аккурат посерединке, занимали две серебряные фляги по пол-литра...

На одной была отгравирована ныне всем известная надпись C_2H_5OH и продублировано на латыни spiritus, а вторая была украшена замысловатым орнаментом и вензелем ЕГ.

Еще этот саквояж от обычных отличался тем, что был снабжен плечевым ремнем и двумя дополнительными ремешками для крепления к поясу – так Ваня подсознательно учел опыт погромов и будущих уличных боев в городе... У доктора всегда должны быть свободными руки. Вручение подарка он тоже продумал и дождался дня ангела Елены.

Саквояж был вручен Фердинандовне в праздник, аккурат перед ее именинами, среди дня, при полном собрании всего двора и тех, кто участвовал в создании шедевра.

Гордеева, еще толком не проснувшись, вышла на галерею и протрубила:

– Ну какого хрена стучать? По голове сейчас настучу!

Ваня торжественно поставил на застеленный белой пасхальной скатертью стол под галереей Саквояж и картинно-театральным жестом нажал единственную кнопку посреди рамки – тот с мощным лязгом моментально раскрылся на всю позволявшую конструкцией ширину.

– ...Ну вот, это от нас... с благодарностью... С днем ангела, ангел-хранитель наш, Фединандовна!

Соседи затихли. Гордеева насупилась и молчала. Ваня не отрываясь смотрел на нее. Она молчала так долго и свинцово, что у соучастников началась тихая паника.

Потом она медленно спустилась и подошла к столу. Ваня стал прикидывать пути отхода.

Фединандовна бросила взгляд в недра саквояжа, вздохнула всей своей могучей грудью и резким движением прижала к ней Ваньку. Из ее нецензурного гудения можно было разобрать только: «Ванька, паршивец, уважил». Потом она отстранила Ивана и спросила:

– Почему две фляги?

Ваня гордо ответил:

– Для равновесия!

Гордеева снова крепко прижала Ваню к могучей груди и поцеловала в макушку.

– погоди! – Беззуб вырвался из ее крепких объятий и извлек из саквояжа еще одно изобретение – портативный стерилизатор вместе со

спиртовой горелкой, для заправки горелки и была предназначена вторая фляга.

Елена Фердинандовна сгребла Ваню в охапку, потом отстранила и в полном восторге закатила оплеуху. Оплеуха была мощной – Гордеева не считала необходимым контролировать процесс. Ваня, несмотря на звон в ушах, поймал ее руку и поцеловал:

– Спасибо, ангел наш... Век не забуду.

Народ облегченно выдохнул и радостно загалдел. С дальнего угла галереи, оставаясь невидимой для соседей в полумраке коридора, улыбалась Фира с Женечкой на руках.

Нюся, кокетливо виляя бедрами, спустилась с лестницы.

– Смотрите, что мне мил-сердечный друг Янчик принес!

Дворовые мадам с завистью рассматривали шикарный флакон.

– Термальные воды «Виши»! Для втирания в кожу лица. Гарантия сияющей гладкой кожи! – вещала Нюся. – Дорогушие! Я такие в аптеке видела.

Болгарочка Муся с шерстяным платком на поясице покосилась на флакон:

– Нюся, для сияющей гладкой кожи надо есть картошку со шкварками! Тогда морда будет круглая, кожа натянутая, а руки об щеки в сале протер, так еще и засияет!

– Какая вы, мадам Стоянова, дремучая!

Фира осмотрела флакон:

– Красивый! Франция!

– Янчик, кстати, сказал, что если кто захочет, то он за полцены от аптечной сделает. Контрабандный товар. Там еще кремы и лекарства. Гордеева! – крикнула Нюся, задрав голову, – Гордеева, пилюли со скидкой надо?!

Елена Фердинандовна недоверчиво спросила:

– А шо есть?

Субботним вечером Ян Вергулес раскладывал на столе под орехом вопиющую роскошь – французскую косметику «Виши», минеральную воду «Эмс», всевозможные кремы. Женщины толпились у саквояжа и нюхали заветные баночки.

– Один раз живем! – сказала Ривка, сгребая в фартук косметику. – Гедаля, я сэкономила тебе десять рублей!

Елена Фердинандовна зависла над коммивояжером:

– Что за лекарства есть?

Ян сдвинул косметику и, как заправский иллюзионист, метал из саквояжа на стол самые дорогие новомодные средства.

– Вот, пожалуйста, ксероформ – для моментального заживления гнойных ран, детских опрелостей, пупочков у младенчиков и трофических язв! Фенацитин – при мигренях и дамских недомоганиях, соматоза – шикарный порошок для аппетита! У кого дети плохо едят? Дамы, первейшее средство!

– Та их легче убить, чем прокормить, – проворчала Елена.

– Сироли-Роше – просто магическое действие от кашля, – ворковал, как влюбленный голубь, Ян, – сантал – драгоценное масло для красоты и от сотни ужасных болезней. Мадамы, прошу сюда смотреть – хинин есть. Натурально индийский. Чистейший. Недорого.

– М-м, – Елена хищно сверкнула глазами и отодвинула своей могучей кормой дам от стола, – какие богатства, однако.

– Для мадам Гордеевой будет специальная цена, – поклонился Ян.

– А то! – невозмутимо парировала Гордеева. – Сифон кто тебе в том году вылечил?

Ян и Нюся стали малиновыми.

– Нюся, между прочим, ни при чем была, – так же задумчиво склоняясь над столом, гудела Елена, – значит, три упаковки хинина, санталу пару пузырьков...

Она взяла пробирку и привычным движением тыкнула пальцем в порошок и облизала.

– Не поняла...

Взяла ксероформ и повторила ту же дегустацию. Со стуком выставила на стол собранные склянки:

– Толкай свое фуфло дурам слободским! Они все купят!

Гордеева развернулась и ушла наверх. Женщины встревоженно зашептались. Лёлька оглянулась:

– Кто возьмет что детям – лечить не приду. Сами – мажьтесь, чем хотите.

Ян возмутился:

– Что вы себе позволяете! У меня сертифицированный товар! Все бумаги в порядке! Да у меня лучшие аптеки города берут!

Нюся пыталась его успокоить:

– Янчик, не обижайся, она мишигинер, ты же знаешь. Посмотри, какая я у тебя красавица после «Виши».

Фира знала, что несмотря на паскудный характер, лучше Гордеевой врачей нет. Она отставила выбранную термальную воду...

Через месяц за тем же столом с фужером водки и газеткой расположилась Гордеева. Она удобно откинулась спиной к ореху и, прихлебывая из фужера, зычным голосом огласила:

– Газета «Русское слово» от двадцать седьмого сентября!

«В Одессе обнаружили две «фабрики», подделывавшие дорогие заграничные патентованные медикаменты и минеральные воды. Изделия «фабрик» широко распространились по всем городам России и Сибири. «Фабрики» были обнаружены при содействии специально прибывших в Одессу представителей германских и французских фабрикантов, медикаменты которых подделывались. В Одессе, как выяснилось, фабриковались преимущественно ксероформ, хинин, фенацетин, пирамидон, соматоза, сироллин, сантал, воды «Виши» и «Эмс», а также косметика».

– Внимание! – прокашлялась Елена. – Нюсичка! Для тебя!

«“Лекарства” изготовлялись большей частью из просто подслащенной воды (Елена удостоверилась, что зрителей достаточно и всем хорошо слышно) с примесью... (она понизила голос) толченого кирпича, ромашки и далматского порошка. В состав некоторых подобных медикаментов входили элементы прямо вредные. При обыске найдены десятки тысяч флаконов, этикеток и коробок лучших мировых фирм с фальсифицированными медикаментами. Пока арестовано восемь «фабрикантов» – людей состоятельных, владеющих недвижимыми имуществами. Представителями иностранных фирм предъявлено к подделывателям исков сумму до миллиона рублей!»

– Кому кирпича натереть на французский манер, недорого? Бабы! Налетай! Нюсь, сногшибательная новинка! А давай просто твоего Янчика кирпичом натолчем?! Наоборот, так сказать? Отличный цвет лица гарантирую!

Ян еще не знал, что у женского населения Молдаванки до сих пор действует средневековый девиз провинции Бретань: «Лучше смерть, чем позор». К сожалению Нюси, ее коварный план отмщения, включавший помимо толченого кирпича более твердые и острые предметы на коже лица и в других местах кавалера, развалился из-за

соседок, которые встретили горе-фальсификатора на дальних подступах. Однако потеря постоянного клиента даже пошла ей на пользу: неотмщенная Нюся напоминала взглядом и энергией валькирию, носящуюся над двором в ожидании жертвы. Впрочем, другие – лояльные – клиенты оценили такой накал страстей, и Нюся таки смогла купить себе настоящей термальной воды для лица.

– Это же две большие разницы, – назидательно говорила она, показывая два совершенно одинаковых флакона.

Коррупция!

Еще до вселенского заговора масонов, где-то вместе с первой древнейшей профессией родилась ее младшая сестра-погодок – коррупция. Она была вездесущей. По крайней мере так считали газетчики и простые одесситы шестого разряда. Проклятые взяточники – а такие в Городской думе за последние двадцать лет сменились десять раз – снова продали Одессу иностранцам! Шутка ли! Сначала отец города Григорий Маразли подписал договор с Бельгийским акционерным обществом конно-железных дорог на строительство конки, ну а теперь этим хитросделанным бельгийцам отдали переоборудовать ее под электрические трамваи! Контракт на десять миллионов рублей и сроки до 1940 года с правом правления! Вы это видели! Что у нас – паровоз не соберут или коней нет?! – Биндюжники возмущались таким заигрыванием перед Западной Европой.

– А мы бы за эти деньги и завод построили, и электричество добыли, и вообще почему бельгийцы, а не французы, там, не питерские? Вот скажи: – Ты ж работал у них? Вот и газеты пишут: «Налицо просто желание попасть добровольно в лапы бельгийцев. Отдать им монопольные права! Концессионный договор до 1940 года. Без права расторжения!» Нечисто дело тут, ясно.

Дворовые именины плавно перетекали от тостово-застольной фазы в остро-политическую:

– Ты скажи, почему у них забастовок не бывает? Неужто так платят хорошо?

– Ноги слабые, – совершенно серьезно ответил Ванечка. – Вагоновожатые весь день стоят, вечером приходят и падают – до стачки многие просто не успевают доползти.

– Они еще, суки, навоз продают! – подписался в разговор Макар. – На дерьме деньги поднимают! Вот ты бы, Гедаля, додумался сумку своим битюгам под хвост навязать?

– Действительно сволочи, – ухмыльнулся Ваня.

– А лепездричество для здоровья опасное, – звякнул стаканом Сема. – Вань, им же убить можно?

– Легко, – согласился Беззуб. – Как оглоблей, только быстрее. Но зато коней не надо и вагонов много. Можно и стоячих больше шести перевозить. Представляешь, Сема, какие перспективы для твоего карманного гешефта с такой плотностью населения?

Гласные Городской думы сильно сомневались, но в конце концов проголосовали за лепездрический трамвай. Правда, к радости фельетонистов, строить его будут два года и к открытию на Всероссийскую выставку промышленности и сельского хозяйства опоздают на каких-то пару месяцев.

Но не трамвай и не тысячные гешефты бельгийских коррупционеров потрясли Молдаванку, а старый Янкель Фальтнер – ближайший сосед Беззубов.

– Вы до кого? – встретила мадам Полонская элегантного мужчину в сопровождении пристава. – До Янкеля? И шо этот старый преступник вытворил на этот раз? Закусывал молоко салом? Подглядывал в женскую баню? Он же ничего не видит! Разве шо на ощупь! – Полонская, изнывая от любопытства, двинула следом за опрятными господами, вещая в июльское небо:

– Ой, вы посмотрите! До Фальтнера идут с такими торжественными лицами, шо мне сдается, шо наш Янкель – таки наследный принц в изгнании!..

Мадам Полонская практически угадала. Эта дворовая новость докатится до столичных газет, а пока нарядный господин с кожаной папкой уже пятнадцать минут стучит в дверь Янкеля:

– Откройте! Мы из нотариальной конторы! У нас ошеломительные новости!

– Янкель, зараза старая, – помогала и Голомбиевская, – значит, когда у меня приличные клиенты – он все слышит и тарбанит своей клюкой мне в окно, а когда тебе стучат в дверь – то ты сразу и бесповоротно оглох!

– Так, Янкель, – гаркнула Полонская, – если ты помер – дай знак, а то мы будем ломать двери!

В конце концов дверь таки распахнулась. На пороге в кальсонах с обвисшей по-черепашьи кожей на тощей груди в облаке седых курчавых волос стоял Фальтнер и трясся от негодования. Он сжимал свои сухонькие кулачки:

– Мадам Голомбиевская! Мадам Полонская, чиряк вам в рот обеим! Уходите!

Нарядный гость что-то шепнул Янкелю на ухо. Тот резко замолчал и отодвинулся, чтобы он с приставом зашел в дом, а затем резко захлопнул дверь прямо перед Софиным носом.

Через пять минут пристав выскочил:

– Помогите! Старику плохо стало!

Пока Нюся мчалась за Фердинандовной, Софа прорвалась в логово Янкеля:

– Ой, дурак старый! На кровать его тащите, – скомандовала она гостям и внезапно очень профессионально стала растирать полуживому Янкелю ступни.

И тут влетела Гордеева. Оттолкнув Софу и нарядного господина, сунула флакон с нашатырем Фальтнеру под нос.

– Ну вот, – сказал господин, – отлично, нам как раз нужны свидетели и ваши подписи, что господин Фальтнер в здравом уме и понял, что мы ему сообщили.

– Кто в здравом уме? – заржала Нюся. – Он и так Ньютоном никогда не был, а последние лет десять так уже полный мишигинер.

Господин с укоризной покосился на нее:

– Дамы, я вас умоляю – минута тишины, или я позову других свидетелей.

Дворовые мадам дружно замолчали.

А господин торжественно зачитал, что 23 июля 1908 года в присутствии трех свидетелей до Якова Фальтнера доведено, что он получил официальное извещение о том, что он и его сестра являются единственными наследниками после смерти Натана Фальтнера, умершего в Соединенных Штатах бездетным и оставившего наследство в двенадцать миллионов долларов...

В гробовой тишине, нарушаемой только сиплым, свистящим дыханием Янкеля, представитель нотариальной конторы уточнил, что теперь потребуется возбудить в официальных учреждениях Америки ходатайство о выдаче наследства, хранящегося в американском национальном банке, но надо разыскать документы, удостоверяющие их родство с «лицом, умершим в Соединенных Штатах».

– Они в Петербурге... Документы могут быть только в Петербурге, – простонал Янкель.

– Не волнуйтесь, – просиял господин, – мы с радостью возьмемся за все хлопоты по сбору и оформлению надлежащих бумаг. И в Америку вас сопроводим!

– А чего это вы сопроводите?! – очнулась Голомбиевская. – Слышь, сопровождающий, ты ему в дороге будешь совершенно бесполезен!

Полонская расхохоталась:

– Нюся, твой поезд ушел! Мадам Голомбиевская, ты не делала ему скидки, жестокая женщина! Да ты вообще ничего не делала бедному старику, а могла бы – не стерлась бы! Теперь жалею! Янкель, раз ты теперь богатый, может, трамвай купишь? А то мужики вчера нервничали, что всё бельгийцы под себя подмяли, а так будут деньги в семье! Точнее во дворе!..

После газетной заметки бедный мизантроп Янкель, проживший отшельником полжизни, теперь скрывался от нашествия внезапно появившихся родственников со всех сторон и веток, всевозможных эффектных дам, готовых скрасить досуг старика, юристов и газетчиков.

Ваня Беззуб мечтательно откинулся на стуле:

– Ира, я вот что подумал: если Янкель наш теперь уезжает в Америку, то, может, он продаст нам свою комнату?

Ира вздохнула:

– И ты туда же! Вдруг всем стало дело до Янкеля! Своя комната... Я уже забыла, как это... Но раз он миллионер, и деньги ему зачем, он из вредности не продаст. Не мучай старика.

А Янкель внезапно ожил. Он отказался от услуг нотариуса и сам стал собирать бумаги и регулярно ходить на почту – отправлять запросы.

– Янкель, мишигинер, ты будешь миллионер! Дай людям пару копеек – пусть хлопочут! – поймала его в подворотне Софа Полонская.

– Софа, – огрызнулся Янкель, – Софа, не делай мне беременную голову, как те чиновники. Они там так нахлопочут, что я еще должен останусь, или ты не помнишь, кем я был?

– Или! – хихикнула Софа. Она единственная помнила Фальтнера относительно молодым и очень востребованным. У него был дар, отточенный годами тренировок, и назвался он – гербовые печати. Янкель был уникальным мастером. Он готовил личные печати купцам

и аристократам, и поговаривали, что на самом деле основной его заработок был за пределами конторы и после окончания рабочего дня. Янкель мог срисовать и повторить любой государственный оттиск, не говоря уже о такой ерунде, как всевозможные казенные штампы. Правда это или нет, но последние лет двадцать полуслепой Фальтнер тихо доживал в дальнем углу двора на Мельницкой и ни в чем криминальном замечен не был.

И тут вдруг Янкель и внезапные заокеанские миллионы заиграли новыми красками. И совсем не казначейскими.

Во двор, краснея и тяжело дыша, зашла пышная пожилая дама в очень ярком и экстравагантном наряде, напоминающем со стороны малиновую попону циркового слона. Она медленно поднялась по лестнице и затарабанила элегантной тростью в дверь Беззубов.

– Ага... – угрюмо произнесла она, оглядев с ног до головы появившуюся Фиру. – Молодую, значит, нашел...

– Благодарствую, мадам, – с любопытством ответила Фира. – Чего хотели?

– Где он?! Где эта бессовестная скотина?

– Да делает вид, шо много и тяжело работает.

– Ничего за тридцать лет не изменилось...

– А вас как представить? – Фира уставала от этого абсурдного диалога.

– Представь меня в розовом! – прогремела эксцентричная гостья и завопила: – Янкель, гадина, выходи сейчас же!

От неожиданности Фира расхохоталась:

– Мадам, вы промахнулись дверью. Ваш кавалер живет чуть дальше.

– Какой кавалер?! – Дама, только выигравшая бой с одышкой после лестницы, снова зашла от негодования: – Это мой паскудный бывший... брат! Янкель!

В коридор выглянул из-за двери окончательно запустивший себя серебристый одуванчик Фальтнер:

– Ой вэйзмир, Голда... – обреченно простонал он, – что ты из-под меня хочешь?

– Значит, ты, паскуда, решил присвоить мои миллионы и думал, я не узнаю?!

На крики стали подтягиваться соседки. Им не надо было даже подниматься. Голда Фальтнер кричала так, что покрывала децибелами и проклятьями весь квартал между Степовой и Михайловской. Если очистить ее речь, как контрабандный кокосовый орех от твердой волосистой защитной скорлупы, от нецензурщины на идиш и русском, то внутри белой мякотью благоухала суть визита.

Из ее обращения к благоразумно скрывшемуся за дверью Янкелю, летнему небу и покойным родителям минут через десять стало понятно: первое – Янкель подлец, второе – он сломал жизнь сестре и третье, главное – Янкель подал прошение на вступление в наследство самостоятельно, с пометкой, что он единственный живой наследник, и приложил справку с печатью из Еврейской больницы, что его любимая сестра Голда скончалась три года назад от пневмонии.

– Не дожدهшься! Я тебя на два года младше! – орала и высаживала бедром дверь покойная Голда.

– А шо б ты хотела? От ожирения? Или от сифилиса? – пискнул из-за двери перепуганный, но не побежденный Янкель.

– Вот что я тебе скажу, Янкель! – проорала родственница. – Двенадцать – сильно плохо делится на два. Точнее совсем не делится. Учти! Я поеду в Америку и сама там все докажу!

Вечером Янкель постучал к Софе:

– Софья Ароновна, ты ж меня знаешь. Надо срочно ехать. Эта бесноватая меня со свету сживет, а я, может, только жить начну. Присмотри за комнатой – сдай, что ли... И тебе копейка, и мне спокойнее.

– Янкель, ну что ты, – смутилась Софа, – мне не надо...

– Мне надо! А то эта хыщница все отберет со всех сторон океана. Ты бы знала, какая это страшная женщина! Хотя лучше тебе не знать!

– Янкель, нам тогда надо к нотариусу, что у меня есть право управлять и сдавать...

И тут он хитро подмигнул Полонской:

– Та нашо тебе тот нотариус? У тебя же есть я!

И достал сложенную готовую бумагу с гербовой печатью и затейливыми подписями. Это была купчая на квартиру.

– А если я, не дай бог, вернусь, а ты вдруг спаскудишься, я враз докажу, что это фальшивка. А пока – никто не подкопается. Пользуйся на здоровье, – закончил он.

- Так Беззубам продай! – воскликнула оскорбленная Софа.
- Этой... – Янкель вздохнул и промолчал. – Этой... не продам!..

Софа оправдывает доверие Янкеля и сдает его комнату двум белошвейкам – прянично-румяной Даше и белой, как сметана, Мусе. Часть оплаты она, разумеется, возьмет товаром – ну, по индивидуальным меркам.

1910

Чумовая выставка

1910 год не задался – чума в обнимку с холерой чуть ли не поломали все планы и Беззубам, и организаторам Всероссийской промышленной выставки. Одни убытки! Готовиться к грандиозному открытию в Александровском парке с десятками павильонов, а вместо этого вдыхать смрад от горящих склонов и трещин!..

Ваня консультировал по строительству сразу несколько крупных павильонов. Все, что связано с движущимися деталями и механическими объектами, было его вотчиной. Уточкин передал по наследству своего драгоценного механика не только аэроклубу.

А тут эта эпидемия чумы! Она началась в мае.

– Опять из порта принесли? – спросила Ривка.

– Та если бы, – откликнулась сразу же Елена. – Болячка эта из центра пошла. Непонятно где пряталась, но уже пятый случай. Опять крысы, а с них блохи... Так что, бабы, мойтесь чаще. Нюся, а ты еще и бройся везде! Смотри – проверю, не дай бог принесешь заразу во двор!

Чтоб горожане не скучали и точно не таскались на променады и моционы по массовым мероприятиям, в Одессу следом за чумой пришла холера.

Елена собрала всех дворовых мадам.

– Значит, так: кто не будет блюсти себя и детей в чистоте – спасать не буду. Будете обсыраться до крови – не приду. Понятно? – спросила. – Все мыть! Огурцы, помидору, укроп и задницу – с мылом. Дважды. Детей купать ежедневно. Если можете не жрать сырое – не жрите, суп кушайте и картоху. Никаких колбас!

Тут она резко повернулась к Петьке и свела брови:

– У кого увижу пальцы во рту – намажу руки горчицей и перца в трико насыплю! Кого увижу на абрикосе, высеку! И мамки не спасут! Руки и причинные места мыть постоянно! Не меньше двух раз в день!

Дети возроптали.

– Руки – чаще! – гаркнула Фердинандовна, услышав писк, и продолжала: – Кто не понимает – возьму с собой в чумной барак и в карантин, где с холерой лежат и дрищут!

Ваня спросил:

– А помочь чем?

– Да ничем! Мыться надо, горшки выносить чаще!

Ваня услышал и попросил в депо три выходных дня. Так, по слухам, родился первый индивидуальный ватерклозет на Молдаванке.

Беззуб подошел к защите семьи и двора от эпидемии комплексно. За одну ночь были проложены водосточные трубы от бывшей кладовочки на галерее, ныне превращенной в отхожее место, в выгребную яму во дворе. Его не смутило, что трубы прошли через весь двор и тихий шелест отходов жизнедеятельности над головами соседей каждый раз сообщал, что у Беззубов кто-то сходил побольшому. Сам унитаз был достаточно примитивен, но очень эффективно выполнял свои функции, и для своего времени и для бедной Молдаванки это был прорыв.

Конструкция состояла из старого венского стула с подлокотниками и с дыркой в сиденьи. Вплотную к дырке в стуле Ваня прикрутил старое оцинкованное ведро без дна, которое, собственно, и вставлялось в приемный раструб водосточной трубы, служившей отныне канализацией и торчавшей из пола кладовочки. Там же, в кладовке, был установлен большой бак для воды и второй бак, с дровяным обогревом – детей много, всех их надо мыть-купать теперь ежедневно. Ивану понадобится еще два дня, чтобы добавить персональный подарок для Фиры – прообраз стиральной машины. Это была глубокая ванночка для стирки белья с активатором на ручной тяге, в просторечии – ручкой, которую крутил кто-нибудь из детей.

Презентация прошла успешнее открытия Всероссийской фабрично-заводской, сельскохозяйственной и художественной выставки. Соседи выстроились в очередь – на «посмотреть и испытать». И никого не смущали ни звуки, ни занавеска вместо дверей. Лидка и Нестор замучались справлять нужду на бис. Взрослые и дети непрерывно носили воду в бак, дабы не прерывался процесс знакомства и испытания диковины, кто-то крутил ручку стиралки, и за полдня было дважды качественно перестирано все белье Фиры и кое-кого из наиболее хитрых соседей. К вечеру процесс стирки пришлось остановить – у Фиры, Нюси и Ривки закончились все запасы мыла и щелока...

Гордости и радости Фиры не было предела. И помимо фирменного штруделя и любимого Ваней некошерного кролика она благодарила своего героя как могла...

Нюся утром завистливо возмущалась:

– Шо вы резвились опять, как те коты! Фира, у тебя гибнет талант в женском деле! Так орать в твоём возрасте! Ривка! Эта ненормальная нам всем делает новых детей – из-за забастовок, погромов, полетов и теперь – в честь нового горшка!

Нюся как в воду глядела. Фира опять понесла, побив рекорд Ривки.

– Пять душ детей! – смотрела ей вслед Софа. – Хотя с таким мужиком можно и еще парочку завести.

Ну а история ватерклозета закончилась через полгода: идиллию разрушили неожиданно крепкие декабрьские морозы – трубы пришли в негодность. Ваня разобрал их и поклялся усовершенствовать. Но рабочий график, новые проекты, а потом и катаклизмы, потрясшие Одессу, так и не дали представить усовершенствованную версию. Тем не менее этот царский подарок Фира будет вспоминать с нежностью всю жизнь.

Ваня буквально разрывался: шутка ли – Сережа Уточкин готовится к полету на Всероссийской выставке, и благодаря его протекции еще с десяток павильонов затейливых конструкций обратились к Беззубу за помощью в монтаже и запуске. И с конки приходили трижды – к открытию Бельгийское акционерное общество обещало запустить электрический трамвай. Безнадежное дело... А еще и родная железная дорога с ежедневными хлопотами...

Всероссийская выставка открылась 25 мая и, несмотря на триста павильонов, которые заняли половину Александровского парка, не вызвала у градоначальника никакой радости. Толмачев, утомленный борьбой с чумой, с холерой, с организаторами события и с гласными Городской думы, весьма скептически отнесся к местным достижениям:

– Что касается надежд на оживление чисто одесской промышленности, то они навряд ли оправдаются, ибо не секрет же, что одесское фабричное производство крайне ограничено и ничем интересным похвастаться не может, – сообщит он после молебна и перерезания ленточки нарядным промышленникам и гостям. И продолжит:

– И если говорить об успехах промышленности как результата нашей выставки, то на них могут рассчитывать другие фабричные пункты, приславшие сюда экспонаты, но ничуть ни Одесса.

Фира, наслушавшаяся от мужа обо всех сложностях монтажа и стараниях участников, тихо ворчала в толпе:

– Какой молодец! Пришел на праздник и сразу, чтоб не ждать, настроение всем попортил. Дай вам Бог здоровычка и типун на язык!

Заглядывая далеко в будущее, следует признать, что выставочная и фестивальная деятельность в Одессе до сих пор переживает циклические взлеты и падения. Однако выставка 1910 года была как раз эпохальной и знаковой: свои площадки разной степени богатства, как мы сейчас говорим – креативности, представили не только производители сельхозтехники и папиросных гильз, но и такие светские бренды, как шампанское «Моёт» с павильоном в стиле барокко или скромный домик Боржоми. Жестких критериев не было – кто обустроивался на месте, кто вез с собой. Например, Российское общество пароходства и торговли просто обвешало сруб спасательными кругами и флагами, а кто-то, как киоск фирмы господина Сараджаева «Кавказский натуральный коньяк», был выполнен в виде громадной скалы, с которой низвергался водопад. Интерьер этого павильона напоминал пещеру и, по отзывам прессы, «вызывал полную иллюзию». Из Москвы был доставлен павильон в стиле рококо для парфюмерной фабрики Ралле, а из Ченстохова (Польша) привезли и собрали настоящую... электростанцию, снабжающую энергией всю экспозицию. Меньше всего заморочился с оформлением киоск московского книгоиздательства «Современные проблемы» – он представлял собой простую деревянную будку с единственным прилавком. На фасаде красовалась гигантская надпись «Просимъ брать».

– А шо дают? – поинтересовалась нарядная Ривка. – Современные проблемы? Это не проблемы, это – расходы. А сдать вам парочку можно?

Оказалось, что-то таки выдавали – это были бесплатные рекламные буклеты. Ривка с Фирой хихикали: что ж такие надписи не вывесили французские промышленники на своих парфумах?

Ваня видел всю эту экспозицию целый месяц, поэтому идти на открытие и толпиться в очередях он не собирался – в отличие от любознательной и гиперактивной Фиры. Ей, Ривке и даже самому Дерибасу-младшему, в отличие от градоначальника, праздник и

достижения промышленности очень понравились, особенно те, что в области напитков.

Поэтому родственник отца-основателя и по совместительству собственный корреспондент «Одесского листка» развернул баталию с первым лицом города, укорив его в узости кругозора, темноте и несознательности. Говорят, в Одессе до сих пор, меняясь местами, власти и горожане спорят – процветает город или деградирует, и у каждой стороны находятся неоспоримые доказательства.

Главным событием Одессы того времени станет июль. С раннего утра 3 июля нарядная, возбужденно гудящая толпа заполнит пестрой рекой все аллеи Александровского парка. Мальчишки оккупируют деревья вдоль центральной аллеи. При этом все павильоны будут стоять пустыми...

Отсюда, с главной аллеи, совершит полет на аэроплане Сережа Уточкин...

Ваню охрана узнавала и без предъявления пропуска, а в компании с Уточкинским пропустила вместе с ним и с супругу с детьми и пару друзей из депо. На постоянном билете участника, который стоил аж целый рубль десять копеек, организаторы даже напечатали фотокарточку Беззуба, понимая, что предприимчивые одесситы могут передавать ценный пропуск за полцены и проводить на территорию счастливых «зайцев».

Уточкин был прекрасен. Пока он улыбался и позировал для газет, Ваня заканчивал последние приготовления.

Взлетев над центральной аллеей, Уточкин описал несколько кругов над парком и направился в открытое море. Он пересечет залив и сядет аж в Дофиновке. Ваня на подводе Гедали (какие деньги, когда такая честь выпала?) помчится за ним. А Фира с нарядной Женечкой, Нестором, Лидочкой и Анютой останется гулять по Выставке.

Шутка ли – стать свидетелем покорения воздуха! Он пролетел через море! Боже мой! Неужели когда-то все так смогут? – От мыслей о высоком и глубоком Фиру успешно отвлекали младшие Беззубы.

Если вы мать четырех детей, постигать глубины смирения и послушания в монастырской келье совершенно без надобности. Любая

общественная прогулка полным составом превращается в робкую и безуспешную попытку сохранить остатки достоинства и нарядного платья. Пока Анна требует воды и мороженого, а Нестор пытается изобразить последствия солнечного удара, Лидочка уйдет на минуточку в соседний павильон с посторонними детьми. И пока жена механика самого Уточкина, извиняясь, ныряет под столы и прилавки и заглядывает во все кусты в поисках старшей, Женечка спокойно отобедает свежайшим черноземом под акацией.

– Ваня, они когда-нибудь вырастут? – робко спросит Фира вечером, отстирав, отмыв и уложив наследников.

– Вырастут, но боюсь, что дальше будет еще веселей, – утешал ее Ванечка.

– Всегда?

– Ну почему? Если мы доживем, то увидим, как их дети за нас отомстят.

Осенью, точно под Покров, родился Константин Иванович. Чернявый и зеленоглазый. «Ох, девкам на погибель», – хихикали дворовые мадам. В отличие от породистых, тонкокостных девок Беззуба, что Нестор, что Костик завидной внешностью не отличались. Костик был откровенно некрасивым. Кроме зеленых выпуклых глаз под полуприкрытыми веками, он обладал выдающимся семитским горбатым носом, щедедушным телом и очень кривыми ногами. Зато природа и гены наделили его таким сногшибательным обаянием и живым умом, что буквально с трех лет он мог расположить к себе любую торговку или няньку в парке. Наказывать его за ежедневные шалости не было никакой возможности. В четыре своих года он успешно играл с девочками «в доктора» в кустах за Алексеевской церковью. В шесть – подбил дворовых детей, в том числе и девятилетнюю Женьку, посчитать, сколько котлов поместится в сохнувшие панталоны Голомбиевской, если затянуть их внизу штанин ленточкой. В шесть – глядя снизу-вверх – заявлял нанятой студентке, обучавшей его грамоте: – А тебе уже говорили, что у тебя самые красивые глаза в Одессе?

1911

Белый цветок

Первый год с пятым малышом, помимо всех бытовых хлопот матери, – это круглосуточный дозор, не выходя за пределы двора. По праздничным светлым дням – с радиальными прогулками в два квартала до ближайшей лавки.

Фира исстрадалась и озверела.

– Ваня, я хочу в люди! Я хочу слышать еще хоть что-нибудь, кроме детского плача, и видеть чуть больше задачника из гимназии.

Проблему досуга решила Нюся. Она собрала подруг и начала с воодушевлением:

– Прелестницы! Надевайте ваши лучшие платья и вспоминайте все приемы кокетства! Мы с вами нынче... займемся... благотворительностью!

Она, как факир, извлекла из атласного рукава брошюрки о туберкулезе.

– Это что? – повертела брошюру Ривка.

– Туберкулез, ну, чахотка. И «белый цветок»!

Нюся, сбиваясь и путаясь, рассказала длинную, просто душещипательную историю «Белого цветка».

Началось все со скандинавских королевских семей, где королева с фрейлинами вышли на улицу с разъяснительными листовками и букетами белых цветов. Продавая их, они собирали пожертвования на борьбу с недугом. Так ромашка стала символом борьбы с чахоткой. Следом за Европой подтянулась Российская империя. Через три дня после Петербурга, 23 апреля 1911 года, акция по сбору средств «Белый цветок» прошла в Одессе.

Нюся знала о готовящемся событии все.

– Девоньки, не подкачайте. Дело хорошее, публика изысканнейшая. Брали на раздачу только знатных.

– Ой, де мы, а где знатные? Нам до твоих аристократов как до Москвы раком!

Нюся склонила голову:

– Ну-у-у, Рива, не позорься. Ну сделали мне такой подарок, включили в списки. Чем плохо?

На следующий день у Еврейской больницы и в районе Привоза ходила нарядная троица с бархатными щитами, усеянными ромашками, в одной руке и кружкой для пожертвований – в другой.

– Пожертвуйте, сколько сможете! – улыбалась Фира, прикалывая на лацканы не успевшим убежать прохожим ромашки.

Нюся контролировала процесс:

– А что так мало? Господин хороший, – пеняла она убежавшим франтам, – кто мало дает, тому... мало дают! Так что не скупитесь!

Их посильное участие в акции помогло собрать в общую копилку рекордную сумму в тридцать тысяч рублей. Учредители фонда по борьбе с туберкулезом открыли за эти деньги целую амбулаторию и умудрились опубликовать подробнейший отчет: как, куда и на что был потрачен каждый полученный гривенник.

Фира была счастлива и полна эмоций – и погуляла, и пользу принесла!

– И в газету попала, – ворчал Ванечка, в сотый раз рассматривая фото подруг с цветами возле Еврейской больницы.

1912

Мама дорогая!

Нюся накрыла на стол. Гигантская кровать занимала больше половины комнаты.

Ривка боязливо примостилась на край:

– Нюся, я точно ничего не подхвачу?

– По морде отхватишь, биндюжница!

Она налила Фире и Ривке, замешкалась и плеснула себе на дно рюмки.

– Бабы, я, кажется, того...

– Тронулась? – уточнила Фира. – Так это не новость.

Ривка посмотрела на бледную Нюсю и пнула Фиру:

– Помолчи! Шо трапылось, малахольная?

– Я, кажется, понесла...

– Ты? Ты ж спринцуешься, и этими своими мужскими колпачками пользуешься! И сколько уже?

– Ой, я не знаю! И от кого – тоже не знаю! Ой боже, одни убытки! – Нюся зарыдала.

Подруги напряженно молчали. Фира разглаживала ладошкой скатерть.

– Может, к мадам Гордеевой? Она что-то присоветует? Давно задержка?

– Какая Гордеева? – вступила Ривка. – Нюся, это что, первый раз?

Нюся шмыгнула носом:

– Второй. Первый раз по малолетке было. Скинула. Думала, больше не будет никогда. Да и не было.

– Оставляй, – вздохнула Ривка. – Головой подумай: кто за тобой в старости смотреть будет? Оставляй, раз дите пришло.

– Куда? – разрыдалась Нюся. – А где работа? Как я работать буду? А лет мне сколько?

Фира оживилась:

– А действительно, сколько тебе?

Нюсины пышные формы прибавляли ей пикантности вместе с ее же годами. По той же причине лицо ее было по-младенчески круглым, без единой морщинки. С одинаковой вероятностью ей могли бы дать от двадцати семи до сорока пяти. Правда оказалась посредине.

– Я уже старуха практически – тридцать семь!

– Азохенвэй, старуха, – рассмеялась Фира. – А что, тогда мадам Полонской уже ходить на Второе кладбище и начинать к земле привыкать? Не реви! Другую комнату снимешь, нам дите отдавать будешь. Бог управит, – и она обняла ее. – Да шо нам тут с этой дивизией – одним меньше, одним больше – прокормим, – улыбнулась.

– А я как же? – Нюся размазывала черные потеки по щекам.

– И тебя прокормим, не впадай в агитацию, Голомбиевская, – тут улыбнулась и Ривка. – Фира, ну что, выпьем за эту юную маман?

Нюся проявила невиданную коммерческую смекалку – она по очереди намекнула всем постоянным клиентам на возможное отцовство. Отступные складывала на «декретный отпуск».

Ближе к финалу, как всякая беременная, она не выдержала и потребовала от подруг развлечений. Ехать на Куяльницкий лиман мазаться грязями наотрез отказалась:

– Шоб меня растрясло на той подводе или укачало у трамвае? И шо, надо переться на край губернии, чтобы вымазаться в болото? Так я это могу у ставка изобразить!

Мадам Полонская, как всегда в засаде у двери, дождалась своего звездного часа:

– Нюся, зачем до ставка? Если засунуть мокрую тряпку тебе под шкаф, можно собрать грязи на два купания!

– Замолчите свой рот! – огрызнулась Ривка. – И шо вы раскидали свой язык, руки и ноги на том стуле! Надо уже мыть, а не проветривать! Идите в баню, Полонская! Полгода прошло с прошлого разу.

Нюся всхлипнула и сказала:

– Хочется красоты. Душевности хочется.

– В кондитерскую? – предложила Ривка.

– Нет, забыться я хочу!

– Не переживай, скоро забудешь, как тебя зовут! – хихикнула Фира.

– Ой, а пойдете в иллюзион!

Одесские иллюзионы – первые кинотеатры – заполнили город от шикарного «Большого Ришельевского театра» и электрического театра «Аполло» напротив Горсада до «Шантеклера» на Малой Арнаутской и «Слона» на Мясоедовской. Привозные французские фильмы

пользовались невероятным спросом, несмотря на то что часто афиши и названия были длиннее самой киноленты. Комедии не расшифровывали – причина смеха была в самом названии, а вот исторические, драматические и батальные фильмы выходили с либретто на афишах и приписками владельцев кинотеатров для пущей экспрессии: «Спешите видеть за наших афиш! «Арена мести», сильно захватывающая драма «Русской Золотой серии Нордикс», передающий яркими красками страдания отца, мстящего убийце своей дочери. В картине участвуют лучшие артистические силы и 20 пар борцов во главе с Вахтуровым. Крупной затратой и большим трудом мы приобрели эту ленту в исключительно монопольное право на наш район».

– Я не хочу в «Слон»! – капризничала Нюся. – Я хочу в самый богатый иллюзион в центре!

– Беременным нельзя отказывать, а то мыши все сгрызут, – шепнула Фира Ривке.

– Вот холера, – проворчала та, – нет шоб пройтись на угол. Надо извозчика брать.

– О, давайте в «Шантеклер»! Будет любовная драма «Она его убила» в тысячу метров, смотрится с ужасом и аккомпанементом пианино»! А? – предложила Фира.

– Я б этого паршивца, который мне дитя заделал, тоже убила б, – задумчиво сказала Нюся.

Сема, вышедший покурить на солнышко, наострил уши и резонно заметил:

– Мадам, нашо вам тот «Шантеклер»? В «Аполло» дают новую фильму «Мирографа» «После занятий»! Будете иметь наилучшее удовольствие! И еще концерт вначале.

– У «Шантеклере» на восемь копеек дешевле, – робко напомнила Ривка.

– Та сдалась вам та конюшня! – вскипел Сема.

– А то шо – комедия про занятия?

– Любовная! Заверяю вас – там лучше!

Дамы проходились по залу «Аполло» – перед фильмой для развлечения публики гремел струнный октет Ярчука-Кучеренко.

– Мальчик так душевно играет, – гормональный ураган продолжал трепать Нюсю. Она шмыгнула носом и прикусила платочек. – Он тот

гитарист, какой талант!

– Тю, – присмотрелась к юному дарованию Ривка. – Это ж Лёдка Вайсбейн – оторви и выбрось! Его из коммерческого училища Файга выгнали!

Коммерческое училище Файга с момента основания гремело на всю империю – помимо блестящего образования туда принимали всех... Всех отличившихся наследников богатых купеческих и знатных аристократических фамилий не только из Одессы, но и из Петербурга и Москвы, всех, от кого, несмотря на титулы и связи, наотрез отказались другие учебные заведения.

Вайсбейн играл в оркестре училища и умудрился стать единственным учеником за историю этого храма науки, который был исключен за поведение.

Пройдет каких-то пять лет, и Лёдка сменит родное имя на более нейтральное – Леонид Утесов, но сейчас дамам будет не до него – они занимают дорогие сидячие места по двадцать копеек.

Нюся торжественно прошелестела юбкой в зал и разложила по круглым коленкам арбузный живот. Фира и Ривка усядутся по бокам, чтобы будущую мать никто не толкнул. Погаснет свет и затрещит кинопроектор.

Фильма первого и главного одесского синематографиста и основателя кинокомпании «Мирограф» Мирона Гросмана «После занятий» будет иметь ошеломительный успех. ценители сразу шутливо признают его первым боевиком, первым криминалом, первой эротикой и даже первым фильмом ужасов. Гросман, начинавший как кинохроникер, использует лихой прием, соединив документалистику и реальных гимназистов, вылетающих после школы.

Крик Фире заглушил музыку тапера:

– Лидка? Это шо, Лидка? Ах никейва! – Лидка скакала в массовке, задирая ноги и демонстрируя трико.

В это момент сидевшая с самого краю и полностью увлеченная происходящим на экране Ривка машинально начала гладить прыгнувшего ей на колени упитанного котенка и вдруг дошла рукой... до лысого хвоста. Она настолько попала под чары синематографа, что приголубила здоровенную крысу. Ривка заверещала так, что механик чуть не уронил проектор, и в ту же секунду раздался трубный глас Нюси:

– Ой ти-и-и-кет!!!! Ой!!!! – Воды у нее отошли прямо посреди фильма.

Подруги вывалились на свет.

Нюся стала картинно терять сознание, поглядывая из-под полуприкрытых век на проходящих мимо модников.

Ривка дернула ее за рукав:

– Бросай спектакль, артистка, мы тебе не подыдем – будешь тут валяться до вечера!

– Ой мама! Поехали к Гордеевой!!!

Фира выскочила на дорогу и тормознула автомобиль:

– Спасите! Там роженица!

В шикарный «рено» к водителю втиснется только Нюся. Ривка и Фира побегут к остановке трамвая, а авто со звуковым сигналом от вопящей Нюси помчится по Преображенской, распугивая прохожих.

– Опять эти сумасшедшие автомобилисты гоняют как скаженные! – возмущалась публика на трамвайной остановке.

– Креста на них нет! – подливала масла в огонь Ривка, вглядываясь вдаль в ожидании трамвая.

Нюся успеет. Галантный автомобилист, придерживая ее за то место, где девять месяцев назад была талия, сопроводит прямиком до отделения для рожениц.

– Нюся, ну шо ты так хипишила, – устало скажет Фира в полночь, когда Голомбиевская наконец разродится рыжей веснушчатой девочкой.

– О, нашего полку прибыло, – улыбнется Ривка.

– Ты нам должна, Нюся! Кричала «бикицер», а мы тут восьмой час кукуем. Могла и дома родить – делов-то.

Их трио в иллюзионе не останется незамеченным.

«Одесский листок» в субботнем выпуске в очередной раз выдаст полуправду:

«На днях в одном из иллюзионов на Дерибасовской улице с несколькими дамами чуть не произошли истерические припадки. Поднялся переполох. Многие были глубоко убеждены, что все это явилось результатом действия «захватывающей картины» на слишком впечатлительных особ. Оказалось, что «панику» вызвала огромная... крыса, которая спокойно гуляла в проходах между рядами стульев. Чего не демонстрируют в одесских иллюзионах!..»

Нюся, бледная, с прокушенной распухшей губой, улыбалась совершенно детской улыбкой и смотрела то на младенчика, то на газету, в которую Фира завернула чугунок с гречневой кашей.

– Как назовешь-то?

– Надо как-то знаково... В честь нашего конфуза... – Нюся задумалась

– Аполлиария – в честь иллюзиона «Аполло», – заржет Фира.

– Точно! Поля!

Тогда же без новостей в газетах стала понятна агитация Семена за «Аполло» вместо кинотеатра «Шантеклер»: в тот день посетители двух сеансов сэкономили по восемь копеек на билете, но потеряли вместе с верой в искусство часы, кольца и карманные деньги. Господа бандиты деликатно сняли билетерш и заняли места у входа и выхода. В результате – все выходящие с фильма и заходящие в фойе организованно под улыбку и наган сдавали материальные ценности специально обученным людям, среди которых был Мишка Вайнштейн.

Рыжую Полину вместе с Нюсей встречали как королев.

Ванечка Беззуб, организовавший колыбельку и матрасик для новорожденной, покосился на малышку:

– Я смотрю, круг подозреваемых сильно сузился.

Действительно среди клиентов Нюси рыжих было всего двое – биндюжник Яков и владелец скобяной лавки Анджей.

– Ставлю на нашего, – прищутив глаз, говорила Ривка Фире.

– А я на родную кровь Нюськи – на поляка.

Оба рыжих были свободны: один – холостяк, второй – вдовец, и появление у Нюси такого вопиюще похожего отпрыска обоих внезапно вдохновило. Дворовые споры касательно счастливого отца окончательно зашли в тупик, когда из польской слободы пришел здоровый элегантный пожилой господин. Несмотря на возраст и седину его масть была очевидна – веснушчатые руки, белоснежная кожа и вылинявшие под сединой до нежно-абрикосового цвета волосы. Мужчина, опираясь на трость, поднялся по чугунной лестнице и проигнорировал Софино: – А вы до кого?!

Нюся открыла дверь. Выпучила глаза и залилась краской.

– Покажи мою внучку, – заявил господин.

Двор не мог дождаться его ухода. Когда мужчина, брезгливо покосившись на любознательных соседей, вышел, Ривка бросилась к

Нюсе:

– Чей отец? Яшин или Анджея?

– Мой! – расплакалась Нюся. Конечно, родители ее не приняли и не простили, зато всю нерастраченную любовь вместе с содержанием были готовы предоставить единственной внучке.

– Ну вот, а ты волновалась, – смеялась Ривка, – куда дите деть, когда клиенты придут! Ты видела какой дедушка крепкий!

Нюся плакала и целовала Полю:

– Я его десять лет не видела. Думала, никогда не заговорит. А надо же, ребеночек мне все устроил!

– Завидую люто, – прошептала Фира. – Я пятерых родила, а мне и весточки не было!

– А сама? – Ривка посмотрела на Фиру.

– Как я приеду? Куда? Я им карточки всех высылала. Но, видно, не судьба.

1913

Маленькие детки – маленькие бедки

Вспыхивали и гасли конфликты, совершались налеты и ликвидировались налетчики, появлялись и банкротились магазины. Обычная жизнь большого портового, залитого солнцем и засыпанного степной пылью города. Росли дворовые дети.

Фердинандовна орала на свою младшую Риту:

– Шо значит не буду?! Кто тебя спрашивает?! Эй! – она вышла на галерею. – Кто тут у нас христиане?!

Выглянули Муся, Фира, Ваня, из-под лестницы вылез заспанный Макар.

– А шо надо? – спросил он.

– Пост есть сейчас?

– Какой пост? – удивился Макар. – Июль месяц! Петра и Павла неделю назад было.

– Вот! Вот слышала?!

Рита, закатив глаза и сцепив руки за спиной, стояла рядом с Гордеевой и всем отроческим трагизмом ее игнорировала.

– И шо стряслось, мадам Гордеева?

– Эта коза не хочет жрать мяса!

– Так несите сюда!

– Шо сюда – она говорит, шо она теперь вегетарианка!

– Я читала в «Одесском листке», – отозвалась Полонская, – шо то отлично для очищения организма.

– Клистир отлично для очищения организма, – прошипела Гордеева.

– Сдохнешь от слабости, дура! – она вынесла миску жаркого и сунула ложку к лицу Риты. – Жри давай!

– Лев Толстой мяса не ел!

– И сдох! – Елена со всей дури зарядила ей ложкой по лбу.

Одесское вегетарианское общество было самым многочисленным и активным в Российской империи – аж двести семьдесят душ. Бесконечно открывались столовые с растительной пищей, которые сразу полюбились малоимущим студентам. И, разумеется, велась

агитационно-просветительская работа, под чары которой (а точнее невероятного блондина с интересной бледностью) попала Рита.

Она сцепила зубы и отвернулась.

– Не хочешь мяса? Не надо! Гедаля!!! Продай мне сена! У меня дитё голодное!

Полонская поддержала беседу:

– Ой, сено – опять убытки. Скажи, Гедаля. Говорят, что управник Фабрицкий закупил сена для города сильно задорого. Коней будет нечем кормить! Всё студенты сожрут!

– Дураки! – фыркнула Рита и убежала в комнату.

Ритино «беззубое питание» продлилось точно до рождественского поста – пока она не увидела своего кумира, практически пожирающего губы дочери кошерного мясника.

Со слезами на глазах она дошла до кастрюли с бульоном, демонстративно вырвала куриную ногу из тушки и вцепилась в нее зубами.

– Ну вот! Довольна теперь? – спросила мать.

– Маленькие детки – маленькие бедки, – повторяла Муся-болгарка, бинтуя разбитую голову своему загулявшему старшему. – Как тебе, Ира, с Нестором повезло.

Везение, впрочем, было сомнительным.

Нестор, нелюдимый, вечно в книжках, вечно простуженный, был исполнительным до тошноты. Фира обожала давать ему «важные поручения» – разбудить сестер, проверить их уроки, доложить, кто баловался, и самое любимое – организовать семейные спектакли к праздникам. Это были, конечно, исторические постановки – из греческих трагедий или из Шекспира. Нестор следил, чтобы сестры выучили слова, а Фира максимально достоверно шила костюмы из старых платьев и занавесок.

От родительского огня ему не досталось ничего – ни харизмы Вани, ни стержня Фиры. Только упорство, и с этим упорством он достигал поставленных целей. Неинтересных, скучных, «скучилицных» – как дразнила его Анька. Он не хотел кататься на велосипеде, не умел плавать, не любил солнце и жару, терпеть не мог зиму. Все, что его интересовало, – исторические книжки и археология. Отец поощрял все увлечения детей, тем более что Нестор мог занудить

любого своими объяснениями, почему ему жизненно необходима книга ценой в кабинетный рояль.

– В кого он такой уродился? – удивлялся Ванечка. Ничего из мужских увлечений отца Нестора не трогало – ни паровозы, ни оружие, ни даже воздухоплавание. Даже катание в кабине машиниста не вызвало у мальчишки никаких эмоций.

– А мы скоро домой? – только и спросит он отца.

– Ирка, ты уверена, что это мой сын? – попробует отшутиться огорошенный таким безразличием Беззуб.

Ирка была уверена. И не только в этом. Она обожала и баловала своего нескладного, неласкового мальчика. Она знала, кого и чего ему не хватает. Дедушка Мойше Беркович был точно таким же книжным занудой. И она была готова баловать и поддерживать своего Торечку. Как же он ненавидел это прозвище!

1914

В розовом свете

С Гедалей снова случился конфуз на почве пьянства. Совершенно трезвый, сидя под орехом в центре двора, он горевал и жаловался Макару:

– Ты понимаешь, какая ирония судьбы! Сломать рабочую руку! Да еще и в сезон! Да еще так побшло!

– И где у нас случилось? – уточнил сонный Макар.

– Ну так в пятницу и случилось – вечером шел домой и налетел в темноте на фонарный столб. Упал на руку! Фердинандовна потрогала, сказала: перелом...

– А мне интересно, ты ей всегда на слово веришь? – спросил Макар.

– А мне интересно, – беззвучно подошла сзади Ривка, – шо ты делал ночью в шабат на Ольгиевской, да еще без коней?

– В гости заехал до Гриши, а потом за водкой вышел, темно было, и вот... – Помимо гипса на руке, Гедалю украшал гигантский лиловый синяк посреди лба.

– А-а-а-а, – разочаровано протянул Макар, – так это ты в столб не вписался...

– Ничего, потерпи чуток, – влез в разговор Сема- Циклоп, – скоро по ночам будет одна романтика – представьте, город фонари закупил, тысячу штук! И все розовые! Так что будем работать в розовом свете. Пока мировая война идет, – Нюся вы оцените этот оборот: «мировая война», – наша дума решила, что немного нежности нам не помешает. Кстати, мадам Голомбиевская, может, вам тоже розовый фонарь повесить, а то ваши клиенты вечно спотыкаются лестнице, Софочку будят, Макару пить мешают.

– Какие фонари? У нас военное положение. А это значит – защитникам скидки, остальным – военная наценка, так сказать, на нужды армии, – парировала Голомбиевская. – А вдруг вражеская авиация?

Рюмка чая

Первая мировая регулярно огорчала одесситов. Сначала турки решили напасть на порт в страстную субботу. Бог миловал – и крейсер «Меджидие» случайно, но очень показательно нарвался на мину, сел на мель и затонул. Но через полгода, в канун рождественского поста, ночью два турецких миноносца все-таки зайдут в порт, пройдя неопознанными вдоль берега. Они взорвут судно «Дон», которое пойдет ко дну с тридцатью членами экипажа. В связи с полной остановкой торговли в порту зависнет десяток иностранных судов. Мало того, что потери от закрытого порта, так вдобавок к убыткам из-за этой далекой неприятности отменили новогодние фейерверки и гуляния. Более того, покусились на святое: запретили торговлю спиртным. Мельницкую это горе не коснулось. И все благодаря Ривке. Когда ты живешь с биндюжником, ты получаешь не только букеты с головной болью и конюшню за стенкой, но и пшеницу. Отличную пшеницу – «утрусившуюся» по одесским мостовым. Законные 10 % потери веса Гедаля чаще денег заносил домой. Поэтому вместо пирогов и сладостей к новому 1915 году дамы озадачились изготовлением к праздничному столу вкусного и полезного самогона. И здесь пригодились навыки Софы Полонской после работы в конфектном цеху братьев Крахмальниковых и таланты Ивана Беззуба, который собрал уникальный агрегат с тройной ступенчатой системой очистки от сивушных масел.

– Софа, вы – чернокнижница! Это же привыкание с первого глотка, как к морфию! За ваше приворотное зелье я бы сжег вас на костре! – веселился Сема Вайнштейн на дегустации.

– Ой, я и так уже вся горю! – парировала Софа и разливала по рюмкам новую партию. – Внимание! То, что, вы думали, был оргазм, так то была астма! Не путайте плебейский бренди с французским благородным напитком! Сейчас я вас удивлю! А вот и коньяк. Практически Франция. Чувствуете вкус? Ну, вкус шикарной жизни?

Ваня, как обучал дедушка, покатал во рту напиток, чтобы покрыть все десны, и проглотил.

– А дубовую бочку где взяли?

Ривка подбоченилась:

– Где взяли – там уже нет!

Софа Полонская щедро поделилась с соседками секретными технологиями. После похода за дубовой корой в зимний заснеженный

парк у Дашковских дач подруги подключились к производству. Кору Софа залила крутым кипятком, слегка остудила, слила, снова залила кипятком с содой, а потом повторила шаг номер один. Чистые кусочки Ривка и Фира в четыре руки доломают на тресочки и щедро зальют вином. Через три дня, сокрушаясь, что по технологи – это минимум неделя, Софа выплеснет вино в помойное ведро, прокалит покрасневший полуфабрикат из коры на сковороде и засыплет в емкость со свежим самогоном.

– Лучше подождать полгода... – торжественно огласит она и, увидев разочарованные лица соседей, смилостивится: – но можно пить уже через пару дней!

Новый год в Одессе – это слякоть, грязь и белые полотнища вместе с ватой на еловых ветвях в витринах магазинов. Добавить волшебства в самую хвойную ночь в году снова поможет Ваня Беззуб – ему из Балтских лесов доставят настоящую елку, смотанную и припрятанную в кабине машиниста. Это был дефицит подороже выпивки – елки внезапно тоже стали относиться к категории «все для фронта» и исчезли с базаров. Украшать ее будут дети изо всех квартир под Фириным руководством. В центре двора, со свечами и игрушками. Остальные озадачились сервировкой и закусками.

А все потому, что полицейский пристав решил окончательно испортить праздник и себе и людям и допоздна ходил по дворам в канун новогодней ночи с поздравлениями и инспекцией. Поэтому натуральный продукт со вкусом дубовой бочки десятилетней выдержки и другие менее благородные напитки, типа бренди из спирта и жженного сахара, разливался и прятался в ближайшей катакомбе – импровизированной кладовке под домом.

Фира сразу предупредила, что Макар не выдержит до Нового года, и так как он камнетес, то легко прокопает ход в поисках добычи аж до шустовских подвалов.

– Ну тогда прячем на самом видном месте, – задумчиво произнесла Ривка и начала рыть ямку. Закупоренные бутылки прикопали прямо на входе.

В новогоднюю ночь все собрались во дворе у наряженной елки.

Ривка и Софа вынесли к столу два увесистых чайника, дети радостно волокли чашки. Гедаля поскучнел.

– Ривка, вы издеваетесь?

- Давай чашку, Кецале, не вопи! – отрезала Полонская.
- Чай – не водка: много не выпьешь! – грустно сказал Гедаля.
- А спорим, тебя за уши не оттащишь? – усмехнулась Софа.

Разливать спиртное по чайным чашкам додумались не только в восьмом номере на Мельницкой, но и по всему городу.

После третьей чашки и Софа поскущела:

– Не праздник, а ерунда какая-то! Вы помните: еще три года назад мы с тобой, Фира, устроили набег на магазин зарубежных товаров братьев Петрокино!

Ваня поперхнулся:

– Ну и фамилия, прости господи!

– Прости господи – это про характер твоей жены. А у них колониальные товары, и меха, знаменитое шампанское Луи Редерера...

Ривка покосилась на нее:

– Ой, тоже мне! Ты еще вспомни лавку Карла Фаберже!

– Слушайте, вот коньяк вы сами сделали, а как насчет Фаберже во дворе? – сдуру пошутил Сема-Циклоп и моментально получил от Полонской:

– Ну так ты не стесняйся – обращайся, мы тебя с Нюськой инкрустируем в лучшем виде!

– Пусть год будет счастливым! – Фира чокнулась с подругами, Ваня сзади приобнял ее и протянул свою чашку:

– А чай всегда таким же крепким!

Первая мировая, несмотря на закрытую морскую границу и сухой закон, практически не отразилась на жизни двора, только добавила огня в вечерние мужские политические споры. Это было далеко. Значительно ближе был авиационный завод Артура Анатры, третий по мощности в империи. И в связи с резко выросшим спросом там вспомнили об Иване Беззубе – легендарном механике Уточкина.

Несмотря на любовь к небу и страсти к самолетам, Ваня откажется от высокой должности и от разовых консультаций – кодекс чести и дружбы не позволит. Дело в том, что промышленник, авиатор, гениальный негодник Артур Анатра еще несколько лет назад отобьет у Сережки Уточкина его жену Ларису. Это событие после тяжелой травмы пилота станет его точкой невозврата: Уточкин начнет

принимать морфий и гашиш и постепенно терять рассудок. Этого Ваня Анатру не простит.

1915

Йо-хо-хо

Одесса, особенно летняя, чудесным образом рубцует и затягивает любые душевные раны и высушивает слезы, хоть и чуть медленнее льняных накрахмаленных простыней на веревках в одесском дворе.

Ваня Беззуб за ужином торжественно постучал вилкой по краю стакана с компотом:

– Ирина, дети! Я снял нам дачу за маяком на 16 Фонтана! Лида, Нестор, Анюта, Женька и Костя! Берем книжки, купальные костюмы и хорошее настроение! На рассвете выезжаем!

– Вань, это же дорого...

Ваня приобнял Фиру за плечи:

– С барышей гуляем. Не переживай: машинист с семьей к родичам в Жмеринку на лето едет – это его дом. За копейки снял.

Младшие с возбужденными воплями носились по комнатам, стаскивая к столу вещи. Нестор принес плед и стопку книг, аккуратно перевязанную бечевкой. Даже пятилетний Костик тащил своего любимого деревянного коня.

– Котька, коня надо морского – мы тебе на море его изловим, этого не берем. Птичка моя! Посмотри, сколько ты нарожала! Какие дети у нас! Может, еще?

– Иван Несторович, может, хватит? – Фира из-под мышки Беззуба насмешливо смотрела на него снизу вверх. – Неугомонный ты мой!

Ваня обхватил ее за талию:

– Ирина Михайловна, с такой фигурой вы сами меня провоцируете!

Он поцеловал Фиру в макушку.

– Ты знаешь, я подумал и страшно стало: четырнадцать лет у моря живем! А выбирались какие-то считанные разы! Пора тебя плавать научить.

– Детей научи, а то Нестор только топориком может. Да и Женька воды боится.

– Дети... – Беззуб хохотал, – дети, остановитесь! Это даже Гедалина подвода не выдержит – мы не к дяде Йосе в Америку, а на Фонтан едем!

– А работа как же?

– Так трамвай на что? Утром уехал, вечером приехал. Если что из дому надо – привезу.

На рассвете, растолкав сонных детей, Ваня с Фирой вынесли узлы и торбы на подводу. Фира оглянулась:

– Боже, когда мы приехали в Одессу, у нас полтора чемодана было. А здесь я еще половину оставила. Вот это обросли!

– Или просто выросли. Комфорта хочется... Я там был – тебе понравится.

Дом действительно был чудесный – старый, с террасой и летней кухней, с тенистым садом и живой ежевичной изгородью. За домом рос малинник, под деревьями – спутанные плети маттиолы с одуряющим вечерним сладким запахом. И море, море было слышно за столом под грушей сорта бергамот!

– Зимняя, – философски заметит Ваня, когда пара мелких твердых, как теннисные мячи, груш шмякнется на стол и на спину Лидочке.

– Дурацкое море! Дурацкое солнце! И груша ваша дурацкая! – Лидочка пинала носочком парусиновой туфли дерево во дворе.

– Душа моя, ну что же ты такая сердитая? Груши положи в мисочку, они через пару дней дойдут и будут вкуснее меда. А сейчас пошли-ка лучше купаться, – посмеивался Ваня. Бескомпромиссная, злющая Лидка так была похожа на Фиру.

– Зачем? Чтобы быть с черным лицом, как крестьяне с хутора? Девушки, вон, лица отбелить пытаются, а вы, наоборот, под самое пекло суете! Долго мы тут еще будем?

– А ты читай в саду, развивайся. Заодно за Котей присмотришь, пока мы на пляж ходим.

– Ну вот еще! – фыркала Лидочка и вылетала через минуту в купальном костюме, но с зонтом и в шляпке.

– Да уж, – хихикала Аня, любительница нырять и заплывать аж за мыс, – Лидия Ивановна тут никак кавалера себе достойного не найдут. Принцы попрятались в Аркадии – ленятся так далеко ездить. Лидок, может, в Турцию сплаваем? С таким характером только в султанши. Вон смотри, какое младшим раздолье – пока мы Закон Божий учили, Женька окончательно вернулась к жизни предков. Гляди, точно как обезьяна по райскому саду лазит!

Ане и Жене здесь нравилось больше всех. Их шила в заднице наконец-то затерялись в зарослях дерезы и донника. А кипучая

энергия могла выплеснуться через край: старшая пропадала на море, младшая – в саду и окрестностях.

– Наша Женька – настоящий сорванец, – то ли жаловалась, то ли гордилась Фира. – Она-таки выдряпалась на все деревья и на крыше тоже побывала.

– О, кого-то она мне напоминает... – смеялся Ваня. – Не знаешь кого? Надо меры безопасности принять, пока не подрастет. Эй, Нестор! У меня к тебе поручение – все равно из гамака только за едой выпадаешь. Тебе забор хорошо видно? Будешь за Женькой следить. Как на забор вылезет – сразу хворостину в руки и домой гони!

Женька негодовала:

– Что значит хворостина? Кто это барышень бьет?

– Бьет – значит любит, – важно произнес Нестор. Он действительно начал периодически поглядывать на Женю и докладывать громкими воплями о ее перемещениях по саду.

На следующий день Женька дождется, когда Нестор оставит книжку и гамак, рванет в дощатый туалет за домом. Фира выскочит на крики – Евгения Ивановна насовала брату под простынку полный гамак крапивы.

Вечером, уложив детей и перебив посуду, Ваня с Фирой сидели под грушей или уходили к морю.

– Видишь, как удобно? А ты боялась, – Ваня плыл в августовской фосфорящейся зелеными искрами воде, а Фира лежала грудью у него спине, приобняв за шею, – и никаких дурацких купален и костюмов. Лучший пляж – ночной.

– Да уж и загородный, – шептала Фира, – а ты мой лучший плот и корабль.

Ваня поцеловал ее в соленый мокрый нос:

– Я мечтаю, что нашу старость мы будем коротать в таком домике. Сидеть под грушей, слушать море, бродить вдвоем. Ты будешь варить варенье, я – приходить с утренним уловом. А дети привезут нам внуков. Много-много. Таких же шумных, разных, как они... Интересно, какие у них будут дети?

– Ты думаешь, это можно предсказать? Такое чувство, что наши от разных родителей. Они уже пришли в этот мир совершенно непохожими, а у меня как будто миссия – любить их какие есть и направлять каждого в свою сторону.

К концу первой недели даже чопорная Лида и заучка Нестор оттаяли и превратились в обычных диких летних детей, перемазанных малиной и шелковицей, в комариных укусах и ожогах от медуз, с облезлыми плечами и носами и совершенно беззаботными лицами.

Видя такие перемены в семье, Иван задумал окончательно осчастливить детей и построить плот-катамаран. За долгий путь в трамвае с далекой шестнадцатой станции до вокзала он детально обдумал конструкцию. Поплавками были назначены старые бочки, собранные по соседям, и несколько пустых из-под масла из его ремонтных мастерских и с конфетной фабрики. Двигатель состоял из рамы старого велосипеда без колес. Педали через цепь передавали крутящий момент на вал гребного винта. Первый вариант катамарана был не самый удачный. Иван, помня свой авиационный опыт, спроектировал его под гребной подводный винт, прообраз самолетного винта, но усилия, необходимые для его вращения, оказались тяжелыми даже для него, не то что для детей. Поэтому после первой пробы винт был заменен на купленное по дешевке на базаре гребное колесо, как у парашотов того времени, а для увеличения скорости и равномерности движения был добавлен второй велосипед. По замыслу Ивана, крутить педали предстояло ему и Фире или взрослым детям, а младшенькие располагались слева-справа между поплавками и велосипедными рамами. Руль был самый обыкновенный, как у гребной лодки, и катамаран управлялся простым поворотом руля любого из велосипедов. Секретное пробное плавание показало, что второй вариант конструкции очень удачный и достаточно мореходный, несмотря на высокую волну. Через день был добавлен небольшой рундук для бутербродов и фруктов – дети на свежем воздухе ели, как кочегары после смены. А несколько старых спасательных кругов по бортам катамарана добавили лихости и шику невиданной доселе конструкции.

Всю пятницу и субботу Ваня возился в сарае и в саду, съездил домой и вернулся с кучей железок. А в воскресенье устроил грандиозный праздник.

– У нас нынче тематический день, – объявил он за завтраком. – Сегодня вы нам не дети... Сегодня вы все... пираты! У вас будет судно с высадкой на остров, обед на костре и поиски сокровищ!

Когда затихли последние восторженные визги и проклятия проснувшихся слева и справа дачных соседей, Ваня повел всех пиратов в дальний угол сада к сараю, откуда выволок плот-катамаран – прообраз морского велосипеда. Конструкцию торжественно снесли на берег. Ваня водрузил пиратский флаг из куска старой Фириной юбки с намалеванным черепом. Нестор и Лида уселись на велосипеды, малышня залегла в сетки. Первый заплыв-заезд прошел при большом стечении народа. Местные жители и отдыхающие дачники сбежались на дикие вопли Коти и Женьки, которые практически в открытом море осознали, что под ними кроме сетки ничего нет. Анька с другой стороны катамарана регулярно его кренила и вывешивалась за борт. Этот крик восторга и ужаса распугал всех рыбаков на лодках. Старшие дети крутили педали, заплывая подальше и рассказывая, что сейчас могут перевернуть. Когда публика аплодисментами, свистом и негодующими возгласами встретила мореплавателей, на берегу показалась Фира с котомкой, шляпкой и жилетными часами.

– Катания на самоходном пиратском плоту от личного конструктора Сережи Уточкина! – звонко объявила она. – Три копейки – пять минут! Пять копеек – десять минут!

– Лидочка, детка, – она надела на Лиду шляпку, – собирай денежку, с каждого захода полкопейки твои.

– Копейка! – не задумываясь, ответила Лида.

– Полкопейки, или отдам Аньке!

Лида рванула котомку к себе. Но Фира вытащила оттуда гимназическую тетрадку и карандаш.

– Нестор, сыночек, поди сюда. Вот тебе бухучет и время, – она помахала Ваниными часами на цепочке. – Отмечай палочками, сколько народу катается, а то знаю я одну хитрую негоциантку, – Фира подмигнула огорченной Лиде. – И за временем следи – чтоб не перекатывали.

Покрасневший Ване зашептал ей на ухо:

– Ира, ты что делаешь?

Ира так же жарко шепнула ему прямо в ухо:

– Денег решила заработать и детей ненадолго от дома отвлечь. Не хочешь? Младших займи чем-нибудь...

Ваня сжал Фире локоть и повернулся к Коте, Жене и Анечке:

– Йо-хо-хо! Я закопал на пляже клад – ищите! – Он подмигнет Фире: – У нас есть добрый час, пока они будут перепаживать песок. Я закопал мешок с леденцами в саду, а на пляже есть только бутылка с подсказкой.

Там же на пляже выстроилась очередь из любопытных дачных детей. Коммерческий альянс Лиды плюс Нестор был безупречной бизнес-моделью и вершиной материнского коварства.

Но мечтам о сладком родительском часе в любви и неге не удалось осуществиться – не успели Ваня с Фирой стянуть с себя одежду, как с молодецким улюлюканьем на Гедалиной подводе к воротам подкатили Ривка и Нюся и – ясно – со всеми детьми.

Плотно отобедав и слегка захмелев, дамы с интересом обошли сад.

– Да тут абрикосы ведрами падают!

– Девочки, я уже замучалась варенье варить! Заберите домой, пожалуйста! Сколько сможете! – взмолилась Ира.

Ривка с Нюсей переглянулись. Женьку тут же выдернули из игры и отправили на дерево. От жадности дамы нагребли по два ведра. Но год был урожайный, а абрикоса – не одна.

– А чего ты абрикотин не выгонишь? Его и себе хорошо, и продать можно, – предложила Нюся. – Аппарат Ванин до сих пор у Софы в кладовке стоит... А если сливовую настойку или водку сделать – так вообще на ура пойдет. И соседи точно купят, и в рюмочную нашу сдать можно.

– Я подумаю, – блеснула глазами Фира. – А ты сможешь в рюмочной узнать – надо ли им?

Подруги расцеловались и уехали с дачными дарами.

– Ведра верните! – крикнула им вслед Фира.

Из кустов на склоне вышли обгоревшие и уставшие Лида с Нестором.

– Вон уже солнце к закату, еле угомонили желающих, – пробурчал Нестор, вваливаясь в дом.

– Считай! – Лида с трудом приподняла и водрузила на стол котомку, до половины набитую мелочью.

– Сдай отчет, Нестор. Я требую премию. На крем для лица!

Такое удовольствие Фира последний раз получала, когда перечитывала в Никополе Ванькину записку с признанием. Она трижды – сначала торопливо, потом недоуменно и наконец медленно –

с удовольствием пересчитала деньги. На столе лежала треть Ваниной зарплаты в депо. Фира моментально подсчитала, сколько можно заработать за месяц на таких морских аттракционах. А это уже была призрачная, но все же возможность купить дом в пригороде или квартиру побольше да поприличнее.

Ваня с уважением осмотрел выручку и поцеловал ее в плечо:

– Ого, да у меня тут коммерсант в постели столько лет пропадал! Ирочка, что ж ты раньше в своих талантах не признавалась?

– Кстати, – он заглянул в спальню, – Лида, Нестор! А плот где?

– Он тяжелый! – буркнул Нестор.

– Пап, мы его привязали, он там далеко от берега качается, – отозвалась Лида.

Наполеоновским планам Фиры не удалось сбыться – на рассвете она вышла проверить их новый источник дохода и обнаружила, что самоходный плот оправдал название и «ушел»: ночным шквалом оборвало канат, и ее мечту унесло в открытое море.

– Ваня! – влетела Фира в дом. – Вань, хорошо, что ты еще не уехал! Ваня, собери новый плот.

– Ирочка, не морочь головы – откликнулся Беззуб. – Я эти рамы полмесяца искал. Да и возни с ним не оберешься. А вдруг не оборвало, а украли? Мне что, теперь их каждый день клепать? Ты смотри, как хорошо было: и дети покатались, и денег заработали. Вот и купи себе чего-нибудь приятного, а плот отпусти.

Фира, обиженно прикусила губу и насупилась:

– Ну и ладно... Тогда привези наш самогонный аппарат! Он у Полонской остался.

– Да я его ей подарил, кажется... – удивился Ваня.

– Значит, в долг попроси. Сможешь вечером притащить?

– Ира, что ты уже придумала?

– Домашние настойки и самогон на абрикосах! И еще сушить яблоки можно!

– И зачем нам самогон с сушками? – не понимал Ваня.

– На продажу, Ванечка. Я все организую.

Вчерашний внезапный коммерческий успех подействовал на Фиру подобно поцелую на спящую красавицу: она внезапно загорелась – как в юности, словно очнулась после затяжной спячки. Ее незадействованные годами гибкий ум, дерзость и предприимчивость

уже нарисовали четкий план. Наконец-то – через пятнадцать лет! – Фира вырвалась из привычной домашней возни. Дети особо не отвлекали и влетали домой только поесть. И она, ощутив в ладонях приятную тяжесть легких денег, поймала охотничий азарт.

Ваня увидел горящие глаза Фиры и покорно вздохнул. Вечером аппарат был уже у нее, а сама она, вручив Ване тарелку с ужином и Котю, запрыгнула в трамвай.

– Куда ты на ночь глядя, малахольная?

– До Софы Полонской. Утром, первым трамваем вернусь!

Фира вернется не одна, а с Софой и Нюсей.

За небольшую долю готовым продуктом Софа и Нюся возьмутся помочь. Софа, эксперт по самогону после работы на кондитерской фабрике, знала сокровенное про добавки и отдушки.

– Шо есть? – деловито спросит она.

– А шо надо? – ответит вопросом на вопрос Фира и жестом балерины обведет сад рукой.

– Для абрикотина – ничего, кроме сахара. А вот если наливки-настойки, то надо красить. Бузина где-нибудь растет?

– Да ее тут заросли через два дома!

– Цветы для миндального вкуса, плоды – для красивого цвета. Ими еще брови можно красить, – понизив голос, добавила Софа и заорала: – Только красную не рвите! Она ядовитая!

– Кто?

– Бузина красная! Такая же, как черная!

– Оцем-поцем! – вздохнула Ривка. – Ты всех таки запутала! Пошли, покажешь, что драть надо.

Фира развернула бурную деятельность и задействовала практически всех детей.

Женька лазила по деревьям – трусила абрикосы и обрывала вишни. Нестор и Ривкины младшие собирали упавшее. Аньку и Котю отправили с корзинками рвать бузину вдоль дачных заборов. Лидке поручили считать себестоимость с учетом стеклотары, угля, сахара и сладких поощрений детям.

Подруги замешивали продукты. Через день сделали первую партию. Софа придирчиво пожевала губами и налила теплого абрикотина подругам. После второй порции решили, что продукт годный и надо провести пробную дегустацию среди потенциальных

клиентов. Софа и Ривка уедут с двумя бутылками. А вечером случится неприятность.

– Ма-а-ам! Опять! – к Фире в раскоряку примчится Котья.

Анька вздохнет:

– Он с обеда дрищет! Под каждым кустом сидит! Уже десятый раз.

Фира возьмет Котю за подбородок и заглянет в его полусонные глаза:

– Что ты ел? – спросит ласково.

– Хлеб! – радостно ответит Костик.

– Еще что?

– Суп!

– На улице, зараза такая, что ел? – продолжала Фира. – А то я сейчас спрошу твоего ангела-хранителя, и он мне точно расскажет. А тебя за брехню я накажу!

Котя помрачнел:

– Фрукту ел!

– Какую фрукту?!

– Ту черненькую, ну и красненькую! Которую мы с Анькой собирали. Я попробовал ягодки.

– Где? Где пробовал?

– Да там... – Котя махнул рукой в сторону улицы. – Я – везде. Они разные... Ой, живот, – он метнулся к горшку, стоящему в тени старой яблони.

Ни варенье из зеленых орехов, ни святая вода не помогли. На закате Ваня, вздохнув, подхватил Котью на руки и поехал домой – на поклон к Фердинандовне.

– Что жрал, засранец? – рявкнула Гордеева.

– Ягодки разные, – с готовностью ответил Котья.

– Бузины он нажрался, – подтвердил Ваня, – они бузину собирали.

– Идиоты! Она же слабит! – ворчала Фердинандовна, выдавая Котье горькой желудочной настойки. – Значит, так, – постановила: – Морить голодом сутки. Пить только кипяченую воду и трижды вот это! – Она выдала пакетики с горьковатым порошком.

– А что, там у вас столько бузины? – поинтересовалась.

– Да это Ира бурную деятельность развила, – наябедничал Ваня. – Абрикотин гонит, сливы собирает на настойки. Теперь бузину в какие-то напитки добавляет. Это что ж, от нее все желудком будут мучиться?

– Не все... – задумчиво сказала Гордеева. – Бузина – отличная вещь. А килограмм пять насобирать и насушить сможете? Я купила бы.

– Не знаю, – пожмет плечами Ваня. – Это Ирка что-то придумала, но дети ей столько принесли – может поделиться. Кстати, вот, попробуй, что они делают! – он выставит пару бутылок домашнего производства. Пока Котька будет сидеть в дворовом туалете, Елена Фердинандовна попробует оба напитка.

– Эй, Беззуб! – окликнет. – Я не знаю, что они туда насовали, но мне надо штофов пять минимум, – она покосилась на бутылки, – каждого! И за недорого!

На пороге нарисовался Петька и бросился к Беззубу:

– Дядь Вань! Дядь Ваня! А можно к тебе в гости? Я помогать буду! А?

– Это чего ты удумал? – насупилась Гордеева.

– Мамочка, ну тоска же – все со двора уехали, и дядя Ваня тоже. А я тут новое собрал. Дядь Ваня, ну пожалуйста-пожалуйста...

Ваня повернулся к Фердинандовне:

– Мадам Гордеева, дай пацана на пару дней. Ну до выходных – пусть поживет у нас, накупается, фрукты поест... чего во дворе одному сидеть, ты ж все равно на работе. Да и ты выдохнешь.

Фердинандовна стрельнула глазом на абрикотин, потом на пританцовывающего от возбуждения Петьку уже с баулом в руках и выдохнула:

– Ну ехай, только белья смену возьми!

А вечером на Гедалиной подводе примчались Нюска с Ривкой:

– Мадам Беззуб! Ирка! Ирка! – вопила Нюся, спрыгивая на ходу.

– Дай, я расскажу, – отталкивала ее Ривка.

– Они сказали: двадцать ведер!!!! Двадцать ведер! – прыгала, сотрясаясь всем своим могучим телом, Нюся.

– В неделю! – торжественно резюмировала Ривка.

Ошалевшая Фира вытерла фартуком потное лицо.

– Чего двадцать ведер?

– Десять – абрикотина, десять – сливовицы! Или что ты там давала?!

Фира осела: – Ой... а как я столько сделаю?

По теперешним меркам тогдашнее ведро – это двенадцать литров с походом, и миниатюрный самогонный шедевр Беззуба с таким объемом и сроками точно не справился бы. Да и Фира мечтала о стабильном мелком приработке в тени сада, а не рассчитывала о промышленных масштабах. От неожиданности она расплакалась:

– Ой, бабы, что делать?

– Да мы поможем! – воскликнула Ривка. – Мой Гедаля сказал, что за четверть твоей сливы с ходки готов возить тебе что товар, что тару.

Длинный рубль

Взлохмаченная Фира кинулась к Ивану с ожившим и повеселевшим Котькой

– Не корми его! Фердинандовна запретила! И вот помощника принимай! Ему точно харчей надо!

Из-за Ваниной спины выдвинулся Петька Косько.

Тут Беззуб воскликнул:

– Ирина Михайловна, тут такая новость!

– Ваня, а у меня какая новость! – не дала перебить себя она.

Иван, узнав про заказ от рюмочной, охнул:

– Ну да, моя новость супротив твоей – ерунда.

– Да какая?

– Гордеева предложила травы лекарственные заготовить. Она купит. Вон список накатала – чего и сколько.

Фира оглянулась. В саду за столом сидело десять детей. Она посмотрела на Ваню:

– Да не вопрос! А что с заказом делать будем?

– Делать, – ухмыльнулся Ваня, – тем более, душа моя, что от депо тебе тоже заказ. И не один.

– Тогда... – Фира зажмурилась и выдохнула: – Нам нужен аппарат на пятьдесят литров в сутки.

Иван на сразу понял замысел жены, потом изумился размерам предполагаемого агрегата, но вовремя вспомнил, что паровоз – это почти самогонный аппарат. И дело пошло. В депо он выпросил всякие паро- и водопроводные трубки от списанных паровозов, несколько бочек и балластных емкостей от ресиверов. Договорился с Гедалей о подвозе на хутор угля и щедро угостил мастера и всю «тендерную» бригаду настойкой Фириноного изготовления и ее вишневым штруделем. Дело в том, что паровозы на ремонт приходили обязательно с углем в тендере, чтобы обеспечить обратный прогон паровоза при возврате заказчику, и задачей тендерной бригады была выгрузка угля на специальную площадку – по соображениям пожарной безопасности – перед подачей паровоза на ремонтный участок.

Количество этого угля всегда было разным, и учета никто не вел, посему часть его, по негласной традиции, растаскивалась по домам

работниками депо, часть раздавалась бывшим сотрудникам или семьям погибших железнодорожников. Вот Иван и выкупил за магарыч почти все остатки. Угля получилось много, и потому понадобился Гедаля. Были сделаны четыре ходки на хутор. Две – с углем, одна – с мелкими железками, а на последней Иван привез несколько частей от немецкого вспомогательного паровозика, мирно ржавеющего в дальнем углу депо.

Самогонный аппарат получился на славу. Иван по праву гордился его конструкцией и габаритами. Монтировал его он в глубине сада – подальше от завистников. Благо, оружие от рассвета до заката дети отпугивали всех любопытных соседей.

Емкость с брагой была изготовлена из натурального парового котла от старенького узкоколейного паровозика и была просто огромной – почти 550 литров, но Ивана не смущал такой объем – ему нужна была толстостенная котловая сталь. Под ней располагалась его же родная топка – все как в настоящем паровозе, только кукольных размеров, и вместо двух дверей топки была одна. Рядом находился угольный бункер из старого бака с лотком для подачи угля к топке.

Все было готово к запуску и открытию производства в промышленных масштабах. Вопросы вызывали лишь два момента:

1. Кто будет постоянно поддерживать равномерный огонь в топке?
2. Где взять такое огромное количество холодной воды для охлаждения змеевика? Впрочем, вода была, и ее было много, однако ее из колодца надо было подавать непрерывно, иначе весь труд пошел бы насмарку. Хозяин дачи оборудовал колодец списанным ручным насосом для подкачки воды в котел паровоза, и тот был вполне пригоден и для полива огорода, и чтобы набрать воды в ведро для домашних нужд. Но кто будет непрерывно качать рычаг для подачи воды в охладитель самогонного аппарата?!

Весь следующий день Беззуб ломал голову над этими двумя важными задачами, а решение пришло неожиданно и с той стороны, откуда он точно его не ждал.

Маленький Петька, сын Фердинандовны, напросившийся к ним на дачу, стал для Ивана волшебной палочкой-выручалочкой. Сначала он предложил себя в качестве кочегара у топки. Несмотря на свой юный возраст, Петька уже имел достаточный опыт в деле равномерной

загрузки углем топки паровоза и поддержания равномерного пламени, а большего от него и не требовалось.

Вторую задачу Петька решил через пару минут, когда понял из скупого рассказа Ивана, что требуется.

Диалог двух механиков – старого и малого – состоялся в лучших традициях мастеровых:

– Дядь Вань, я на трамвае домой смотаюсь и привезу свой паровой двигатель, а ты делай пока маховик с рычагом для передачи усилия на насос для воды, – малой написал размеры ведущего колеса у своего парового двигателя и был таков.

Вернулся он под вечер, усталый, но довольный, с огромным тяжелым баулом на плече. Это был внушительного размера паровой двигатель, самостоятельно изготовленный Петькой в прошлом месяце. После недолгих подгонок и примерок было решено, что паровой котел Петькиного двигателя будет нагреваться от общей топки самогонного аппарата. Тем самым мастеровые предельно упростили себе задачу сопряжения винокуренного агрегата, водяного насоса и парового двигателя. Правда, для этого пришлось немного переместить весь агрегат ближе к колодцу, но оно того стоило.

Просто и очень по-хозяйски был решен вопрос отвода теплой воды после прохода ее через теплообменник-охладитель змеевика. Это стало неожиданным бонусом для Фиры. Два механика добавили немного труб, пустили по ним воду едва ли не под каждый куст и с гордостью пригласили всю семью на демонстрацию системы нагрева, подкачки воды и системы автоматического полива огорода.

Огород был непреходящей головной болью Фиры – как успеть все полить, чтоб не сохло и не горело в такую жару. А от постоянного щедрого полива он буквально за пару дней ожил и одержимо заплодоносил – все поперло вверх и вширь.

С момента успешного испытания промышленного самогонного аппарата и системы полива Фира вдруг поняла, что ее планы опираются на такую мощную материально-техническую базу и получают такую поддержку, что результат теперь зависит только от нее. Сначала ей стало немножко страшно, но азарт уже захлестнул ее и гнал вперед. А задач было много: сбор и заготовка сырья, производство, упаковка, доставка...

Помощь пришла откуда не ждали – пятнадцатилетняя Лидка активно включилась в процесс. Нет, она не лазила по деревьям, не марала рук, не бродила по балкам в поисках трав и не следила за топкой. Лидия Ивановна Беззуб взяла на себя всю бухгалтерию и контроль за сбытом – включая сбор корзинок для городского, который «не замечал» регулярных разгрузок с бутылками. Она с упоением высчитывала, торговалась и буквально заставила Ньюсю, Фиру и Ривку найти еще три дополнительные точки сбыта.

Общее дело объединило семью круче летнего отдыха. Фира своим азартом заразила всех. Анька вдруг проявила недюжинные таланты в рисовании и начала малевать мелким детям шпартгалки с растениями и плакаты с карточками – сколько чего собрали. Дети случайно обнаружили на дальних склонах ничейные заросли алычи, которую тут же немедленно оборвали и запустили в производство чачи.

На веревках в тени сохли пучки трав, на расстеленных простынях сушились ягоды бузины. Даже трехлетняя Полечка помогала: переворачивала-перетряхивала их.

В воскресенье вечером, обмахиваясь веером из «Одесского листка», в калитку без стука ввалилась Фердинандовна и загудела на весь Фонтан:

– Петька! Где твоя совесть, похатник?

Из глубин сада выскочил округлившийся на пирогах и солнце Петя, ткнулся с разбегу в материнский живот и умчал обратно со словами: – Пока! У меня там котел!

Фердинандовна заорала:

– Беззуб, ты шо, забрал мое дите в крепостные?!

Ванечка выбежал из дома, принял сумки и повел Гордееву с экскурсией. Впечатленная аппаратом, масштабом заготовок, организацией детей и соблюдением технологий при сушке и заготовке трав, Фердинандовна уважительно хмыкнула:

– Талантливая жидовка оказалась. Ваня, слушай. А спиртовые настойки на травах сможете? Аптекарь за них дороже заплатит. Только самогонка не подойдет. Я спирт привезу.

– Можно, – деловито сказала Фира, секунду подумав. Она изменилась. Глаза горели, спина распрямилась. Даже голос поменялся – в ее колокольчике зазвенела командирская сталь.

Фердинандовна оставит Петьку еще на пару дней и вернется на извозчике с коричневыми тяжеленными аптечными бутылками. Она детально проинструктирует Фиру и Лиду, как и когда взбалтывать и в какой пропорции смешивать. Через две недели Гордеева заедет забрать готовые настойки и рассчитается и за них, и за сухие травы.

– Неплохо замолотили, – скажет она, вручая деньги.

Языкатая Лидка моментально найдется:

– Да ну вас с таким заработком! Трава и так легкая, а как высохнет – вообще пыль. Дети пока эти пять килограмм собрали – все руки стерли. Невыгодно. Труда слишком много. И времени на просушку.

– Ну, как знаете, – пожала плечами Фердинандовна. – Вот ведь неблагодарные!

Она, поджав губы, вышла, села в загруженную пролетку и наконец улыбнулась как триумфатор. Еще бы! Она назвала Фире десятую часть от суммы, которую дал ей аптекарь. Это была очередная маленькая, но выдержанная женская месть от мадам Гордеевой за флирт и повышенное внимание ее мужика к Фире. И плевать, что восемь лет тому назад!

За пару летних месяцев Фирина семейная бригада заработала маленькое состояние. Несмотря на негодование и протесты Лиды, Фира выплатила всем своим и чужим детям жалованье. Включая пятилетнего Котьку.

– Это глупо!

– Все работали.

– Тогда вычти с них за еду и перерывы! Котька вообще три дня с горшка не слазил, а ты ему, как всем!

– Лидочка, все должны понять, что значит зарабатывать и что у труда есть цена. Твоя помощь стоит дороже, ты умеешь делать то, о чем другие даже не догадываются. Ты своим гонораром довольна?

– А Софе-то! Софе Полонской ты за что платила?! Она у нас бутылок вывезла больше своего веса! И фрукты сколько уперла!

– Лида, ты забыла, кто технологию поставил? Про добавки рассказал? Ты представляешь, сколько бы это стоило, если б технолога пригласили? Не жадничай! Про десятину помнишь?

Лида захлебнулась:

– Как?! Еще и десятину отдать? Я на благотворительность не подписывалась! Ты треть прибыли потеряла со своими раздачами! Я

еще папин аппарат не считала – сколько на него потратили! Гедаля столько настойки взял, что дешевле было за деньги любого извозчика с улицы нанять!

Фира смотрела на свою дочь с интересом.

– Лида. Я тобой горжусь. Ты будешь богатой, успешной и – очень надеюсь – счастливой. Я уже это вижу.

Лидка отмахнулась:

– Я-то буду. Я хочу, чтобы ты тоже такой была!

На закрытие сезона Ваня повторил тематический праздник для всех детей. В этот раз все были дикими индейцами. Женька стреляла из самодельного лука, Костик наколядовал по окрестным дачам куриных перьев на украшения. Анька расписала лица всем желающим соком бузины (правда, оказалось, что он не смывается, и Нестор пошел в лицей с остатками боевого раскраса). Ваня точно, как старший Беззуб, учил их принюхиваться, определять направление ветра и ходить беззвучно, как коты. Вечером под августовскими звездами вместо трубки мира запустили по кругу у костра ковш с компотом.

Это будет незабываемое первое и последнее лето, когда вся семья полным составом выберется на море. В конце августа, в последний вечер Фира со слезами прошепчет Ванечке:

– Я не хочу уезжать. Я еще никогда не была так счастлива.

– Пошли поплаваем, моя царевна, твой морской конек бьет копытом. Я куплю тебе такой дом и сад. Обещаю. Тем более, что моя птичка половину уже заработала.

1916

Пике

Новый 1916-й начался с горя – накануне, 31 декабря в Петербурге от воспаления легких скончался Сережа Уточкин. Ваня прочел некролог в первом номере «Одесского листка». Они давно не виделись, почти два года. Уточкин тогда заезжал в Одессу. Они увиделись мельком – в авиаклуб он не заходил: Артур Анатра забрал не только его жену Ларису, но и членский билет в одесский аэроклуб. Тогда Сережа явно был под чем-то, смеялся постоянно не к месту, жадно ел, шутил не переставая и дергался. Ваня дал ему денег на новые полеты, но, похоже, Сережа потратил их совсем на другое. Ваня тогда не смог с ним долго общаться – слишком разительный был контраст между полетом десятого года и сегодняшним полубезумным, измученным болями душевными и телесными Сережей. Ваня спрячет глаза и пойдет в Алексеевскую церковь заказать сорокоуст о здравии болящего Сергия. Уточкин вернется в Петербург. А теперь некролог...

Ваня уйдет из дому, пойдет смотреть на стонущее стальное море с береговым ледяным «салом», в низком плотном ватном небе – ни лучика, ни птицы. Небеса закрылись за взлетевшим вверх авиатором. Глядя в это небо, Ваня будет плакать долго и горько, до рвоты. А потом напьется. В хлам. Он пойдет домой и сляжет на неделю с лихорадкой и жаром.

– Нестор Иванович, радость наша!

Сестры целовали долговязого нескладного вечно насупленного Нестора. Еще бы! Их брат поступил экстерном на историко-филологический.

– Большим ученым будет, – вздыхала Фира, отправляя его в лицей. Она не ошиблась: Нестор – с сопливым носом и вечно разбитыми очками – закончит лицей на год раньше и с блестящими рекомендациями поступит в Новороссийский университет.

– Нестор-червячок, – тискала его Анька. А Лидка надменно фыркала: брату суждено было быть вторым – за ней с ее феноменальной памятью и яркой внешностью ему было не угнаться.

Но он и не спешил. – «Система бьет класс», – отвечал он Лидке и уходил заниматься.

– Это все из-за имени, – утешала Фиру Ньюся. – Назвали бы Семей или Ванечкой – был бы разгильдяй. А то Нестор, имя – как шапка у епископа. А ему носить его всю жизнь. Ученый, ученый, прославит тебя.

– Да уж, только внуков от него я, похоже, не дожусь, – размышляла вслух Фира.

– Ничего, у тебя девки – огонь: нарожают, не будешь знать, куда деваться. Да и Котька такой цикавый мальчонка растет.

Лида восприняла фортель Нестора с досрочным поступлением как личное оскорбление и выписала себе заочное обучение двойной итальянской бухгалтерии. Официальный курс, одобренный Министерством торговли и промышленности. Ей до статуса слушательницы Одесских высших женских педагогических курсов оставался еще год. Она проведет его за книгами и еженедельными променадами в театр и на другие светские мероприятия. У Лиды были собственные планы. Для нее, в отличие от Нестора, наука была не целью, а средством. Ее интересовали власть и деньги. А для этого были нужны знания, знакомства и достойный спутник. Задерживаться на Молдаванке после совершеннолетия она не собиралась.

А Нестор наконец-то оказался в кругу единомышленников. Помимо таких же книжных червей и одержимых любителей истории университетская жизнь подарила ему наконец-то точку приложения всех научных изысканий – идею национального самосознания.

Она и раньше интересовала Нестора, но не с прикладной, а чисто научной, исследовательской стороны – что и откуда рождается в самосознании, что хорошо, а что не очень приемлемо... Чистая наука, никакого материального применения или воплощения. Но на курсе эта идея стала приобретать абсолютно реальные черты: можно было не только изучать, но и внедрять, применять и отслеживать результаты эксперимента.

Пока Нестор за столом с полным ртом что-то возбужденно вещал, Фира, не особо вслушиваясь, любовалась своим вдруг выросшим сыном. По иронии судьбы, Нестор, увлеченный украинской идеей, в точности, вплоть до возраста, повторял путь осознания себя частью нации своего еврейского дяди.

1917

Именины сердца

– С Новым годом! С новым счастьем! С новым 1917 годом! – целовались за столом Ирина Михайловна с Иваном Несторовичем. Пятеро нарядных детей. Крахмальная льняная скатерть с вышитыми по углам вензелями Б. И., елка в золоченых орехах и белых лентах в углу закрывает окно...

Иван поднялся: – У меня есть подарок! Это будет лучший год нашей жизни! Подарок всем! Ирочка, а хочешь ли ты свою усадьбу? Я покупаю виноградники! Рядом с нами, в Курсаках. С домом!

Фира по-девчачьи повисла на муже, поцеловала его в выбритую щеку и, одернув тугое платье, произнесла:

– Ванечка, детки, у меня тоже подарок – нас в этом году ждет пополнение!..

Лида швырнула вилку так, что нежные фиалки на тарелке кузнецовского фарфора приземлились осколками в блюдо с гусем.

– Вам что – нас мало?! Ты же старая уже!

– Вон из-за стола! – рявкнул Ванечка.

Он обнял Фиру: – Не обращай внимания! Ты была такой же!

Старшие, Нестор с Аней, к новости отнеслись спокойнее Лидки, но тоже без воодушевления. Один Костик хлопал в ладоши: – Ура!! Я больше не буду самым младшим!

Оскорбленная Лидочка плакала и пила воду на кухне. Податься ей было некуда. Даже комнаты своей нет, а она уже на выданье. Если бы Лидочка родилась на сто лет позже или хотя бы в другом полушарии – она бы озолотилась на биржевых махинациях и манипуляциях с ценными бумагами. Но увы... Октябрьская революция чуть не сломала ее планы на счастливую жизнь. В семнадцатом году случится не только младшая – Ксения, но и та самая Октябрьская революция. А это значит, что поездка в Европу и обучение Лидочки на Высших курсах накрывались медным тазом мадам Голомбиевской. Но тут, в аккурат на именины Елены Фердинандовны, прибыл ее счастливый билет.

Во дворе, пробежав, задерживая дыхание мимо помойки, появился золотой мальчик с букетом. Неуклюжий, в пенсне и в костюме дороже

Лидочкиной с Аней и Женей комнаты со всей мебелировкой. Лидочка еще не знала, кто это, но первобытным женским чутьем почуяла большой куш. Близорукий пижон оказался единственным сыном Николая Николаевича Ланге – основателя тех самых женских курсов, светила психологии, поборника женского образования и профессора Новороссийского университета. По законам жанра, природа на наследнике решила отдохнуть, но Лидочкин мозг сработал быстрее счетов в кафе-кондитерской: вот он – ее близорукий козырный туз, чудом выпавший из рукава судьбы в двор на Мельницкой.

Профессор был высочайшего мнения о работе Елены Фердинандовны Гордеевой, но, увы, подхватил жесточайшую инфлюэнцу и потому прислал единственного сына с извинениями и букетом по случаю ее дня ангела. Эту милую историю Лидочка узнала от Николая секунд за тридцать. И придвинулась достаточно близко, чтобы он смог рассмотреть ее без пенсне.

– Как – сам Ланге? Николай Николаевич?! Боже! Умоляю, буду ваша раба и должница! – Лида молитвенно сложила руки на груди. – Умоляю – автограф вашего отца! У меня есть его книга. Но не сегодня. Когда вы сможете прийти? Или я могу приехать с ней в центр?

У Николеньки-младшего просто не было шансов уйти живым. Да он и не собирался – ему очень нравилась красивая жизнь с варьете, променадами по Аркадии и такие эффектные барышни, которых он щедро угощал и задаривал, надеясь на продолжение. Но, увы, – дамы дальше кокетства не шли. А тут такая красавица сама идет в сети.

Николенька назначит свидание, пардон, деловую встречу в «Фанкони». Срочно. Завтра.

Лидочка вздохнет, что никак не сможет раньше пятницы, и снова будет просить подождать.

Такая скромность объяснялась очень просто: достать меньше чем за сутки книгу Ланге было проблематично.

Как только очарованный Николенька наконец-то понесет букет Гордеевой, Лида рванет домой.

– Нестор! Нестор! У тебя есть Ланге? Что угодно – любая брошюра, научное исследование, манускрипт! Да хоть что-нибудь!!!

Нестор бросится к книжному шкафу, который Лида уже бесцеремонно потрошила.

– Накупил всякой ереси на миллион, а нужного нету! – Книжки, сложенные в два ряда по одному Нестору известному порядку, летели на пол.

– Да ты что, скаженная?! Оставь сейчас же! Не трогай мою библиотеку!!!! Нет у меня Ланге! Он же психолог, кажется, или психиатр. У меня нет таких книг!

– Ну-у-у! Бестолочь! А где ее срочно можно купить?

– Понятия не имею!

В комнату, привлеченная потасовкой и криками, влетела Женька:

– Вус^[7] трапылось?

– Брось свой дворовой идиш! – прошипела Лида. – Позорите меня все!

– Кому ты нужна, фифа!

– Господи, забери меня отсюда!

– Да вали – нам места больше будет! – парировала Женька.

– Отвалю, только мне книжка профессора Ланге нужна.

– Кого? – переспросила Женька. – Ланге? Так она у мамы в спальне. Я ее уже раза три читала. А тебе зачем? Хочешь гешефты Сони Блювштейн повторить?

Лида осела: – У мамы есть книга Ланге?

– Конечно. Зачитанная, правда. Но есть. А что стряслось?

– Я с его сыном познакомилась! Понимаешь?!

– Ого... – Женька в свои десять соображала быстро. – Автограф возьми!

– Ну понятно! Книжку тащи!

Женька вернулась с сияющей рожей: – Тут две! Танцуйте, Лидия Ивановна! Вам какую?

Лида ликовала недолго.

– «Мои воспоминания об Одессе и Харькове» или «Истина о Золотой Ручке»?

– Чего? – осеклась Лидка. – Какая Золотая Ручка, он же профессор! Дай сюда!

«Виталий Фон Ланге» – значилось на обложке.

– О господи, это не он!

– Может, родственники? – сочувствовала Женька.

– Да какие родственники?! Это жандарм какой-то! А то профессор!

– Не жандарм, а сыщик! Он в женское платье переодевался и вообще как Шерлок Холмс!

– Велика заслуга – в женском платье ходить, – фыркнула Лида. – Ничего в этом доме нет!

Она была в отчаянии: обошла пять книжных лавок и даже съездила в университет – никаких работ профессора Ланге не было.

Женька проснулась от рыданий Лиды.

– Лидочка, ну не убивайся, скажи: книжку украли. Или эту принеси, дурочкой прикинься. Дурочек все любят, а ты сильно умная. Тебя все боятся.

Лида всхлипывала в подушку:

– Всю жизнь мне сломали! Сдохну в этих трущобах!

Вдруг Женька подпрыгнула и ущипнула Лиду:

– Дура ты, Лида, хоть и грамотная!

– Что?!

– А шо мне будет, если я расскажу, где добыть этого профессора?

– Шо хочешь – все твое!

Женя наклонилась к сестре:

– Лида, а к кому этот Ланге приходил, а?

– Ну, к Гордеевой, они дружат.

– И? Что ж ты такая тугодумная?

– Женька! Женька! Ты гений! Только как я у Гордеевой книжку выпрошу?

– А зачем у нее?

Механика

Петька, младшенький Елены Фердинандовны, обожал трамваи, автомобили и паровозы и хвостом ходил за своим кумиром Беззубом. Он втягивал носом запах машинного масла, угля, горячего металла, которым Иван Несторович пропах насквозь.

– По-моему, я чего-то не знаю, Ваня. Это точно не твой сын? – хохотала Фира.

Белобрысый Петенька терпеливо ждал его в арке после работы и бежал рядом до самой квартиры в дальнем левом углу двора. По дороге он успевал задать минимум три вопроса: – Почему колеса крутятся? Из чего резину делают? А как аэроплан взлетает? – и другие,

еще более заковыристые. Иван обычно успевал ответить на один или вызывал Петю пить чай на коридоре после ужина. Родные сыновья не проявляли никакого интереса к технике или механизмам, поэтому Иван не смог равнодушно смотреть на такую преданность и взял Петьку под крыло.

– Похатник! – орала через двор Гордеева. – Не позорь семью – домой ходи!

Петька делал вид, что не слышит. Беззуб предупредил, что научит всему и быстро, но не потерпит лени и разгильдяйства. Дисциплина, порядок и ежедневный труд для инженера важнее всего. Петька только усмехнулся: ему, немцу, какой-то русский будет рассказывать про порядок и систему!!! Ну-ну...

Молчаливый Ваня внезапно оказался отличным учителем, умеющим доходчиво донести шестилетнему пацану большой опыт инженера-практика. А Петька был идеальным учеником – схватывал на лету, был аккуратен и не просто прилежен, а буквально одержим.

Сначала Петька выслушал лекцию о законах механики, физики и электродела. Затем им были изготовлены и освоены самые простые механические игрушки, те, что до сих пор продаются на базарах маленьких городов или в больших и дорогих магазинах с приставками «Эко», «Органик» и «Раннее развитие».

Такой подход – «изучай играя» – дал очень хороший результат. Механику Петька понял через деревянную игрушку – медведи пилят бревно, курочки клюют зерна с блюдечка. Кораблики и ласточки из бумаги позволили увидеть и освоить детали машин в трехмерном измерении, модель паровой машины открыла Петьке путь в увлекательный мир двигателей, химию он узнал через кухню истряпню, а крекинг нефти легко был освоен при производстве самогона... Один в один оказался процесс... только исходное сырье разное. Для наглядности Беззуб отвел Петю в гости к Вале на Болгарскую, которая варила лучший самогон на районе... Пригодилась даже домашняя выпечка: технология производства пороха и динамита практически не отличается от замешивания теста. Ну а гашение соды уксусом стало иллюстрацией производства ядовитых газов.

– Это что же все так просто? – удивлялся Петя. – А почему тогда это дома не производят?

– Ой, производят, – ответил Ваня. – Слава богу, что не все.

Петька с интересом слушал теорию и с вожделением косился на рабочий саквояж Беззуба.

Когда Иван понял, что Петька поднялся на должный уровень, он доверил ему уход за своим рабочим инструментом. Мало5й чистил, затачивал, подтягивал и проверял. За это Ваня разрешил ему по выходным пользоваться всеми своими рабочими сокровищами. Петька оправдал высокое доверие и проявил талант изобретателя. Один в один Ванька в детстве! И никакого баловства. Не слышно – не видно. И пусть это были мелкие изобретения и часто заново открытое «колесо», да и касались в основном моделей паровых машин, но эффект, показанный мальцом на этих моделях, удивил даже выдавшего виды Ивана... Кое-что он даже использовал в своей основной работе, и Петька через месяц был торжественно премирован 10 рублями, которые он тут же не менее торжественно отдал матери. Железная Лёля отреагировала неожиданно для себя, но типично для одесских мам, а именно – стала громко на весь двор гордиться: – Мужчина! Добытчик! Майне либе Питер! Моя! Моя кровь! – тискала она надушенного Петьку.

Старший из детей Беззубов – Нестор был настолько погружен в своих жуков-пауков, что на Петьку вообще не реагировал, младший Котенька периодически требовал отцовского внимания и почитать книжку, а вот Женька отчаянно ревновала.

– Это что, твой сын? – спросила она Ивана однажды вечером.

– Нет, конечно, ты же знаешь.

– А почему он на тебя похож? И почему ты каждый вечер с ним, не с нами?

Ванечка опешил. Ну как рассказать ей, что никому из собственных детей нет дела до отцовской страсти к механизмам. Что в детстве он отдал бы все свои сокровища, лишь бы узнать хоть половину из того, что он может рассказать сегодня Петьке, что Петька до одури похож на него своей упертостью, вечно разбитыми пальцами, постоянными поисками новых решений, что его, Беззуба, отец вечно пропадал в лавке и ничего, кроме сытого стола и карманных денег, не мог ему дать, а тут вообще волчонок одинокий... Но он просто ответил:

– Женька, не дури! Он мне помогает.

– А давай я тебе железяки протирать буду!

– Это не женское дело, – отрезал Беззуб.

– А вот и нет! – топнула ногой Евгения Ивановна.

– Ненавижу тебя, – шепнет она на следующий день Пете Косько и громко, нараспев, добавит: – А-ди-ёт!

Петьку Женины обиды вообще не волновали. Еще бы! После занятий в реальном училище ему было позволено приходить в паровозоремонтные мастерские. Там толковый протезе Беззуба быстро стал своим и вместо «подай-принеси» превратился в «Петька, подай ключ», «Петька, смажь подшипник и проверь шатуны», «Петька, проверь давление пара и уровень воды»... И все знали, что если Петьке что-то поручено, то пацан в лепешку расшибется, но все будет исполнено в лучшем виде. Со временем его даже перестали проверять – он стал *своим*. В неполные десять лет такое не каждому под силу.

А Иван смотрел на эти успехи со стороны и был несказанно горд таким достижением маленького коллеги. Как же Петька был на него похож желанием всё и вся перепроверить, улучшить, довести до совершенства, изменить. Но... на этом сходство заканчивалось, потому что в Петькином генетическом коктейле помимо маминой немецкой усидчивости, системности и упрямства уживался отцовский авантюризм и предприимчивость. Однажды он робко предложил Ивану изготавливать на продажу наборы механических игрушек для детей – паровую машину, ткацкий станок, наборы с электролампочками и т. д. Все это было отвергнуто старшим коллегой, который хорошо помнил, что негоцианство – не для него.

Но упертый маленький немец все равно искал финансовую составляющую своего увлечения и добил-таки учителя: он нашел свободную нишу на рынке Одессы – изготовление и восстановление пружин для патефонов. Это сейчас смешно и непонятно – что тут может быть сложного, но в начале века это было огромной проблемой...

Петька сам изобрел намоточный станок для пружины, Иван его усовершенствовал и довел до ума, была сделана первая пробная партия изделий, и Петька лично отнес их в Акционерное общество «Патефон и пишущая машина» господ Иссерлин, что разместилось в Пассаже, на 2 этаже, в номере 55...

Почему он? Иван состоял практически на госслужбе, и несмотря на вольницу Одессы, «леваки» не поощрялись. Начальство не одобряло негоцианства и «отхожих промыслов». На самом деле Ваня просто

смертельно боялся опозориться – как почти двадцать лет назад с зерном.

Он зря опасался. Петенька был везучим, как его биологический отец. Их товар оказался такого высокого качества, что превзошел образцы изготовителя, а когда господа из «Патефона и пишущей машины» узнали от посыльного мальчика, что цена в пять раз ниже завода-изготовителя, – они предложили выкупить весь запас на год вперед... С одним условием: ни одной пружинки конкурентам! Категорически!

А вот это уже были серьезные деньги. Даже для Ивана, не говоря уже о Петьке... И теперь главной задачей Беззуба стала практически неразрешимая проблема: как вручить деньги за пружины Елене. Все разрешилось само собой через месяц – Фердинандовна в очередной раз повздорила с Попечительским советом больницы и хлопнула дверью. Обе стороны ждали явки с повинной. Денежные запасы Гордеевой приближались к нулю, а вредные члены Совета все не звали ее обратно. И тут явление Беззуба с пачкой ассигнаций, завернутых в «Одесский листок»...

На горизонте даже замаячило долгожданное примирение Фердинандовны и Фиры. Но обошлось. Петя получил карт-бланш на все шалости в училище и во дворе, не считая десяти фунтов лучших шоколадных конфет.

Коммерческую тайну бизнес-партнеры-металлисты хранили свято. Никто и никогда не узнал, чем они занимаются в свободное время.

Иван и Петька всегда следили за качеством товара – случались бракованные партии из-за исходного сырья, но как только это обнаруживалось, все изделия немедленно изымались и втихую топились в море... Но как оказалось – не все отдали заказчики, и часть пружин через третьи руки была коварно продана конкурентам под видом «контрабанда из Германии»... Конечно, те понесли убытки, конечно, в магазине «Патефон и пишущая машина» был снова ажиотаж... Ну тут уж ничего не поделаешь – конкуренция.

Гешефт

Лида бросилась отцу на шею:

– Папенька дорогой! Любимый мой! Вопрос моей жизни и личного счастья! Папенька, ты один меня можешь спасти!

Столько эмоций сразу его старшенькая вряд ли суммарно выдала за предыдущие шестнадцать лет жизни.

– Что стряслось? – Такой взволнованной свою дочь Иван Несторович последний раз видел никогда.

– Папа, мне нужна книжка профессора Ланге.

– У мамы лежит – пойди возьми.

– Не сыщика! Профессора! Она редкая, ее в лавках не продают!

– Сколько? – вздохнул Беззуб

– Нисколько! Только твоя протекция! Умоляю! Все потом! Она есть у... у Гордеевой.

– Лида, но ты же знаешь, что она с мамой в контрах. Я не могу просить.

– А Петька?

– Лида, ты в своем уме?

– Папочка, она ей не нужна вовсе. А у меня судьба решается. Умоляю!

Лида расплакалась. Это был нокаут.

На следующий день Петька притащит старую обтрепанную брошюру.

– Маме она без надобности, я еле в шкафу нашел.

– Лида, ты уверена, что это именно то, что ты искала?

Лида расцеловала отца и прижала к груди книжку.

– У меня есть повод для беспокойства?

– Только для радости! Помолитесь за меня!

– Лида, повторяю вопрос: – Ты что, пробовала эту гадость?

Лида отлепила трофей от груди – Николай Николаевич Ланге «О действии гашиша» (Психологическая заметка). – Москва, 1889.

– Нет конечно! Это не важно! Папа – ты лучший!

– Такое чувство, что наша Лидочка всю жизнь жила аристократкой, – хохотала Фира, глядя, как ее дочь подает ручку для поцелуя Николеньке. Роман, начавшийся с автографа, развивался стремительно. Николенька заезжал за Лидочкой и раскланивался с Фирой:

– Ирина Михайловна! Клянусь – до полуночи верну вашу прелестницу!

– В целостности и сохранности, – ворчала Фира.

Но она могла не волноваться. Лида точно знала, что дальше поцелуев и объятий она не пойдет. Только после свадьбы. Бедный Николенька трепетал от восторга. Лидочка была то нежной и смущенной, то страстной и жадной до поцелуев и ласк, то холодной как лед. После двух-трех встреч она внезапно просила неделю для усердных занятий бухгалтерией, получая ежедневно с посыльным букеты. Николенька признается в своих чувствах на юбилейном – десятом свидании. Еще через месяц придет к Беззубам просить руки Лидии Ивановны.

Венчание и ужин в ресторане пройдут достойно. К полному недоумению родителей, Лида не позволит пригласить никого из дворовых друзей. Будет только Гордеева – по личному приглашению со стороны жениха. Молодые уедут на медовый месяц в Париж. Лидочка вернется уже в профессорскую квартиру супруга.

Стакан

Личная жизнь появится даже у затворника и пламенного революционера Нестора.

Университет бурлил и сотрясался от революционных идей, митингов и бесконечных сходов и диспутов. Профильные знания нового студента оценили по достоинству, он немедленно был взят в оборот старшекурсниками и зачислен сразу в три кружка – разных по названию, но одного национал-социалистического толка.

Ну а как иначе?

Имя – Нестор, сын железнодорожного инженера, правнук казацкого полковника! Да для национал-социалистов этот мальчик просто клад!

Отшельник Нестор внезапно попал в самую гущу событий. И бонусом к научным исследованиям стала не менее волнующая новомодная теория «стакана воды». Сперва в Москве и Питере, через полгода в Одессе среди интеллигентной молодежи началось течение, смысл которого заключался в постулате: ничего постыдного в сексуальном желании нет. Это так же естественно, как голод и жажда,

и этому желанию подвержены и мужчины, и женщины. Поэтому отказывать голодающему или «давать напиток» только одному или одной – пережитки прошлого.

Курировал всю эту программу «молодежного раскрепощения» Карл Радек, большой друг Троцкого. В Москве неоднократно были проведены «обнаженные марши». Эту инициативу горячо приветствовали и всячески поддерживали вожди революции – Ленин, Троцкий, Сталин...

В Одессе до «обнаженных маршей» не дошло, но массово были созданы ячейки «свободной любви», в одну из которых угодил Нестор. По сути это были стаи или гаремы, объединенные вокруг одной «самки».

И такой умный, но абсолютно наивный в делах любви Нестор привлек этим милым сочетанием внимание прогрессивной барышни.

Мария... Она была идеальна – с ней можно было заниматься любовью и обсуждать историю. Утонченная, болезненная, с горящими от систематического недосыпания запавшими глазами и коротко, по последней моде остриженными волосами. Она учила его слышать ее тело и взамен очень внимательно слушала его возбужденные монологи. Огорчало одно – потомок полковника и раввина был до безобразия патриархальным. И делить свою подругу с другими или победить мещанскую ревность не мог совершенно.

Нестор собирал информацию для литературно-публицистического журнала «Вільне життя» под редакцией профессора Слабченко и литератора Ивана Липы, писал доклады и мечтал о том, что больше не нужно будет ждать в очереди своего дня посещения Марии. Томясь ожиданием, он прошел, а потом дополнил ускоренные курсы украинознания и решил заняться просвещением младших. Женька и Котька были настроены скептически. Котя сбегал играть в мяч, Женька жаловалась маме: – Мне в гимназии уроков хватает! Зачем меня еще Торик мучает?

– Это полезно, – отрезала Фира, – слушай брата! Нестор, может, порекомендуешь, что мне почитать из твоего?

Она не могла наглядеться на старшенького. Наконец-то ее мальчик ожил, задышал, загорелся. А на ее вопрос: нет ли симпатичной барышни рядом? – так покраснел, что Фира поняла: будут! Будут у нее внуки с фамилией Беззуб.

Если с национальным самосознанием всё шло великолепно, то Мария пригрозила навсегда отлучить его от тела, если он еще раз заикнется о моногамии и воспетой в украинском фольклоре девичьей чести.

На помощь пришли старшие опытные товарищи. На очередной сходке, закончившейся в ближайшем винном погребе, от строительства нового мира перешли к вечным темам. Кто-то из залетных старшекурсников похвастался неземными впечатлениями для обоих. Рецепт простой – кокаин с вазелином. Наружно. Достать в восемнадцатом году кокаин было проще и дешевле, чем хорошее шампанское.

1919

Метод Гаврилыча

Мария не сразу поняла, в чем секрет, но немедленно выделила дополнительные часы для Нестора. Национальное движение вместе с учебой были заброшены. К счастью, через две недели Нестор почувствовал дикую боль при посещении туалета. Боль была сильнее позора, страха и семейных войн. Помня о клятве Гиппократата, он пришел в Еврейскую на прием к Гордеевой.

Елена Фердинандовна увидела не только гонорею, но и дрожащие руки, испарину и лихорадочный блеск в глазах.

– В палату! Это опасно! – пробасила она.

Она вкатит Нестору снотворного и привяжет к кровати. А потом разбудит и спросит, сколько и как долго. Заткнет ему рот бинтом и уйдет.

Фердинандовна нарушит врачебную тайну, но соблюдет клятву Гиппократата – спасет этого малолетнего дурака.

Она заявится, как всегда без стука и вводных речей, на кухню Фиры и Вани.

– Иван Несторович, – спокойно скажет, – ваш сын кокаинист. Еще можно спасти. Средства у вас есть, я знаю. Мне нужно ваше разрешение, деньги и твердая воля. Не ходить, не смотреть. Еду для него отдаете мне.

Такое оглушительное семейное горе Беззубов накрыло впервые.

– Ужас, ужас, ужас, – шептала с остекленевшими глазами Фира.

– Не ужас, слава богу, спасибо Гордеевой. А ты что, не замечала? – кипел Ваня.

– Да он домой перестал приходить! Взрослый уже – семнадцать лет! Две недели как пропал. Я думала – влюбился!

В отдельной палате за Нестором закрепили личного санитаря – отставного боцмана Семена Гавриловича. Тот бдительно следил за неукоснительным исполнением всех процедур и назначений. За нерадивость наказывал Нестора привычным способом – порол «линьком», а пару раз подавил бунт «молодого революционера» хорошим хуком слева. Неделя ушла на ломку и избавление от гонореи.

Еще три – на укрепляющий витаминный курс, гимнастику по методике Шмидта, подтягивания на перекладине во дворе больницы, гири или, если студент выдыхался, – бесконечные «приборки» – согласно привычному для Гаврилыча корабельному распорядку.

В результате из стационара молодой Беззуб вышел окрепшим и возмужавшим. Иван попытался определить его к себе в депо, под родительский контроль... Но Нестор уперся и твердо заявил:

– Я – учиться!!

Сказал так, что Иван замолчал, потому что он вдруг увидел совсем другого сына...

Увидел окрепшую фигуру, развернувшиеся плечи, твердый и колючий взгляд исподлобья... И две горькие вертикальные складки над переносицей – отзвук пережитого его мальчиком.

Марии в университете не оказалось. Сотоварищи по «стакану воды» тоже ничего не знали. Нестор так и не узнает, что, пока он получал затрещины от санитаря, отец проведет собственное расследование. Перерыв его дневники, Иван разыщет причину, съездит в Херсонскую губернию к родителям Марии и оплатит все расходы на тайную перевозку, лечение и восстановление юной революционерки.

Гори-гори ясно

Нестор не просто оправится. Он постарается выжечь память о позорном увлечении. И найдет новую страсть в революционных идеях – от исследований и наблюдений перейдет в активную фазу «творца истории». Злость, обида, стыд, горе – все переплавится на черную, одержимую решительность. Его суржик и очки больше не будут казаться смешными.

Нестор понесет идею независимости не только студентам. И будет жечь, клеймить, будить, буравить взглядом. Его сиплый от частого крика голос пробирал до костей. Он станет ярым сторонником христианской морали, вызывая удушливый румянец у девиц, затесавшихся на подпольные сходки.

Он уйдет из дома и зайдет туда только через месяц – проведать мать. В папахе со шлыком и черном жупане гайдамаков.

Гайдамаки пришли к власти в октябре семнадцатого и попытались установить в городе «свй лад». Они захватили вокзал и стали

контролировать ввоз и вывоз товаров из Одессы. Порядок не устанавливался, несмотря на публичные порки нагайками спекулянтов и взяточников.

– Где твоё оружие? – спросит его отец.

– Мое оружие – слово, – ухмыльнется Нестор. – Меня пуля не берет.

Гайдамаки прибойной волной заполняли Одессу и откатывались, выбитые противниками далеко в область, снова возвращались и вновь уходили. Конфликты между враждующими сторонами были вялотекущими. Больше крови и жертв приносили бандитские налеты с экспроприацией и национализацией со всех сторон.

Одна за другой в Одессу пришли австро-венгерская и франко-английская интервенция. Переговоры, союзы, альянсы, триумvirаты партий, властей и армий напоминали карточные расклады. Но эти пасьянсы постоянно не сходились.

– Не бойся, – Ваня поцеловал в лоб и глаза заплаканную Фиру. – Его там берегут.

Где это *там* и *кто* именно бережет их Нестора, он сам не знал. Ни отцовская вера, ни материнские молитвы не помогли.

За год в истерзанную войной Одессу Нестор попадал от силы раз шесть, агитируя и поддерживая власть по селам Одесской области от Маяков до Балты. До дому дошел трижды. Это был предпоследний раз.

– Мам, там такие хлопцы! Они лучшие! – завшивленный, грязнущий Нестор по-детски вымакивал корочкой жижу в тарелке. Он был не солдат, а проповедник независимости. И так истово верил, что действительно заражал этой уверенностью и правильностью других. После того, как гайдамаков вытеснили из Одессы, он прибил к Украинской галицкой армии. Он пробудет вместе с основными силами с декабря девятнадцатого по апрель двадцатого в северном Балтском районе Одесской губернии.

Голод

Следом за большевиками в Одессу пришел голод. Продукты стремительно заканчивались. В мае хлеб стали выпекать из прошлогоднего гороха, а самой дешевой едой оказалась... азовская

красная икра. Бочонок ее стоил дешевле двух фунтов черного хлеба. Чтобы решить вопрос с продовольствием, красные отряды стали предпринимать набеги на область и отбирать именем республики пшеницу у крестьян. Те, разумеется, надежно прятали излишки и на всякий случай прекратили всякую торговлю с городскими.

Несмотря на все сложности, Мельницкая особо не бедствовала – железная дорога и госпиталь работали в усиленном режиме, равно как и господа бандиты.

Гордеева со скудным меню боролась самым оригинальным способом. Она решила не рассчитывать на улучшения, которые сулили большевики, и заняться выращиванием сельхозпродукции. Из далекой юности в немецкой слободе она точно помнила, что лук шикарно растет на пепелище, а сожженных и разграбленных заводов что на Мельницкой, что на Балковской – бери не хочу. Она устроила тайный огород в квартале от дома. В глубине сгоревшего стеклянного завода, рискуя проткнуть ногу осколком или напороться на снаряд, они с Петькой посеяли лук. Сын, сцепив зубы, ежевечерне ходил поливать пару грядок. Гордеева, как всегда, оказалась права. Луковые перья поперли из-под земли уже через неделю. Елена грезилась о салате и весенней начинке для пирога, но не учла, что натуральным хозяйством решили заняться и неизвестные соседи с Дальницкой.

Одномоментно все посева просто исчезли.

– Не углядели, – помрачнела Фердинандовна. – Узнаю, какая скотина оборвала, – отомщу!

– Мам, похоже, это гуси – вон, смотри, дерьма сколько и луком воняет.

– Какие гуси? Ты в своем уме? Мы на Молдаванке, а не в селе!

Вечером в дверь к Гордеевой постучали испуганные граждане.

– Мадам Гордеева, спасите! У нас отравление! Гоша с Машкой отравились, дрищут и воняют как со смитника. Помогите!

Лёля покосилась на граждан:

– Чем воняют?

– Да луком, как биндюжники в обед!

Гордеева подхватила свой акушерский саквояж:

– Ну пошли к Маше, с кем она там дрищет?

– Так это... они гуси. Может, им таблетку какую?

Граждане тоже решили заняться натуральным хозяйством и выпускали в укромном месте на выгул пару чудом купленных на Привозе гусей.

Лёля подняла бровь:

– А ну-ка пойдём посмотрим!

Вандалы, обнесшие её огород, были внезапно раскрыты. Луковый аромат стоял такой, что глаза выедало.

– Надо резать, – насупив брови, скажет она. – А то вас тоже заразят. Дальние соседи возроптали.

– Смотрите: эпидемию холеры в городе начнете. Я сейчас же бумагу в здравотдел напишу. Обязана доложить о вопиющем факте. И трупы забираю. Надо активировать мясо – списать под отчет, чтобы, не дай бог, заразу кто не сожрал.

Фердинандовна заявила во двор с двумя тушками.

– Ну что, у кого картоха есть? Гошу жрать будем! И лука не надо – он уже фаршированный.

Новой советской власти не удалось с налету решить продовольственную проблему продразверсткой. Тогда она по доброй робин-гудовской традиции обратила внимание на зажиточных горожан и предложила купцам и банкирам скинуться в фонд революции. Сумму назначили в пятьсот миллионов рублей.

Но пока жадные промышленники не отдавали и плакались на развал производства или рвались за границу, чекисты не гнушались и меньшими суммами. Представители новой власти могли наведаться с ночным «обыском» к относительно зажиточным соседям и изъять ценности и имущество.

В меблированные комнаты профессора Ланге тоже пришли с ревизией. По стуку сапог и грохоту по двери было понятно, что гости незваные. Дверь распахнулась – на порог квартиры с папиросой в зубах, в кожаной тужурке поверх домашнего платья и в красной косынке вышла Лидка. Через плечо в деревянной кобуре на уровне колена болтался длиннотвольный маузер.

– Чего надо? – пыхнула.

– Ревизия! Каюк вам, буржуйам, пришел! – крикнул член этой живописной группы, стоявший сзади и потому не успевший увидеть Лиду.

Она отпихнула стоявшего первым и вывалилась полностью в коридор:

– Кто там вякнул? Фамилия?! Вы что, черти, списки не получаете?!
Под трибунал пойдете!

Революционер смутился:

– А мы, это... не знали, что наши уже здесь.

– Кто ваши, не знаю, а чрезвычайный комитет уже заселился!

– А вы, собственно, кто? – начал приходить в себя руководитель группы.

– Я кто? – Лидка выпустила дым в лицо вопрошавшему. – Лидия (пауза) Борисовна (пауза) Северная. Вопросы, сука, есть?! Или папу позвать?

– Извините! Виноваты! – Старший мотнул головой и зачем-то отдал честь.

– Вон пошли!

Лида захлопнула дверь и, подволакивая ноги в мужниных сапогах, гордо вплыла в комнату.

Бледный Николенька стоял у стола.

– Лидочка, что там?

Лида, не выходя из образа, затянулась и сплюнула на пол:

– Теперь долго не придут.

– Душа моя, а кто такой Северный?

– Коля, ну как можно? Мы ж знакомились неделю назад! Боря Юзефович электриком у папы в депо работал до революции, начальник ЧК теперь.

– А ружье у тебя откуда? – простонал Николенька.

– Что откуда? Это ж маузер коллекционный! Отец мой тебе на Рождество подарил! Ты бы хоть подарки открывал.

– Боже, он заряжен?

– Понятия не имею. – Лида скинула кобуру на пол и присела в кресло. – Подай коньяку, что-то я разволновалась.

Страдали не только буржуи. Однажды бригада большевиков наведальась во двор к Беззубам – по городу начался принудительный отъем матрасов для нужд Красной армии.

Вышла Нюся.

– А на чем я товарищей красноармейцев обслуживать буду? А? – она уперлась грудью в тощего мужичонку с винтовкой. Тот облизался: – Так это мы ж тоже красноармейцы! Вам, гражданка, оставим! – И сделал паузу. – За сочувствие!

– Ты не красноармеец, а недоразумение, – отрезала Нюся. – Надо товарищам сигнализировать, шоб таких не брали.

И тут же во дворе появилась мадам Полонская – в свои далеко и глубоко за семьдесят она продолжала репризы с выходом.

– А я б взяла, – она подмигнула красноармейцу, – не изволите пройтить? Опробовать на пригодность?

– Тьфу, дура старая!

Бабы засмеялись, но «экспроприатор» ударил Софу прикладом в грудь. Та вскрикнула и упала.

Мамамы сделали шаг вперед, но представители пролетариата выставили штыки:

– А ну снесли сюда быстро матрасы и харчи, а то сами пойдем. И выпивку тащите!

Ривка мстительно ухмыльнулась:

– Выпивку? Это мы мигом!

Полгода назад, во время экстренного вывода французских войск и очередной волны эмиграции, Гедаля разжился в порту тремя мешками сахара. Один – раздали и продали на домашние нужды по двору и окрестностям, один – оставили в запасах, а третий – оказался бракованным. Не просто бракованным, а абсолютно никчемным. Мешок вместе с содержимым насквозь пропитался керосином. Тяжелый маслянистый керосин настолько впитался в сахар, что не то что есть, стоять рядом с этим мешком было затруднительно. Но выбросить такое сокровище рука Ривки так и не поднялась. После совещания женский дворовой совет постановил провести спасательную операцию и попробовать выгнать из испорченного сахара самогон – дескать, во время дистилляции масла с запахом осядут. Обмотав лица тряпками, Ривка и Софа вынесли ведро с брагой и примус во двор. Остальные жители быстро сняли сохнувшее белье и попрятали детей.

С разной степенью интенсивности двор вонял еще неделю. Никакие дополнительные фильтры из песка, десяти слоев батистовой

сорочки и активированного угля имени Гордеевой не помогли. Дегустаторы, даже не нанятые – полученные из желающих, отравились, более того – каждый поход в дворовой туалет (Гедаля пропустил два рабочих дня по причине жесточайшего расстройства желудка) сопровождался узнаваемым керосиновым духом, который сохранился после дистилляции, фильтрации, многоступенчатой очистки и прохождения продукта по пищеварительной системе. Однако и вылить эту горючую смесь ни у кого рука не поднялась.

Под девизом «на всякий случай» Ривка укупорит бутылки и зальет сургучом – для надежности. Весь этот кошмар спокойно хранился в подвале – никто со двора ни в здравом уме, ни в жесточайшем похмелье на него не покушался.

Ривка вынесла здоровенные бутылки.

– Вот, пожалуйста, товарищи! С моим удовольствием! Пейте, не обляпайтесь.

На прощание на головы представителей «красного террора» прилетел от Нюси насквозь прописанный детьми и котами младенческий матрасик Полины...

Мадам Полонская

Софу Полонскую осмотрит Гордеева.

– Жить будете. Давно нарывались, мадам Полонская, но это должна была быть я или Ривка, а мужикам бить баб не комильфо. Вам, уважаемая, я сейчас лекарство принесу. Отлично помогает.

Лекарство действительно помогло и от физической, и от душевной травмы: настоящий трофейный французский коньяк.

– Букет бедноват, – поморщится Полонская, – нотки керосина не хватает...

Она налила по второй и с усилием, руками подтянула разбитую ногу на кровать. Ее отечные голени напоминали колонны: одинаковой толщины от колена до щиколотки с залеченными и уже начинающимися трофическими язвами. При этом слоновья болезнь несколько не влияла на оптимизм и любознательность Софы Ароновны.

– Мне интересно, он сам керосину выпьет или с товарищами поделится?

Гордеева молчала.

Софа рефлекторно потеряла чернильный синяк от приклада между рыхлыми грудьми и перехватила взгляд Фердинандовны. Та с интересом уставилась на комод. На полке в резной рамке из черепаховой кости стояла старинная фотокарточка юной девицы в цирковом трико.

– Мадам Полонская, – прищурилась Гордеева, – это что, вы?..

– Это – моя сестра. Хотя я была точно такой же. Нас вообще мало кто мог различить. Даже отец путал...

– За сестру? – подняла рюмку Фердинандовна.

– Не чокаясь, – Полонская залпом махнула рюмку и подняла голову, часто смаргивая. – Сука, полвека как ее нет, а я забыть не могу.

Гордеева взяла карточку: – Расскажешь? Или молча напьемся?

Полонская протянула руку и погладила фото: – Да уже можно. Чего скрывать. Может, легче станет...

Я ж из цирковых. Ну а в цирке близнецы – просто подарок судьбы. Тем более бабского пола. Представь себе: две гимнасточки в трико. Одинаковые. Перья, блески. Чисто куклы гуттаперчевые. А папа нас тренировал лет с трех. И катались мы от Варшавы до Петербурга. Ну летом сюда, на юга, конечно. И публика богатая, и кабаков много, тем более, что в труппы нас все реже брали – сильно уж папенька выпивал. А когда деньги заканчивались, так заработок всегда под рукой: полчаса с акробаткой – хороший гешефт, даже лучше, чем выступление. Папаша, правда, нас берег, точно как Гедаля своих коней, мы только выступали вместе, а мужиков через день обслуживали. Я – по четным, она – по нечетным. Не много. По пять в день. Папаша ажиатацию так вызывал и цену набивал.

– А мамаша что же? – поперхнулась Гордеева.

– А маменька разбилась, когда нам тринадцать исполнилось. Воздушная гимнастка. Без страховки. Нам даже не заплатили, сказали: одни убытки. Публика от такого зрелища неприятного деньги взад потребовала. Мама и раньше срывалась, но просто кости ломала. А мы, маленькие, так радовались, как она дома лежит месяц и нам сказки рассказывает, а то обычно с манежа не уходила – все с отцом трюки изобретала...

Зато с отца клятву взяла – нас выше роста не поднимать. А когда она погибла – он запил. А дальше понеслось. Обычная для цирковых

история, бытовая, – между выступлениями передок подставить. Я фартовая – абортов больше десяти сделала и ничего, выжила.

Вот и в тот день моя очередь была. Четная. А меня только выскоблили. Жить можно, но очень уж идти не хотелось – так нутро болело. Вот моя Адель и выручила. Я ж говорю: даже папаша нас путал. А там купчик пришел. Два часа выкупил... Оказался из этих, которые мучить любят. Ну плеткой и меня стегали. А этот просто не рассчитал... задушил. Что там два часа было, не знаю, но у Ады все тело в синяках. Я замучалась ей лицо пудрой замазывать перед похоронами...

Фердинандовна молча отхлебнула прямо из бутылки.

– Ой прям-таки, – вздохнула Софа. – А то ты такого не видела у себя! Купчик тот с отцом сторговался и откупился. Отец сказал, что она с трапедии упала – решила, как мать, сальто-мортале исполнить втихую и сорвалась. Ага, сорвалась – с синими пальцами на шее. Ну а я? Что я? Я подождала, пока он на похоронах нажрется, забрала деньги, за ее жизнь уплаченные, и сбежала из этого чертового цирка. В Одессу. Мне тут всегда нравилось. А денег мучитель прилично отвалил. Мне и на дорогу хватило, и на квартиру эту. Так-то все хорошо. Одно но: сбежать сбежала, а все мои четные всегда со мной. Как наш восьмой номер. Чтоб не забыла. А дальше ты знаешь – и в лавке работала, и на кондитерской фабрике, и на пуговичной. А тем более с таким-то опытом – подмахнула хозяину или начальнику – вот тебе и поблажки, и повышения. Вот так и живу.

– А... Софья Полонская?

– Цирковое имя.

– А отчество?

– А отчество деда по маминой линии. Мама все сокрушалась, что он без имени лежит. Да и она теперь тоже... Но детей у нас не случилось. Вот я взяла ее имя и его как отчество. И фамилию дворянскую.

– А настоящее имя какое? – не выдержала Фердинандовна.

Софа перехватила у нее из рук бутылку и тоже отхлебнула.

– А ты что, порчу в храме хочешь навести? Нечего вспоминать. Та гимнасточка померла. Вместе с именем и сестрой.

И посмотрела в глаза Гордеевой:

– И ты помрешь. В муках. Если сболтнешь кому-нибудь.

Фердинандовна достала из саквояжа флягу со спиртом и чокнулась об фото:

– Царствие тебе небесное, Адель. А ты, Софа, не дури, ты ей лотерейный билет в рай презентовала. Выигрышный. А пошла бы ты – она б спилась, если бы раньше от сифилиса не сгнила. А так сестру спасла и до Боженьки напрямую. Засиделась я с тобой. Пойду, пожалуй. Коньяк себе оставь, тебе сегодня еще надо принять.

Нет у революции конца

Одесса – дама капризная и темпераментная, а тем более в подростковом, по историческим понятиям, возрасте. Она склонна моментально очаровываться и так же быстро разочаровываться. Красная армия со своей продрозверсткой и экспроприацией уже через полгода вызывала среди мирного населения все возможные степени негодования – от горького разочарования до откровенной ненависти. Белогвардейское подполье готовило реванш. Маятник новейшей истории снова качнулся и накренился. Лучшие подразделения ГубЧК были направлены на подавление мятежа в Николаеве и борьбу с махновцами. В Одессе оставалось порядка десяти тысяч военных, но то ли южный город разлагает неокрепшие умы, то ли умирать здесь во имя абстрактного равенства и братства совершенно не хочется, но при первых же обстрелах с моря добрая половина мобилизованных в ряды РККА оперативно разбежится по домам. Герои революции Гамарник и Якир срочно отбудут в Вознесенск и не оставят внятных указаний. Люстдорфские немцы, встретив на дальних подступах первые отряды белогвардейцев, радостно накормят их и снабдят подробными данными и по дислокации красных, и по ключевым точкам города, не считая организованной помощи офицерского подполья.

24 августа Белая гвардия триумфально и практически бескровно войдет в Одессу, недоумевая, как они – около пятисот человек – смогли получить почти миллионный город просто на блюдечке. Петроградский эскадрон въедет в город верхом – щедрый подарок одесского конного дивизиона. Подпольщики, преимущественно из еврейской самообороны, радостно встретят Добровольческую армию, но вступать в нее чисто по-одесски дальновидно откажутся,

презентовав Белому движению, на всякий случай, только самую полезную стратегическую часть дивизиона – коней.

Поцелуи девушек, горы цветов и крики: «Хлеб-соль!» – в такой эйфории белые офицеры описывали Одессу.

Лидочка в нарядном платье вместе с супругом тоже выйдет встречать гостей и выхлопочет билеты на банкет в честь победителей.

Когда ты уже принадлежишь к знатному дворянскому роду, а внезапно – как скелет из шкафа – выпадает твое сомнительное мещанское происхождение, впору повеситься. Родная Молдаванка внезапно вторглась в жизнь Лиды самым бесцеремонным образом.

Костик в свои девять лет решит, что очередная смена власти – прекрасный повод заработать. В дуэте с Полиночкой Голомбиевской он подготовит безотказный коммерческий проект. Для этого Полиночка утащит из дому белое кружевное платьице для первого причастия, а Костик раздобудет в кладовке крылья из восковой бумаги, которые Фира клеила для прошлогоднего рождественского представления. Костик всегда уделял внимание деталям – белые розы, оборванные в Городском саду и заткнутые в рыжие солнечные кудри Полиночки, станут финальным аккордом.

Лида в шикарном платье под руку с супругом будут дефилировать по бульвару к гостинице «Лондонская», когда ей под ноги кинется Костик и схватит за подол:

– Лидка!!!! Я знал, что ты тут будешь! Лидочка, заведи нас у фойе, а то одних швейцар не пропустит!

Лида оглянется – вокруг нарядная толпа, дамы с умилением смотрят на подбежавших деток. Костик со своим вопиющим профилем, но в вышитой косовороточке с маминой шкатулкой в руках... Рядом нарядная, как кукла, дочка Нюльки в белом венце.

– Просто заведи!

– А ну иди домой, не позорь меня, – прошипит Лидка.

Костик мгновенно отреагирует:

– Заведи нас в залу – и я тебя не знаю, а то кричать начну, что ты красная шпиёнка.

– Проклятый шантажист! – Улыбаясь, она изо всей силы ущипнет его за плечо.

Костик скривится и улыбнется в ответ. Он сдержит обещание и тут же отойдет от сестры.

– Жертвуйте на помощь и питание нашим ангелам-хранителям – Добровольческой армии! На усиленное питание в тифозных палатах! – начнет декламировать Костик.

Впереди, опустив длинные рыжие ресницы в крыльях, розах и кудрях шла Поляночка Голомбиевская, ангел милосердия с нарисованным на груди красным крестом. – Костик шить не умел, а краски Аньки всегда были под рукой.

– Я отстираю, – заверил он Поленьку.

Поленька приседала, принимая в шкатулочку ассигнации, и шептала:

– Господь не забудет вашу доброту!

Юные аферисты вынесли целое состояние. Костик пересчитает купюры и засунет часть в ящик на Алексеевской церкви: – Десятину отдаем. Остальное – наше.

Он честно поделит пополам.

Нюся увидела дочь еще на лестнице в новом безнадежно испорченном платье. Закричать она не успеет.

– Мадам Голомбиевская! – Костик бросится вперед. – Мадам Голомбиевская, вы такая красивая снаружи, потому что очень красивая внутри! Ну разве можно бить единственную дочь из-за платья? Вы ей купите другое. И себе купите. Поля, давай матери заработок!

Поленька протянет матери пачку купюр. Нюся охнет. За эту сумму можно было пошить целый гардероб.

Костик, уходя, подмигнет Поле – они вручили Нюсе половину Поленькиной доли.

А вот третий ребенок Беззубов, Анна Ивановна, будет негодовать. В свои четырнадцать Анюта не умела так блестяще считать, как Лида, не знала истории, как Нестор, не крутила гешефты, как Котька, зато писала и рисовала лучше любого взрослого. Как только в Одессу пришли денкинцы, она развила бурную подпольную деятельность.

Анькины обращения и карикатуры пользовались большим успехом. А заподозрить, что эта мелкая пигалица в заношенном гимназическом платье – большевистский агитатор, было невозможно. Анечка заходит к папе на работу, в железнодорожное депо, и будет рассыпать идеи большевизма по мастерским и вагонам. Такой ценный кадр не останется без внимания профессиональных революционеров. Помимо сюжетов и призывов она станет собирать информацию и о

настроениях населения и о численности и графике передвижений классовых врагов.

1920

И снова здравствуйте

Февраль в Одессе всегда холодный и безнадежный. Но в этом году погода полностью отражала состояние всего города. У берегов плавают густое ледяное крошево. Стонут на рейде корабли. На далекой шестнадцатой Фонтана маяк воеет самкой, потерявшей приплод: – «До-о-мо-ой» – выдыхает он басом в штормовое море и, вдохнув на одной тягучей ноте повторяет: – «До-о-мо-о-ой!» На заколоченных дачах некому идти на этот зов. Центр не лучше. Темные улицы без света в окнах, забитые витрины магазинов. После четырех вместе с туманом наползает сизая, влажная темнота. Она забирается в рукава, поднимается по ботинкам, затекает за воротники и просачивается под кожу. Этот лютый черный бесконечный холод пробирает до костей.

Анечка с разбухшими от влажности листовками в почтовой сумке бродит по порту. Ей не страшно. Здесь сотни беженцев. Груды ценностей, каких-то мелочей, никчемных пожитков и дорогих воспоминаний, внезапно и горько ставших ненужными. Те, кому удастся прорваться с пропусками на английские корабли, увезут эту тоскливую ледяную влажность с собой, как вирус с обострениями в межсезонье.

Анька бродила как в трансе. Эта тревога, отчаяние, обида, страх были такими густыми, что в них можно было макать пальцы, как в домашнюю сметану. Она, промерзшая насквозь, в мокрых ботинках, шла, шепотом повторяя названия увиденных кораблей. Линейный корабль «Аякс», крейсер «Кардифф», транспорт «Рио Пардо», у причала терся бортом о кранцы британский крейсер «Церес». Анька машинально улыбнулась, вспомнив, как мадам Полонская обозвала его «Цурес» (на идиш «несчастье»). «Цурес» очень символически принимал на борт поток беженцев. У морячков, стоящих у сходней, на лицах читались сочувствие и брезгливость одновременно.

Вместе с юнкерами Сергиевского артиллерийского училища порядок в порту обеспечивали команды англичан, потом, приняв свою квоту беженцев, они отходили и бросали якорь, давая доступ к причалу следующим судам.

Юнкера уйдут из порта последними, уже под обстрелом. На том самом «Цуресе», который, к ужасу команды, вместо положенных

семисот примет полторы тысячи человек.

Анька давно замерзла насмерть, но не могла уйти: мрачное масляно-нефтяное глубокое горе – эти металлические громады, нависающие грудью над причалами, гипнотизировали ее.

А вот наконец-то и цель ее прогулки – неисправный транспорт «Дон», прибывший в Одессу на буксире из Николаева с грузом танков для белых. Она услышала о нем во дворе от Гедали.

Гедаля смеялся: – Ну это надо быть полными поцами! Как они хотят выиграть войну? С кем? Приперли английские танки. Просто шик! Вместе с танкистами и инженерами, но у нас нема таких кранов, шоб их вытащить! Так и стоят. Вынимать их с борта на причал нет возможности. А уйтить они не могут, бо буксир свалил обратно в Николаев. Так и бултыхаются со своими танками, как... – он покосился на подававшую чай Аньку, – как цветок в проруби.

Ваня посмотрел на Гедалю: – Даже не думай. Я никуда не пойду. Война – это без меня.

Гедаля смущенно кашлянул и снова покосился на Анечку. Она вышла, прикрыла дверь. Гедаля шепнул: – Там в порту автомобили. Брошенные. Сможешь глянуть?

– Гедаля, ты что, мародерствуешь?

Гедаля насупился: – Чего я мародерствую?! Их бросили. Натаскали своих дорогих игрушек, а на борт с ними не пустили. Ты пойми, их босота все равно растащит или спалит. А мы денег заработаем, детей своих обеспечим.

Ваня молчал. Потом заговорил: – Я гешефтов на крови не делаю.

– Какой крови?! Какой? Всю жизнь нами пользовались, жирели, а теперь цапки свои вывезти не могут. Они ж уже не вернутся, ну как ты не понимаешь?

– А я смотрю, ты у нас в большевики подался, да, Гедаля? Грабь награбленное, или как там у вас?

– Дурак ты, Ваня! А насчет агроисен большевик – так за детьми бы своими лучше смотрел! Девка твоя третий день около порту ошивается!

Анечка немедленно рванула к старшим товарищам. Инициатива наказуема: ее похвалили и отправили на разведку в порт.

Офицеры «Дона» понимали всю безысходность своего положения, а еще и беженцы на борт набились и сходить не собираются.

Анечка подняла голову – вдоль борта «Дона» в спешке устанавливали пулеметы, еще десяток расположили прямо на причале. Живыми сдаваться не собираются. Но, видно, и так не судьба.

Анечка вздохнет и пойдет к бульвару. Была слышна канонада. Она, задыхаясь от долгой пробежки, доложит о пулеметах. Ее ценные данные не пригодятся – красные уже штурмовали дальние подступы Одессы.

А «Дону» утром удастся спастись самым авантюрным и отчаянным способом. Пока команда и офицеры пулеметным огнем не давали красным приблизиться к судну, две группы танкистов рванули с борта в разные стороны в поисках буксира. Второй группе повезло – на соседнем причале оказалась паровая шаланда «Сурож». Команда радостно ожидала прихода большевиков и в море выходить не собиралась. Профессионализм вкупе с отчаянием творят чудеса. Танкисты при заграничных танках были не просто боевыми офицерами, а белой костью, армейской элитой с инженерными знаниями покруче университетских. Обучались вождению своих машин в Германии. Они, как флибустьеры, взяли шаланду на бордаж. Запустить паровой двигатель для них – пара пустяков, а маузер у виска рулевого отлично мотивирует к сотрудничеству с Белой армией. Эти восемь безымянных героев вывели-таки «Дон» вместе с танками и сотнями беженцев на рейд.

За пять часов до этого, ранним утром 7 февраля 1920 года войска Красной армии войдут в Одессу. Одним из первых ворвется и захватит станцию Одесса – Товарная Григорий Котовский. Эта станция расположена всего в паре кварталов от Мельницкой и еще ближе к Дашковским дачам. Аня Беззуб, покашливая и шмыгая носом, возвращаясь домой после бесконечной ночи в порту, увидит, как герой революции братается на Алексеевской площади с Мойшей Вайнштейном.

Она с восторгом обратится к Мойше: – Я думала, ты бандит, а ты – революционер!

– А в чем разница? – ляпнет Мойша и усмехнется: – А как же! я в подполье был. Маскировался. Только никому не слова. А теперь мы развернемся!

Он действительно развернется, а затем срочно свернется. Новая власть вначале заручилась поддержкой одесских налетчиков, но не

пройдет и месяца, как Губревком, путаясь в цифрах (от двух до сорока тысяч зарегистрированных бандитов), объявит, что «всех, кто будет заниматься грабежами при Советской власти, беспощадно расстреляют. На действия прошлого времени – царизма и деникинщины – этот приказ не распространяется».

Ваня дождется, пока Аня выйдет к завтраку, и отзовет ее на разговор:

– А ну-ка, голуба моя, что пятнадцатилетняя девица забыла в порту?

– Я... я рисовать ходила.

– Ночью? Под обстрелом? К солдатам?

Ваня заводился.

– Я был уверен, что ты спишь в своей кровати! Мне еще шлюхи портовой дома не хватало! Лавры Голомбиевской спать не дают? Так она – элита, на дому принимает! Сутенерам не платит! А ты что? Хочешь, чтоб над тобой матросня пьяная надругалась и там же, в порту, притопила?

Аня пошла красными пятнами:

– Да я!.. Да вы!.. Да ты что! Да я никогда!..

– Ага! А от сифилиса такой чудный римский носик гниет и проваливается, как у черепа, ты анатомический рисунок проходила, можешь представить!

– Папа, да ты что!!!! Я в революционном подполье! Я новый мир строю!

Ваня побагровел:

– Не смей! Хватит мне одного революционера в семье! Совсем распустились! Любишь рисовать? Сиди картинки рисуй! На курсы пойдешь, образование получи! Хочешь свобод дамских – иди работай! В революции она мне играть будет! Выпорю и не посмотрю, что барышня!!!

Анька зашлась приступом кашля до синевы.

Ваня приложил ей руку ко лбу:

– Да у тебя же жар! Ира! Срочно в аптеку! Анька горит!

Он уложит революционерку, выйдет в коридор и вытащит из-под лавки ее ботинки. Подошва совсем тонкая стала – как она в них по морозу гоняет? Ботинки были мокрыми насквозь, и у Вани защемило сердце от нежности и боли. Господи, ну почему, за какие грехи? Ну

почему мои дети не хотят просто учиться, просто влюбляться, жениться и жить счастливо? За что и зачем они все время сражаются? Мало нашей семье независимых от нас бед – революций, забастовок, погромов, войн, грабежей? Хоть тут, в глухом углу на Мельницкой, будет мир и покой?

Ира придет из аптеки, он наклонится и расшнурует ее обувь – тоже пора менять. Подержит в руках замерзшие ступни. Фира замрет на лавочке от удовольствия и зажмурится:

– Хоть дома все хорошо. А то опять грабеж на Степовой. Хоть бы какая власть наконец-то установилась, все спокойнее будет.

Ее желание исполнится. Но советская власть устроит собственный грабеж – официальный и организованный. Аня, к большому неудовольствию родителей, станет рупором революции – выиграет конкурс Агитпрома на тематические листовки: выполняй разверстку, отбирай земельные излишки, реквизируй инвентарь, лови дезертира, гони в шею петлюровских шептунов и т. д. Вместе с победой она получит гонорар и рабочее место. Вместо последнего года обучения в гимназии Анька станет вести колонку с карикатурами в новоиспеченной советской газете «Станок» и учиться в «Первой пролетарской студии», которая еще в прошлом году называлась школой рисования и живописи. Ее рекламные объявления и афиши для синемаатографа буду пользоваться большим спросом, равно как и новые идеологически выдержанные фантики для старых конфет экспроприированной фабрики братьев Крахмальниковых.

Юная студентка съедет в общежитие к подругам. Зарабатывать в семье Беззуба умели решительно все, равно как и тратить. Вместо быта и готовки она предпочитала обедать в «Фанкони» на углу Екатерининской и Ланжероновской, чтобы своим пролетарским огнем зажечь это буржуйское заведение. Правда, проклятуший кашель третий месяц не давал покоя. Простуда, подхваченная в ночном порту, никак не заканчивалась.

Между едой и зарисовками Аня отлично «грела уши», прислушиваясь к многочисленным спекулянтам и валютчикам, потому что их Ревком приравнял к контрреволюционерам.

Благодаря добытой ею информации чекисты 1 марта провели грандиозную облаву в «Фанкони» и окрестностях, накрыв и подпольную валютную биржу, и центр заказа и сбыта фальшивых

денег и документов – пропусков, мандатов, справок. Задержали массово больше тысячи человек. Анька, подававшая сигналы у окна, вдруг увидела в толпе, которую стали выстраивать вдоль улицы, Мойшу Вайнштейна. Она бросилась к руководителю операции:

– Отпустите Михаила! Это ошибка! Он личный друг Григория Котовского! Он в глубоком подполье, на задании!

Ее как проверенного товарища послушают. Мойша спасется от расстрела на месте.

Нестор-летописец

Весной 1920-го, пока Анька будет бороться пером и кистью с врагами Родины, истерзанные голодом и тифом отряды УГА перейдут на сторону красных. И Нестор снова вернется в Одессу. Революционная добавка к имени – «Червона украинская галицкая армия» не поможет: союз большевиков и галичан оказался очень коротким и драматично предсказуемым.

– В госпитале у мамки шушукаются, – сказал Петька Нестору, – что всех ваших выздоравливающих отправляют на фронт в разные части, а некоторых вообще вывозят и стреляют.

– А в некоторых стреляют каждый вечер на улице, – огрызнулся Нестор, ставший за пару лет не просто подкованным, а экспертом по части импровизаций.

Иван Несторович присел за стол.

– Нестор, послушай, у меня муторно на душе. Я видел у нашего депо такое, что спать по ночам не могу. Не верь большевикам. Уходи из города. Выезжай на Западную Украину, в Польшу. Хочешь, в Америку на корабле. И в одиночку. Ваших ловят. Ловят и отстреливают.

Ну конечно, кто в семнадцать лет верит нудному папе-инженеру? И Нестор не поверил. Он ходил по квартирам, где прятались его новые боевые друзья, посещал страждущих собратьев в госпиталях и снова пошел по знакомым бабам. Его пламенные речи разожгли не одно сердце и собрали целый «Комитет украинок», которые посещали госпитали с домашними обедами для раненых соотечественников.

Нестор заскочит домой: до Товарной станции – рукой подать, а в Одессе весна в разгаре, абрикосы в молдаванских дворах цветут и

пахнут так, что голова кругом.

– Там заварушка нехорошая в Тирасполе – часть наших хлопчиков перешла опять к Украинской народной республике. Надо уезжать. Нам теперь здесь веры нет. Во Львов отбываем вечером. Спасибо, хоть отпускают. Телеграфирую оттуда. – Нестор обнимет Фиру, и она крепко-крепко вцепится в его пропахшую поштою и махоркой шинель.

– Отца, жалко, не застал, но, может, еще по дороге встречу. – Он чмокнет маму, потреплет по волосам Котьку и, подхватив котомку с Фириным пирогом, пойдет через вечерний парк.

На Товарной стояли теплушки. Восемь лошадей или сорок человек – значилась на борту норма загрузки. Нестор ухмыльнется и зайдет в вагон. Паровоз все не подавали. Люди попытались улечься спать. Нестор, засыпая, думал, как сейчас ругается его папа, как «строжит» мастеров и лично идет разбираться, в чем загвоздка.

Иван Несторович возвращался домой за полночь. Железная дорога как самый лакомый и стратегический кусок была первоочередной на захват у любой новой власти. А инженеров было мало – половина мастеров разбежалась из такого беспокойного места. За Дашковскими садами, на Товарной станции были слышны долгие пулеметные очереди.

«Когда угомонятся уже?» – подумал он и вошел во двор.

Поезд окружил отряд ЧК. После обстрела чекисты зашли в каждый вагон проверить и добить раненых. Расправу списали на самочинный гнев народных масс. В газетах напишут, что галицкий отряд «пал жертвой гнева рабочего класса, возмущенного их предательством».

Михаил Червоный, «личный друг Григория Котовского», он же Мойша Вайнштейн, присмотрится, наклонится: – Твою ж мать! Торик! Торик, сука!

Он потащит окровавленное тело из-под трупов. Приложит пальцы к шее. И не сможет отдать должок Аньке Беззуб: Нестор был мертв. У Мойши не было правил и законов, но было детство в молдаванском дворе. Это оно тлело и жгло папиросным огоньком в кромешной темени его сердца. Он сплюнет и свистнет товарищей: – Этого вытащить! И в парк выбросить!

Зайти Мойша не сможет – пошлет беспризорника. Фирин звериный вой перебудит всю Мельницкую. Она будет выть сутки, выть и качаться, не пить, не есть, не спать. Сидеть на полу с разорванным

подолом и выть в потолок. Заплаканный Ваня будет заниматься похоронами. Нестора понесут отпевать в Алексеевскую церковь, туда, где восемнадцать лет назад его крестили. Каменная Лида в идеально скроенном черном платье будет глотать слезы и не скажет ни слова. Анька и Женя будут по-детски горько голосить и обнимать Костика, который спрячет лицо в Анькиной юбке. Ривка и Нюся будут буквально волочить по улице за гробом Фиру. А у Ванечки в висках будет биться и стучать та далекая пулеметная очередь на Товарной. Он ее слышал. Он ее слышал. Он мог успеть.

Фира после похорон не скажет ни слова. Еще несколько месяцев в любую погоду она будет приходить на кладбище и ложиться щекой на могилу. К вечеру отряхивать платье и возвращаться домой. И молчать, молчать, молчать...

Гордеева после похорон вlepит задержавшемуся в депо Петьке такую оплеуху, что он отлетит и шлепнется на задницу.

– Не смей ходить поздно! Не смей! Увижу с политическими или на митинге – шкуру спущу!

Она разрыдалась и схватила ошалевшего Петю за голову.

– Питер, собака! Умру, если с тобой что-то случится!

Наливай

Железный Феликс лично прибыл в Одессу в июне 1920 года вдохновить чекистов и потребовал от местных товарищей «активизации борьбы с контрреволюцией». Одесский ГубЧК высокое доверие оправдал – поднял новую волну террора и отrapортовал об «уничтожении многочисленных контрреволюционных организаций с сотнями членов».

В такой плотной национализации и борьбе Беззубу ничего не оставалось, как добровольно-принудительно подписать отказ от имущественных претензий и просьбу принять его виноградники в Курсаках в фонд революции.

– У нас опять ничего нет, – скажет Ваня, присев на диванчик с бесполезной купчей в золотых гербовых и сургучных печатях. Купчая в руке мелко тряслась.

– Ни-че-го. Мы нищие. Я не знаю, почему я должен отдать все, что заработал, но если этого не сделать – нас расстреляют. Ты потеряла со

мной двадцать лет, а я так и не построил тебе дом.

Фира села с ним рядом и впервые после смерти Нестора посмотрела Ванечке в глаза:

– И слава Богу! И на кой мне горбатиться на тех виноградниках и не спать, думая – сопьешься ты на дегустациях или нет. У меня есть ты и дети.

– Ну раз ты больше боишься, что я сопьюсь, тогда наливай – очень хочется нажраться сегодня, как Гедаля. Давай, Ирочка, помянем наше прошлое, проводим по-людски.

Они будут пить до рассвета. Утром Ирка укроет мужа, поднимет смятую купчую и спрячет в шкатулку – вдруг когда-нибудь пригодится, такие деньжищи уплачены.

1921

Адиёт

Кто только не водился в Одессе – революционеры- большевики, меньшевики, анархисты, монархисты, кадеты, самостийники и просто бандиты и грабители. И вся эта мутная и муторная политическая карусель очень тревожила Ванечку. За себя он не волновался – паровозы, тем более исправные, были нужны всем. А вот судьба детей и жизнь Фиры... Он не мог забыть того погрома, ее беспомощности, своего ужаса и страха ее потерять. Правда, сейчас достать неплохой ствол легче, чем купить приличного мяса. Иногда даже дешевле. Оружие было буквально в каждом доме на Молдаванке. Даже с Нюсей кто-то из клиентов рассчитался изящным дамским браунингом. Нюся сначала попросила Ваню научить им пользоваться, а к концу урока, страдальчески закатив глаза, попросила «оставить это безнадежное предприятие и просто вытащить все пули».

Для кокетства она периодически носила его заткнутым за чулочную резинку на рынок, пару раз роняла до колен уже во дворе. А потом стала использовать как аксессуар в ролевых играх.

Ваня таким мелким баловством не интересовался, поэтому еще в восемнадцатом приобрел у Семы в комплект к дедовскому «манлихеру» более компактные и современные модели для ближнего боя. Пара револьверов была им приведена в полный порядок, начищена и откалибрована. Через полгода после смерти Нестора он вызвал Фиру в гостиную и положил на стол наган.

– Ирочка, смотри. Это очень просто.

Фира скривилась:

– Он какой-то жирный весь.

– Ира, он тебе может жизнь спасти. Или детей защитить. Надо напоминать?

– Не надо, – Фира нахмурилась. – Ну, показывай.

Ваня трижды медленно, занудно объясняя все детали и принципы работы, разобрал и собрал пистолет.

– Запомнила?

Фира посмотрела скучающим взглядом:

– Не очень.

– Тогда сама теперь собирай.

С третьего раза у нее получилось.

– А теперь, – сказал Беззуб, – бери его в руку и целься.

Фира хихикнула и навела пистолет на окно.

– Руку тверже держи, второй обхвати. – Ваня зашел ей за спину и, приобняв, не выдержал и поцеловал в шею.

Фира хихикнула. Сзади скрипнуло кресло. От неожиданности Фира ойкнула и уронила оружие. Ванечка чудом подхватил его в воздухе за рукоятку и рывкнул:

– Осторожнее! Ногу себе прострелишь!

Сзади, в углу, зарывшись в кресло у книжного шкафа, сидела не дыша Женька с распахнутыми глазами.

Фира как девчонка покраснела: – Ты что здесь делаешь?!

– Читаю! – огрызнулась Женя. – А что? Нельзя?!

Ваня вздохнул: – Да можно.

– А можно мне? Можно? Пожа-а-алуйста!

Женя, высунув язык от усердия, медленно, но совершенно правильно разрядила и зарядила пистолет. – А как стрелять? Куда целиться?

Ваня с удивлением наблюдал за ее потугами.

– Надо же, поняла с первого раза. Как стрелять – не твоего ума дело, если вдруг что-то случится – целься в живот, попадешь полюбому, если рядом будут.

– А если далеко будут? – не утихала Женя.

– А если далеко – значит беги и не оглядывайся! Вильгельм Телль в юбке нашелся!

Иван отдал второй ключ от своего стола Фире, чтобы в случае чего она могла защититься. А сам, разумеется, не остановился. Его страсть к механическим игрушкам нашла новое русло. И за пару месяцев он натаскал в дом разного стреляющего железа. Беззуб собрал приличный арсенал, подойдя к вопросу отбора с точки зрения старого оружейного знатока и инженера. Тут были и первые пистолеты для ближнего боя, карабины для средних дистанций, среди них почетное место занимал подарок деда – «манлихер» и изюминки коллекции – две винтовки с суперредкой тогда цейсовской оптикой, одна укороченная – для

средних дистанций, а вот вторая – настоящий дальнобойный монстр, под усиленный винтовочный патрон.

Этот момент доставил Ивану особое удовольствие. Он целую неделю высчитывал пропорции и тип пороха для снаряжения патрона и несколько раз забирался в катакомбы для контрольного отстрела боеприпасов, подбирая вес и форму пули. Сема, углядев такой нарядный ствол, любезно предложил свой выход в катакомбы не выходя из двора – за право посмотреть и попробовать.

В конце концов, подобрав оптимальный вариант, Иван снарядил три сотни патронов, хотя так и не смог сам себе пояснить, зачем ему столько. Просто мужчина сделал то, что подсознательно считал необходимым. Сема предложил Ване взаимовыгодный бартер – оружие в обмен на ремонт аналогичных моделей для господ бандитов. Так Ивану достался практически весь арсенал и, кроме того, два ящика патронов.

Даже если ты гений инженерной мысли, который просчитывает все, включая исторические события, на два шага вперед, то твои дети все равно тебя «сделают». Причем самым неожиданным и глупым способом.

Пока Иван развлекался со снаряжением патронов, оторва Женька сумела добраться до револьвера в ящике его стола – папа просто оставил ключ в замке.

Начитавшись детектива «Истина о Золотой Ручке» местного Конан Дойля, отставного помощника одесского исправного урядника Виталия фон Ланге, Женька решила стать не менее роковой дамой. Она подвела жженной пробкой глаза, накинула на сорочку Фирин шелковый халат, встала перед зеркалом и крутанула барабан. Ах эта гусарская рулетка! Как романтично и драматично! Она посмотрелась в зеркало и склонила голову, точно как мама, подставляя шею под поцелуи отца. Прижалась виском к дулу. Она бы могла сыграть в фильме.

Это был револьвер офицерского образца – самовзвод, с довольно тугим курком – Иван отрегулировал его под свою руку. Беззуба всегда раздражали слабые пружины в любом механизме – он предпочитал чувствовать сопротивление спускового механизма, считая это лучшей характеристикой надежности и безотказности оружия.

Женька пыталась сохранить загадочное лицо и одновременно изо всех сил давила на непослушный курок, не отрываясь от зеркала.

Точно перед выстрелом в комнату заглянул Петька. Он даже не успел вскрикнуть. Расстояние от двери до револьвера Петька пролетел каким-то непонятным длиннющим звериным прыжком. Как он успел выбить из ее рук револьвер-самовзвод, он так и не смог пояснить ни сразу, ни потом... Комната была большой, трюмо в тяжелой дубовой раме стояло между двумя высоченными окнами, бросающими длинную тень в форме креста на деревянные полы. Петька ударит по руке и по инерции рухнет на Женьку. Выстрел слегка опалит ее висок и немного контузит. Женька больно грохнется на пол спиной и закричит от страха и боли в опаленном виске и ушибленной руке.

– Дура! Дура! – Петька с трясущимися руками подскочит как ошпаренный и стукнет ее ладонью по голове. – Ты что сделала?

Женька горько разрыдается от ужаса и осознания чиркнувшей по виску смерти и предстоящего наказания.

Петька никогда не видел, чтобы Женя плакала. Ни когда они дрались с малышами за мячик, ни когда она упала с дерева и распоролла ногу, ни когда проигрывала в дворовых играх и подставляла лоб под щелбаны, и даже после визита разъяренной классной дамы к ним домой после уроков.

Пуля ушла в верхний угол комнаты, пробив потолок, дражку, камышовое перекрытие и крышу. Отверстие было маленьким, но летом окна и двери открыты настежь.

Петька окончательно растерялся от нахлынувшего адреналина и полной беспомощности – как чинить женские слезы, его не научили. Он внезапно погладит Женьку по голове, по жестким чернящим проволочным волосам, рассыпавшимся из-под гребня, а она так же внезапно уткнется мокрым горячим лицом ему прямо в сердце и громко шморхнет носом. Петька окаменеет. Он не знал, что его тело может не слушать приказов мозга. И прямо сейчас с ним происходило что-то пугающее и прекрасное одновременно.

Выстрел слышал весь двор. Через минуту в квартиру влетят Сема с оружием и вооруженными сыновьями, Ваня, выскочивший из Семиного подвала, Нюся и другие соседи.

Слава богу, Гордеева была в больнице, а Фира отлучилась на рынок с младшими, и немедленное членовредительство и знатная порка

обоих была отложена на неопределенное время.

Петька, отскочивший от Женьки, повел себя как рыцарь и угрюмо сообщил, что решил почистить оружие и случайно нажал на курок, чем очень напугал Женю и дражайших соседей... и очень извиняется и больше так не будет... И дырку замажет, а пистолет вычистит и зарядит.

Иван Несторович слишком хорошо знал свою дочь и ключ в ящике он тоже успел заметить. Но промолчал. А Петька с еврейским красноречием и немецкой упертостью ушел в глухую оборону: хотел почистить, виноват, больше не буду – это все, что смогли выдавить из него соседи, хоть и грозили всеми небесными карами – результат был тот же.

Кровавый режим

Анечка обняла именинника: – Константин, тебе уже десять! С первым юбилеем! Ты уже настоящий мужчина – пора валить из дому!

Она торжественно выкатила из-за двери велосипед. Он был не новым, но совершенно необыкновенным: рама была расписана в революционном стиле супрематизма, на руле висели полоски и квадраты из раскрашенной парусины, вдоль рамы шли лозунги: «Товарищ! Дай дорогу молодежи», «Вперед – к победе коммунизма!». Костик зашелся от восторга:

– Ты! Ты! Ты самая крутая сестра!!!! Люблю тебя!

Он уткнулся Аньке в ребра и стиснул изо всей силы.

Анька зашлась кашлем:

– Ой, отпусти, задушишь!

– У тебя что, турбукулез? – удивленно спросил Костик.

Анька кашляла и хохотала:

– Угу. Турбукулез и острый недоедоз. Кормить будете?

– А Лидка мне, знаешь, что подарила? – шепнул он Аньке. – Она мне подарила чашку с блюдцем и ложку с буржуйским гербом. Сказала: ложка чистое серебро – все болячки в воде убивает, а чашка какая-то царская и стоит чуть не мульйон. А картинка на ней девчачья. Анька, ну что это за подарок? Лучше бы мороженого принесла!

– Не ворчи! Она тебе приданое собирать начинает. Будешь ты завидный жених – станешь девчонок из царской чашки поить, а они

подумают, что у тебя целый сервиз и замуж попросятся!

– Да ну! А вдруг попадется такая вредина, как Лидка! Не хочу!

Фира беспрестанно подкладывала Аньке куски покрупнее и походя целовала:

– Бледная какая, худая совсем. Ты хоть там, в своем общежитии, питаешься?

– Питаюсь, мам, не наваливай, я лопну скоро.

Аня отодвинула едва начатую еду.

– Не могу больше. Объелась.

– Давайте играть! – предложил Котя. – Чай и лото!

– Слово именинника закон, – согласился Ваня.

Со стола снесли тарелки, вытряхнули на галерею скатерть и разложили фрукты, пирог и карточки. Котьке подали чай в новой фарфоровой чашке.

– Пусть Лидка кричит, – закомандовал Костик.

Лидка хмыкнула:

– Ну держитесь, босяки! – Она затарахтела как пулемет, без пауз и передышки:

– Барабанные палочки! Слободка! Тудой-сюдой!

– Я не понимаю и не успеваю, – заканючила приглашенная Поля.

– Не играй с нами! Это взрослая игра, – отрезала Лида.

Котя зашептал подружке:

– Бестолковая, барабанные палочки это одиннадцать, слободка – пятнадцать, трамвай такой туда ходит. Тудой-сюдой – шестьдесят девять.

– Почему? – громко удивилась Поля.

Лида прыснула, Фира покраснела. Котя бодро отрапортовал:

– А одинаково: как ни крути, шо тудой, шо сюдой.

Женька радостно завопила:

– Хата! (на ее карточке осталась незакрытой в линии всего одна цифра.) Лида недовольно хмыкнула и сбросила пригоршню бочонков в мешок. Оставила один и огласила:

– Жиды на молитве!

За столом повисла тишина. Дети замолкли и оглянулись на маму. Фира окаменела.

– Лидия Ивановна, потрудитесь называть цифры!

– Да ладно тебе, все так говорят!

– У нас в доме так не говорят!

– Ой, можно подумать, – фыркнула Лида, – или мы не православные уже?

– Мы атеисты вообще-то, – отозвалась Аня с вызовом.

– Я – католичка – гордо откликнулась Поля.

Ваня стукнул по столу:

– А ну прекратить митинг и агитацию! Кстати, я выиграл.

– А «на молитве» это сколько? – громким шепотом переспросила Поля.

– Тридцать три, Полиночка.

Пока Поля задумчиво чертит в воздухе пальчиком две невидимые тройки, Фира смотрит на нее не отрываясь – эта рыжая девчонка так ладит с ее сыном. Неужели будет как у них с Беззубом?

Чай допили, хитрая Лидка уехала в свои профессорские, хоть и уплотненно обрезанные, но хоромы на Княжеской. Анька вместе с Женькой перетирали свежевывытую посуду.

– Боже, как дома хорошо! – вздохнет Анька и снова закашляется. Она машинально прикроет рот полотенцем.

– Да что за зараза такая!

Фира метнется к ней со стаканом воды и, когда Анька отнимет полотенце от губ, увидит кровь. Она пошатнется, но удержится и в обморок не завалится.

– Как давно?

– Что давно?

– Как давно кровью харкаешь?

– Да не харкаю я. Просто кашляю. Ну было пару раз. Потом прошло. – Анька покрылась испариной.

– Мам, не пугай меня.

– Не пугай?! Аня – это чахотка, туберкулез! Ты остаешься дома!

– Мама, ты чего? Если это туберкулез, я ж вас всех заражу... – Анька осеклась. – Если уже не заразила... Я домой. Завтра к врачу пойду.

– Завтра мы утром приедем и отвезем тебя к врачу. – Фира обняла длиннющую худющую Аню, и та разрыдалась ей в плечо. Фира гладила ее по спине долго-долго и все шептала и шептала что-то ласковое, неуловимое.

Их обеих сжимала в своих каменных объятиях Женька и тоже плакала.

– Мам, ты опять на идише говоришь, непонятно же, – оторвалась Женька от рыдающей парочки.

– Женя, замолчи свой рот. Спать иди!

– Анечка! Анечка! – На пороге стоял зареванный Котя. В руке он держал серебряную ложечку с фамильным гербом Ланге.

– Анечка, на!

Он сунул ей ложку, обхватил за талию и горько зарыдал:

– Анечка, я тебя больше всех люблю! Не умирай, пожалуйста! Эта ложка, она все бактерии убивает! Ты ей все размешивай, пожалуйста! Может, надо ее во рту держать?

Анька хохотала и размазывала слезы по лицу.

– Котька! Я не сдохну! Буду ложку сосать, на солнце ходить. В Одессу все лечиться едут, а мы тут живем. Разберемся. Мне еще на свадьбу твою надо посмотреть. Хочу видеть, кого ты охмуришь.

Откуда не ждали

За двадцать один год супружеской жизни Фира как настоящая одесская хозяйка разработала собственный свод ритуалов и рецептов на все случаи жизни. Самым эффективным средством в любой невыносимой жизненной ситуации была трудотерапия. Тут она была совершенно согласна с мадам Гордеевой. Еще в далекие времена погрома девятьсот пятого та присоветовала ей в больнице:

– Главное – что-то делай! Хоть в жопе ковыряйся! Но делай!

Вот и сейчас, приговаривая, как заклинание, прибаутку Фердинандовны, она, всхлипывая, перемывала посуду, отдавая ее кипятком. В кастрюле рядом кипели полотенца и скатерть.

Ваня сидел с листком бумаги и писал список. У него был свой способ успокоиться – представить самое страшное и найти пути решения при всех раскладах. Но сегодня самое страшное он проговорить отказался. В списке, опережая время, выстраивалась простейшая блок-схема-алгоритм: если да – то, если нет – то.

Рядом он выводил список знакомых через знакомых, кто был бы близок к фтизиатрии. Начиная от Гордеевой, заканчивая знакомыми инженерами и их семьями.

Все, что он читал и знал о чахотке, было хаотичным и пугающим. От высокой смертности до робких успехов диетологии и солнечных ванн.

– Я не переживу второй смерти за год. Слышишь? – сказала Фира и ушла в спальню.

Утром они приехали в студенческое общежитие. Ваня зашел за вещами. Господи... Полутемный цоколь. В углу возле самой Анькиной кровати полстены в черной плесени. Анька покашливала: – Та тут раньше больше было. Но как дождь пройдет, опять все намокает и цветет.

Ваня еле сдерживался от злости на себя. Как?! Как он мог отпустить свою золотую Аньку, не навестить, поверить на слово, что все хорошо! Тут здоровый мужик загнется, не то что девочка с чахоткой.

Поездка в больницу, очередь из кашляющих босяков, усталый врач, глянувший с укоризной на Ваню с Фирой:

– Шестнадцать лет... Куда вы смотрели! Граждане, мест в санатории нет. Я путевки уже на следующий год выдаю. Пробуйте своими силами. Уже всё можно – на пляж каждый день, диетическое усиленное питание. Можно попробовать закаливание... если выдержит.

Анька взорвалась:

– А ничего, что я тоже здесь сижу? Или покойникам слова не дают? Мам, пойдём отсюда!

Ваня вышел: – Никакого общежития! Ты идёшь домой.

Анька заплакала:

– Папа, не надо! Я же всех заражу, какая теперь разница, где умирать. Ксюхе всего три. Про других детей подумайте!

– Я решил. Не обсуждается.

Анька поселилась королевой в дальней солнечной комнате. Фира сняла тяжелые гардины и распахнула окно, вымыла полы, застелила крахмальное белье.

Трудотерапия практически не помогала. Фира, сдерживая слезы и улыбаясь, схватила кошелку:

– Я на базар, попробую курицу достать!

Она вылетела во двор и, отойдя подальше к арке, разревелась, упершись лбом в стену.

Спасение пришло откуда не ждали.

Мадам Полонская обняла Фиру:

– Ирочка, солнце, не убивайся так! Сейчас мы все порешаем. Если он, дай бог, жив и не сбежал в девятнадцатом.

Она шуршала в разбухшей крошечной записной книжке в кожаном переплете.

– Ты же фартовая. Сейчас мы найдем, я точно писала... Вот он! Мося Кранцфельд! Правда, дом аж на Десятой станции Фонтана. Мося был такой душка. Я больше с его старшим братом Давидом общалась. Это было что-то особенного. Мося же потом в Одессе первый открыл лечебницу для чахоточных. Или как там! Я в газете читала за их открытие. Боже, такой талантливый! Хоть бы не драпанул в эмиграцию! Шо тут я разлила, – причитала Полонская, вглядываясь в блокнот, – дома не видно – только улицу...

Мося, он же Моисей Йосифович Кранцфельд, оказался первой большой удачей Беззубов. Полонская была права – лучше его просто

не было.

Моисей Йосифович был несказанно удивлен крикам. В вечерней июльской неге, заглушая стрекотание цикад и первые соловьиные трели, раздался душераздирающий женский вопль:

– Кра-а-анцфельд! Кра-а-анцфельд!!! Моисей Йосифо-ви-и-и-ич!
Кра-а-анце-ельд!!

Шестидесятилетнее светило отечественной фтизиатрии выглянуло в калитку:

– Кто там надрывается? – сурово прикрикнул.

От ближайшего переулка к нему навстречу бросилась растрепанная маленькая еврейка и рухнула на колени в пыль.

– Умоляю!

За ней следом бежал огромный белобрысый мужик. Кранцфельд лихорадочно соображал, что за спектакль здесь разыгрывается – то ли погром, то ли грабеж.

Мужик домчал до дамы и схватился за калитку.

– Спокойно! Буквально одну минуту вашего времени!

Через десять минут они пили чай в саду.

Фира с опухшими от слез глазами уже смеялась:

– Да Софа Полонская до сих пор не может забыть ни вас, ни вашего брата. А номер дома в блокноте ее затерся. Вы уж простите за крики. Это я от отчаяния.

Моисей Йосифович был не просто фтизиатром. Это он с тремя коллегами в 1911 году основал в Одессе на Нежинской первую в Российской империи организацию по борьбе с туберкулезом. А меньше чем через год, в феврале 1912-го стал одним из «первооткрывателей» противотуберкулезной амбулатории-попечительства «Белый цветок», созданной на деньги жертвователей.

Фира обомлеет: – Как это?

В далеком 1911 году она вместе с Ривкой, Нюсей и годовалым Котькой в колясочке будут собирать средства на борьбу с туберкулезом, продавая целлулоидные ромашки. Сегодня ее душевный порыв вернулся сторицей.

– Так что не волнуйтесь, – Моисей Йосифович похлопал Ваню по плечу. – Организм молодой, справится. Приходите завтра на прием. Без очереди.

Ваня с Фирой притащат Аню по указанному адресу.

«Кранцфельд М. Й. Заведующий туберкулезной секцией Одесского губернского отделения охраны здоровья» – значилось на новенькой латунной табличке.

– Ого! – Анька с уважением покосилась на родителей. – Ничего себе у вас связи.

Моисей Йосифович осмотрит и прослушает Аню, возьмет мазки. Насмешит Аню с Фирой и попросит Ваню задержаться по вопросу железнодорожных билетов в Москву.

– Ситуация очень запущена, – сообщит он Беззубу. – Девочка на краю могилы. Ей не выжить без усиленного питания. Где его найти в наш голод, я не знаю. Масло, молоко, шоколад, солнечные ванны, все время на воздухе. Снимите дачу, покупайте лучшую еду. Процедуры я выпишу.

– А санаторий? – Ваня просчитывал варианты. – Одесса? Крым? Там же лечение, питание.

– Ой, это слезы... «Белый цветок» еще функционирует как лечебница и санатории тоже. Но с питанием перебои. А девочка в четвертой стадии. Через пару недель будет совсем поздно.

Ваня постучал к Гедале:

– Гедаля, у твоих можно раздобыть шоколад и масло какао?

– Да откуда?

– Любые деньги, – Ваня еще не знал, где он их достанет. Его приработок с пружинами был почти нулевым – войны и большевики не располагали к музыкальным вечерам под патефон.

– Кецале, ты пойми, у меня дочь умирает. Ее кормить надо.

Гедаля засопел:

– Да я знаю уже. Но всех наших постреляли. Сами боимся. И я ж больше по зерну, а не по дорогим товарам. А чего ты к Вайнштейну не пойдешь? Он же как раз коммерцию мутит и с портом, и с большевиками.

Ваня вышел от Гедали и остановился в центре двора. Девиз «Лучше смерть, чем позор» в отношении родной дочери не работал. Сомнения и колебания между чистой совестью и жизнью своего ребенка были секундными. Ваня пошел домой. Через пять минут он стучался к Семе- Циклопу.

Сема посмотрел рабочим глазом в руки Ване – тот держал дедовский шикарный «манлихер».

– Тебе ж давно нравился? Меняю! На шоколад и масло какао.

Семен ошалел:

– Беззуб, ты что? Меняешь коллекционный ствол на сладкое?!

– На жизнь я меняю. Ну, берешь? Смотри, я передумаю.

Любопытство победило коммерческий интерес.

– Да вус трапылось?

– У Анечки – чахотка. Уже кровью харкает. Сказали, без усиленного питания не выживет. А где его достанешь?

Сема насупился: – Ну сожрешь ты свой «манлихер», а дальше что? Ей же не разовое питание надо, ей условия санаторные нужны.

– В санаториях голодно сейчас. Я узнавал.

– Ну, смотря в каких. Потерпи до завтра. И ствол заberi. Я этой девочке должен.

На следующий день сияющий Семен ломился к Беззубам:

– Ирина Михайловна, танцуй, шо ты там умеешь неприличное!

Ваня – ты мне должен ящик водки ну и вообще должен!

Сема опустил на стол желтоватый листок в красных печатях.

– Что это? – спросила Фира и потянулась к бумажке.

– Это ваш козырный туз! Санаторий «Черноморка»!

Ваня наморщил лоб: – Черноморка? Это ж за городом?

– Точно у самого моря, прям за Люстдорфом, за немецкой слободой.

– Даже не слышала, что там такой санаторий есть... Там вроде детский.

– Детский – то конюшня на четыреста коек. А за этот всем знать и не надо.

Сема просто пританцовывал от возбуждения:

– Я таки герой героический! Ваня, ну женщины народ недалекий – не понимают с первого раза, ты хоть прочти!

На путевке значилось: «Санаторий «Черноморка» общества бывших политкаторжан и ссыльно-переселенцев».

– Ну? – Сема подмигивал и облизывался: – Соображаешь?

Ваня смотрел в листок: – Нет!

– Политкаторжане откуда? Правильно, с каторги! Болеют политические в основном чем? Ну кроме сифона? Точно – туберкулезом! А кто у нас нынче бывшие политкаторжане? Ну, Беззубы, не огорчайте меня!

– Начальство, что ли? – предположила Фира

– Умница! Наши таки умнее этих русских, не в обиду тебе, Ванечка. Все начальники ревкомов, вся чекистская элита, вся номенклатура – высший эшелон – страдальцы и сидельцы за дело революции. И там теперь помимо солнца с морем и процедур еще и питание по высшей категории – как для ценных кадров революции. Шоколад, масло какао, коньяк, свежие яйца, самые жирные сливки, козье молоко – все там!

– Откуда масло с молоком? Голод кругом!

– Так у немцев. Им разрешили вместо продрозверстки поставлять продукты в санаторий. Артельщики местные (он гордо показал на себя) твердой валютой платят – золотыми червонцами. И всем хватает – и немцам, и отдыхающим каторжанам, и нам, на хлеб с маслом. Представьте, немцы соревнования устроили – чья сметана жирнее, а мясо сочнее. Там с такими харчами любого воскресить можно.

– Я твой должник, – Ваня пожмет руку Семе. Тот внезапно станет серьезным:

– Не должен. В расчете – закрыли погромы и расстрелы. Мы – по нулям. Снова ровненько. Можно обоим спать спокойно, – ухмыльнется, – а насчет дружеских обiazов, так я попрошу – не заржавеет.

В дверях Сема столкнулся с Гедалей.

Кецале заглянул за кружевную занавеску – двери во дворе летом не запирались.

– Ваня, выходи!

В своей лапище Гедаля держал полмешка муки:

– Ты прости, что половина, эти суки денег не хотели, только продукты. И вот! Добыл! – Он вытащил промасленный пахнущий мышами пергаментный сверток – в нем лежала пара раскрошенных кусков отдающего горечью масла какао.

– Пол-Молдаванки обрысачил! И к чаю Анечке, – из другого кармана Кецале бережно извлек Ривкин вышитый платочек узелком – в нем была горстка изюма.

А вечером к Беззубам нагрязнула Гордеева с кошелкой. Как обычно, без стука и ненужных приветствий.

– Это как называется? – негодовала она. – Это почему я последняя узнаю? Что, мы лечиться к медработникам больше не ходим?!

Ваня покраснел, как школьник:

– Елена Фердинандовна, ну право, нельзя постоянно вас беспокоить. Мне неловко уже было.

– Значит, срамные места свои мне показывать не совестно, а про то, что у дитя ТБЦ, так им неловко! Ненавижу!

Фердинандовна грохнула об стол настоящей общипанной курицей.

– Вот! Бульон еврейский вари! Надеюсь, ты не забыла, как это делать?

Фира уставилась на курицу:

– А как... а где ты... вы ее добыла?

– Из срамного места, разумеется. Нынче полюбовницы наркомов все больше натурой платят, а не деньгами. И вот – с коньяком и молоком накрути ей гоголь-моголь!

Елена торжественно выудила из кошелки три куриных яйца.

Фира с Ваней уже не стеснялись слез, а соседи все шли и шли с драгоценными нищенскими подарками, оторванными от собственных детей. Но когда конченный пропойца-камнетес Макар из-под лестницы принес шкалик водки со словами: – Может, там для растираний сгодится. Нет больше ничего съестного, – Фира разрыдалась и бросилась ему на шею.

Закормленную Анечку Кецале аккуратно, как хрусталь, отвезет в Черноморку.

– Мамаша, шо вы ездите, как нанятая? – ворчал санаторный врач. – Тут закрытый режим. Не отвлекайте отдыхающую. У нее все по минутам расписано.

Такая кардинальная смена обстановки и питания плюс местные инквизиторские процедуры вроде сеансов бронхоскопии с откачиванием мокроты совершили чудо. Анька порозовела и ожила.

После санатория началось домашнее восстановление. Фира взяла под жесткий контроль ее режим – отбирая краски и выгоняя революционерку на море в компании Котьки.

На дому

Бабы рожали при царе, в революцию, во время войны и холеры, и советская власть их тоже не остановила. Елена Фердинандовна никогда не оставалась без работы. И красные в городе ее аж никак не

смущали. К родам добавились ножевые и огнестрел, а вместе с ними абсолютная неприкосновенность и почтение. Ее саквояж помнил многое – интервенцию, уличные бои в восемнадцатом, погромы и эпидемии. Он был много раз украден, но всегда быстро возвращался к хозяйке. Обычно его приносил какой-нибудь мелкий босяк и, опустив глаза долу, гундел что-то похожее на «...очень извиняюсь, вам просили передать, шоб не держали зла, то пришлые, они ж не знали, чей он...»

В третий раз после кражи Елена Фердинандовна влетела во двор, выволокла за грудки Сему прямо со сходимки с уважаемыми людьми и, прижав к стенке, заревела медведем:

– Опять??? Опять??? Вы же обещали, шо в прошлый раз это был последний раз!!! Сема, я вас кастрирую тут же и сейчас, если к вечеру мой саквояж не будет стоять там, где всегда!!!

Крепко ухватив через штаны мужское достоинство Семы, Фердинандовна пропела басом прямо в ухо страдальцу:

– Сема, ты меня понял – кастрация вечером!!

Она сжала ладонь:

– Сегодня!!!

Затем медленно повернула по часовой стрелке:

– И поверь, я обойдусь даже без моего украденного инструмента, а вот ты – вряд ли без него справишься!

Сема в ответ только утвердительно слабо пискнул, боясь шелохнуться...

Фердинандовна разжала ладонь и повернулась к подельникам Семы, предусмотрительно стоящим на расстоянии вытянутой руки:

– Ну? Почему никто до сих пор не предложил даме водки?

Глядя прямо в переносицу Семе, Гордеева гаркнула повелительно:

– Сема, стакан!!!

Семен столкнется с коллегами, которые молниеносно вынесут стаканы и целую четверть самогона. Нальет с горкой и подаст Елене...

– Себе!!! – снова гаркнет Гордеева. – И... огурец!!! На вилочке!

– Ну, гляди!!! – сказала вместо тоста. – Я тебя три раза штопала в разных местах. Всё про тебя знаю! Не будет до завтра – яйца отрежу и на лоб пришью! – и нахлобучила одним махом полный стакан.

– Я – спать.

Коллегам Семена наглядной агитации хватило за глаза. Саквояж через два часа стоял у двери Фердинандовны.

Причем каждый раз после возвращения он радовал своей неожиданной полнотой – в зависимости от уровня господ бандитов и ситуации в городе там были всевозможные извинения и подношения – пузырьки с лекарствами, контрабандные чулки, морфий и кокаин, деньги, иногда сахар или кусок сала... Но! Всегда и во все времена фляги возвращались к хозяйке неизменно полными, и этот момент вызывал у нее новый приступ негодования:

– Шлимазлы, адиёты... ну кто? Кто наливает коньяк в эту флягу??? На ней же ясно написано: spiritus!!!! Сема, ну скажите же там, шо я не люблю коньяк!!

Большой куш

Сема стоически выдерживал Гордееву и ее скандалы как неизбежное, но очень нужное зло. Как его чикагские коллеги, он точно знал, что «мир принадлежит терпеливым».

Одноглазый щипач-карманник Сема-Циклоп был удачлив, дерзок и изобретателен. И несмотря на его шуточки и улыбки – хитер и опасен, за что – не беря во внимание его сыновей – был уважаемым и авторитетным в криминальной среде.

Свой звездный час Семен поймал с приходом к власти большевиков.

Весь смутный восемнадцатый год он на волне всеобщего воодушевления стал таскаться на митинги, орал вместе со всеми такие вечно живущие «Долой!», «Даешь!», «Позор!», «Ганьба!» и подобное, яростно хлопал одним ораторам и остервенело освистывал других.

Пару раз сам выскакивал на трибуну, но успеха не имел, зато много раз был бит за пагубную страстную любовь к содержимому чужих карманов. Били его прилежно и со знанием дела, один раз досталось прикладом трехлинейки по ребрам – это было очень больно, две недели нормально вздохнуть не мог, дышал как собачка – мелко и часто.

Нет, Сема не растерял своих навыков и мастерства – просто публика поменялась. Кардинально.

На митинги буржуи и зажиточные люди не ходили. Тут были рабочие, солдаты и много разных бывших сидельцев – каторжан, прошедших суровую школу. Щипачей они вычисляли в толпе влет, не церемонились, а сразу били по зубам

Сема быстро понял – времена поменялись, пора и ему меняться. С приходом к власти большевиков он срочно у самокатчиков закупил кожаную тужурку, штаны и картуз, предлагали еще краги и очки-консервы, но Сема сказал твердое «нет», хотя над предложенной по дешевке мотоциклеткой задумался, ненадолго правда, и тоже отверг, как и велосипед.

Не монтировались эти вещи с его далеко идущими планами.

А планы были наполеоновские.

Сема возбудил всех своих знакомых и знакомых своих знакомых, просил у всех протекции начальника только зарождавшегося монстра – Управления по материально-техническому войсковому снабжению.

Старый ворюга чуял жирный кусок... Хорошо чуял, более того, мысленно он его уже жрал, чавкая, сопя и давясь от жадности.

Это был его, его и больше ничей кусок, и отдавать он его никому не собирался.

Первая попытка попасть в штат Управления для вольнонаемного – все ж таки это военная организация! – успехом не увенчалась.

Но Сема уже нащупал нужного человека, трижды занес ему «подарочки» и через два месяца стал помощником кладовщика, что его не устраивало. Циклоп хотел воровать. Очень хотел. И много.

На должности помощника сделать это было практически невозможно: во-первых, для этого надо иметь доступ к накладным и быть хозяином склада, а не «подай-принеси», как он, во-вторых, сама работа помощника была очень тяжела физически, а для Семы еще и унижительна.

– Негоже уважаемому вору горбатиться, как последний фраер, – говорил он часто. И еще потому, что его начальником был старый революционер, негнибемый партиец и, как потом узнал Сема в доверительном застолье, – ярый анархист. А анархистов большевики уже тогда не то чтобы подвергали гонениям, но уже как-то недолюбливали и старались задвинуть в тень.

Как-то раз Семин начальник был вызван к руководству и уже больше не вернулся на склад – кто-то стукнул о его скрытой партийной принадлежности наверх, и Сема в одночасье стал начальником вещевого склада и первым заместителем начальника службы снабжения. Как выяснилось, начальник помнил добро, и в устной беседе Семе была объявлена благодарность за революционное сознание и бдительность.

Так вот, Сема не начал воровать по-крупному, пока не поставил на должности мелких начальников своих людей, пока не завел теплых отношений со всякими мелкими начпродами и завскладами в гарнизоне. Пока в каждой части, что стояла в Одессе или проходила через Одессу, у него не появились свои люди. Вот тогда он развернулся на полную.

При отпуске обмундирования вместо 200 комплектов одежды по документам Сема отпускал 150... Разницу продавал и делился с подельниками.

Отмерял сукно для шинелей старшим командирам – имел навар с каждого 50–70 см. Вроде немного, но десять командиров в день – этого пять-семь метров первосортного и шикарного шинельного сукна, а дней в году – 365 (служба снабжения работала без выходных). И это только на шинелях, а еще была кожа, выделанная обувная, ткань на гимнастерки и галифе, сапоги, папахи, башлыки, портупей... Много было всего интересного и очень дефицитного. И воровалось это едва ли не вагонами – Сема умел создать цепочку из нужных людей и очень умело управлял ими.

А еще ему несли долю все его ставленники-кореша с продовольственных складов и складов ГСМ, но самый востребованный товар был на складе вооружения. Пулеметы «максим» пользовались бешеным спросом, и командиры строевых частей давали за них сумасшедшие деньги, да и коллеги-уголовники тоже проявляли живой интерес к таким полезным в хозяйстве агрегатам.

Сема практиковал разовые огромные списания всего и вся на «невозвратные боевые потери» – для этого ему и нужны были свои людишки в штабах строевых частей, тех, что действительно воевали.

Широко практиковалась подмена спирта и водки на самогон, замена пшеницы на рожь и овес. Одесские гешефты и договорняки постепенно прочно вплелись в самую систему снабжения, распределения и закупок. Это были огромные деньги и очень много неучтенного товара.

Множество мастерских, лавок, пекарен, заводиков по всей Одессе работали круглосуточно на Сему и К°, изготавливали всякие полезности для его сети материально технического глобального хищения...

Были у Семы и глубоко законспирированные «отхожие промыслы» – вот там все было очень серьезно и опасно.

Циклоп наладил производство боеприпасов в промышленных масштабах и подменял на складе качественные заводские патроны своими самоделками.

Если б хоть кто-нибудь посторонний прознал об этом, то за такой гешефт Сему в любой момент поставили бы к стенке.

Все получилось вроде как случайно, но это не могло не случиться.

Стреляных гильз всех калибров было немеряно разбросано в городе и за городом. Босаяная пацанва и беспризорники пудами сдавали это добро на пуговичную фабрику для последующей переделки в пуговицы, пряжки и бляхи для ремней.

Не всегда это были стреляные гильзы, очень часто попадались неотстрелянные или бракованные патроны.

У тех и других было все нормально – внешний вид, наличие пороха, капсюля, пули.

Для переработки и переплавки они не годились, девать их было некуда, и директор «пуговки» велел ссыпать это добро в пустые бочки на складе.

Когда количество бочек перевалило за пять десятков, директор обеспокоился, а попросить помощи в таком щекотливом деле – куда деть этот опасный груз – у постороннего было нельзя: мигом в ЧК донесут, потому знающие люди направили его к Семе.

Как все одноглазые, Сема смотрел на собеседника, чуть повернув голову в сторону слепого глаза, отчего казалось, что он смотрит со скрытым подозрением. Это очень пугало директора «пуговички» во время доверительной беседы, но его опасения оказались напрасны – Сема своим звериным чутьем почуял огромную выгоду от их альянса. Огромную, опасную и очень многообещающую.

Все дело в том, что в Одессе в огромном дефиците были боеприпасы. Оружие было. Много и самое разное, а значит, и боеприпасы к ним нужны были разные...

Самый большой дефицит – патроны для любимых всеми маузеров и наганов. У маузера было несколько модификаций и почти все под разные патроны – чехарда была еще та...

Но Сема устранил эту проблему в корне – он сам стал изготавливать «дефицит».

А директор «пуговички» ему пригодился еще не раз – умельцы с его фабрики переделали несколько пуговичных пресс-форм и штампов.

В результате была решена очень важная проблема в Семиной схеме производства – изготовление самой дефицитной его детали – капсюлей.

Масштабы были промышленные, штампы днем работали на «пуговичку», а вечером и ночью – на Сему...

Сема очень хотел залучить к себе на производство Ивана, но тот категорически отказался, когда Вайнштейн намекнул о сфере деятельности и предмете консультаций. Без Ивана было трудно – оборудование было старое, и немцы в прошлом веке не закладывали объемы и интенсивность. Нужны были умелые руки и голова, чтобы поддерживать все это в рабочем состоянии, и Сема с иезуитской находчивостью зашел с другой стороны – он стал засыпать подарками Фиру.

Это было сукно «для детей», сапоги и бурки «для Вани», отрез «на платье для Фиры», ткань на платье «девочкам на праздник». Денег он не брал, да и не было у Фиры таких денег – Сема просил поставить самовар и заварить чаю, вынимал из кармана кулечки с конфетами, сахаром и отборным чаем со своих складов.

Самовар – не чайник, он располагает к долгой беседе, и Сема неторопливо, исподволь начинал жаловаться на отсутствие специалистов, на проблемы у директора «пуговки», где у него есть свой интерес...

Так продолжалось несколько месяцев. Это были трудные месяцы – все чаще ломалось оборудование и производство засбоило, а потом и вовсе остановилось – половина прессов просто поломалась, и никто не мог их починить.

Иван догадывался, откуда печенье и конфеты вечером на столе.

– Ирочка, а что это Вайнштейн к нам так зачастил? Не догадываешься? Заклинаю – не бери у него ничего. Сильно дорого отдавать придется.

Ира посмотрела на Ваню:

– Родной, а может, это твой шанс? Сам говорил, что мы все с новой властью потеряли. Женька, Котька, Ксюша, я у тебя на шее. А может, пора восстановить справедливость? Какая разница с кем? Там же никакой угрозы для жизни нет? Одна твоя механика вроде.

– Вот именно – вроде, – буркнет Ваня.

– Может, сходишь помотришь?

Ваня послушает женщину и вместо того, чтобы сделать наоборот, послушно пойдет и влет сообразит, что производит по ночам старая пуговичная фабрика. Семен тоже все поймет по лицу Беззуба и

спросит: – Сколько? Любые деньги. Абсолютная защита и покровительство тебе и всей семье во всем.

– По второму кругу пошел, – припомнит Беззуб погромы 1905-года.

– Я обязы помню, – насупится Вайнштейн.

– Что ж тогда Нестора не спасли, или не знали, что всех галицких перестреляют? – прошипит Беззуб. – Я отказываюсь. Ничего не скажу и не вспомню – ты меня и мое слово знаешь.

Сема-Циклоп думал неделю – Беззуб из потенциального источника доходов превратился в ходячий геморрой, ненужного опасного свидетеля.

Сема знал правила: нет человека – нет проблем. Но за столом сидел Мойша, живой красивый Мойша, которого полгода назад приняли с таким количеством фальшивых документов с Семиными печатями, что к ужину помимо расстрела на месте зачистили бы всю семью. Анька Беззуб, революционная «дура с кисточкой», спасла, сама того не зная, и его сына, и своего отца.

1920

Первый раз

Мастеровой, надежный, умный, опрятный и обеспеченный – все эти неотразимые с рациональной точки зрения, мужские качества Петьки совершенно не волновали Женю. Хотя она давно догадывалась, что папенька с Петькой крутят какие-то приличные гешефты...

Женька заметила, что деньги на всякое баловство в доме у них и у Лёльки появлялись одновременно...

Но то чудесное спасение и неуклюжие Петькины объятия не давали ей спокойно спать. Тем более после всех прочтенных дамских романов и очевидного факта: после того случая он ведет себя просто смешно – прячет глаза, отворачивается при встрече во дворе, а у них дома делает вид, что не замечает ее.

Говорят, противоположности притягиваются. Женька собрала от мамы с папой всю дерзость и наплевательское отношение к канонам и правилам. Петька был воплощением системности и порядка. Объединяло их только феноменальное упрямство.

Женя преградила Петьке выход из квартиры и, хлопая ресницами, зашептала:

– Петечка, помоги мне, пожалуйста!

– Чего надо?

– Петенька, научи меня стрелять! Ты такой умный, такой умелый, ты все можешь! Папа мне так не объяснит.

– Нельзя, – Петька отвел глаза.

– Пожалуйста, – Женька была с ним одного роста и ловила его взгляд. Она стояла так близко, что он мог рассмотреть, как смешно вздрагивают ее ноздри и маленький завиток прямо над ушком.

– Отец тебя приберет, а меня выгонит навсегда.

– Петя, он не узнает. Ты же можешь устроить. А то так и помру дурой. А вдруг тебя не будет? А в дом залезут? А я что? Овца безрукая.

Петя смущенно сопел и молчал. Женька перешла в наступление:

– Петенька, пожалуйста, мне очень надо! – Она все-таки поймала его взгляд своими чернющими глазами и просительно прижала ладошку к его плечу. Петька был блондином. Весь в мать. Ох уж эта белоснежная немецкая кожа. Он покраснел позорно и моментально.

Она не могла не заметить и титаническим усилием воли удержалась от улыбки триумфатора.

– Ладно. Завтра скажу где. – Он оттолкнул Женьку и рванул к себе.

– А-ди-ёт, – ухмыльнулась Женька с такими же пунцовыми щеками. И сердце колотится просто в горле. Точно как в романах. Сердце колотилось не только у нее и не только на своем анатомическом месте, но и отдавало в виски и предательски набухло намного ниже грудной клетки. Петька залетел в свою комнату и упал лицом вниз на кровать.

Идиот! Идиот! Он осторожно потрогал ключицу, где была ладошка Женьки. Вот коза дурная!

Женька в свои тринадцать интуитивно догадалась о первом правиле соблазна – не о кокетстве и тем более не о расстегнутых пуговицах. Прояви интерес к тому, что увлекает мужчину, попроси совета, расспрашивай удивленно. И слушай, слушай, а если попросишь научить... В эти сети много тысячелетий подряд ловятся самые искушенные и опытные экземпляры. А у влюбленного подростка шансов на спасение вообще никаких.

Малолетняя Женька могла дать сто очков форы старшим сестрам в искусстве обольщения. Благоухающая ворованной у Аньки розовой водой (все равно не пользуется), она, опустив глазки и вздыхая, слушала словно впервые, как разбирать и собирать оружие. Переспрашивала и удивлялась.

– Петька, ты такой умный, я тебе так завидую, – восторгалась она на втором уроке. – А покажи еще раз?

И Петька с удовольствием, лихо, за секунды собирал и разбирал на бис под Женькины аплодисменты.

Надо отдать ей должное: Женька хоть и прикидывалась дурочкой, с ее цепким умом и отличной памятью схватывала информацию на лету и вызубрила теорию. Она как настоящий охотник ждала своего часа – уроков практической стрельбы. Петя думал о них же. И тоже считал себя хищником, подкрадывающимся к добыче. Главное быть учителем и не думать о том, как возьмет Женю за руку и наконец-то сможет незаметно прикоснуться губами к ее пахнущим розами волосам.

– Началось... прости господи, – проворчит Елена Фердинандовна, собирая в стирку постельное белье. – Мальчик вырос. Уже ее, суку, ненавижу.

Гордеева как в воду глядела. Они уехали далеко-далеко на Фонтан. А потом еще долго брели по берегу подальше от дач. Сердце уже вылетало из горла, но гадкий немец устоял. Он не подходил близко и страшно занудно, до зевоты, бесконечно объяснял и чертил на песке траекторию полета и требовал ответов. У Женьки от уединенности, близости Петьки и предвкушения чего-то запретного и волнительного, а может, просто от жары, шла кругом голова и шумело в ушах. Она отвечала невпопад, путалась, глупо хихикала, чем разозлила Петьку несказанно, и занятия были прерваны ввиду полного отсутствия теоретических знаний ученицы.

Ночью оба не могли уснуть. Женька от злости, Петька от гордости, что сумел остаться настоящим мужчиной и побороть искушение, ну и от того, что тело подростка с такой сомнительной победой разума над плотью категорически не соглашалось.

На следующий день Женька с виноватым лицом отбарабанила всю теорию, чем снова удивила Петьку, и потребовала немедленных практических занятий.

С Петей Женьку могли отпустить хоть в Америку, не то что проводить до гимназии – за летним заданием. В его преданности семье Беззубов, порядочности и умению защитить никто не сомневался.

Второй шанс она не упустила. Женька мазала по-черному и недоумевала, почему не выходит. Петя честно пытался сопротивляться и командовал на приличном расстоянии. Она, капризно надув губы, сказала, что у нее ручки трясутся. И Петька стал за спину и взял ее ручку в свою лапищу. Выстрел разнес мишень-дощечку в щепки. И Женька, резко повернувшись, восторженно чмокнула Петю в щеку. Когда тебе тринадцать, терпеть так бесконечно долго не сможет даже самый клятый Божьей милостью католик и люстдорфский немец. Он сгребет Женьку в охапку и поцелует в губы. Они будут молча целоваться не отрываясь, пока солнце не начнет клониться к закату. Оторвавшись наконец от Женьки, Петя вспомнит об официальной цели поездки.

– Давай, хоть обойму отстреляешь.

Женька с готовностью схватила пистолет, уперлась спиной в Петьку, расставила ноги прицелилась и... промазала. Одуревший от любви и желания Петька по-мальчишечьи громко заржал:

– Мазила-мазила! Когда ручки из попы растут – можно только вышивать. Не бабское это дело! Женька – ты баба, а бабам это не дано, – он протянул руку за револьвером и шагнул к ней.

Женька блеснула слезой в глазах и, сцепив губы, отскочила в сторону и навела на него пистолет:

– Мазила?! Тогда не подходи!

Она развернется и всадит все патроны точно в центр нарисованного мелом круга на Петькиной импровизированной мишени. Зашвырнет пистолет в песок.

– Сам ты – баба! Не ходи за мной!

Вместе с паскудным Фириным характером Женька получила в наследство «глаз-алмаз». Она будет метко стрелять практически не глядя из любого оружия. А пока Евгения Ивановна Беззуб с бушующими в голове гормонами и обгоревшим лицом гордо нагребает в башмаки песок, поднимаясь по крутым склонам к станции.

Они промолчат всю бесконечную поездку в трамвае. Петька, обескураженный, перепуганный, в отчаянии сделает пару робких попыток взять ее за руку. Женька покосится ледяным взглядом и брезгливо вытянет пальчики из его липкой ладони.

– Бабам положено себя блюсти! Отвали от меня!

Петька чуть не плакал от бессилия. Извинятся он не мог, не умел. Слово «прости» застревало в его горле рыбьей костью. Он сможет выдавить его из себя через неделю. Женечка приподнимет бровь и склонит голову:

– Извинения приняты, Петр Иванович. Благодарствую за науку.

– Женька...

– Простите, пальцы с мулине заждались.

Она развернется и уйдет не оглядываясь, чтобы он не видел ее слез.

А он останется посреди двора со всеми своими рассыпавшимися в прах мальчишечьими достижениями и разбитым сердцем.

– Дура, набитая!

– А-ди-ёт!

Женька ждала чего угодно – цветов, серенад, конфет или любовных записок с признанием. Она уже продумала, как немного пообижается, а потом простит и снова поцелует его такие мягкие нежные губы. Еще было бы хорошо, чтобы он при этом признался в любви. Женька ждала, но получила... ничего. Петя, как и было велено, отошел в

сторону и не докучал. Каких мучений ему это стоило, она не догадывалась. Косько-Гордеев не спал, не ел, ронял инструменты. Как обращаться с барышнями и что за странный механизм у них – ему не объясняли. Беззуб в этой науке тоже был не силен, да и как спросить совета: – Иван Несторович, я тут учил вашу дочь стрелять из краденого револьвера, а потом целовался с ней, а потом ее смертельно оскорбил – подскажите, как вернуть ее расположение? Поэтому он покорно исполнил приказ – не приближался. За полтора месяца страданий зов плоти вырос в любовь. Петя не был романтиком, не умел сочинять стихи и вообще не видел в них никакой практической ценности. Но жить без этой клятой Беззуб уже не мог. Да что он вообще мог, кроме своих механизмов? Впервые ему не в радость было возиться с деталями и помогать в депо.

В августе на Петин день рождения слетелась, по меткому выражению Елены Фердинандовны, на семейный шабаш вся их бабская эскадрилья – старшие кровные сестры Нора и Рита. Старшая Нора была в шикарном платье и дорогушем жемчуге, вся из себя светская дама, супруга врача и преподавателя медицинского университета. Ритка крутила отчаянный роман то ли с киевским комиссаром, то ли с партийным чиновником, то ли с обоими. Она вышла курить на галерею и вызвала с собой именинника.

– А ну-ка, признавайся, что стряслось? Влюбился?

– Нет! – вспыхнул Петька. – Никогда!

– Понятно, – Ритка затянулась. – Влюбился, а она тебя не замечает.

Потому что королевы таких зануд не замечают.

– Неправда! Мы целовались, – ляпнул Петька, поплывший от выпитой наливки.

– Ого! Поздравляю! А страдаешь чего? Неужто понесла?

– Что понесла?

– Яйцо! Да ладно, ничего, – хихикнула Рита и потрепала его по голове. – Поссорились?

– Да. Я не знаю, что делать. Я виноват.

– Ну ты виноват по-любому. Во всех ситуациях, даже когда думаешь, что прав. Это на будущее учти – так будет быстрее и дешевле. А пока, сударь, или как там теперь, товарищ, есть два варианта. Сделай что-нибудь сумасбродное – выложи цветами ее имя под окнами, приди стреляться от несчастной любви, предложи ей

сбежать вместе в Париж... – Рита увлеченно рисовала дымящимся мундштуком затейливые орнаменты в стиле русского модерна.

– Рита, мне четырнадцать, – вздохнул Петя.

– Забыла. И что ты зануда немецкая – тоже забыла.

– А ты, можно подумать, нет.

– А я веселая и легкая, не то что ты. Сейчас еще со мной поссоришься, – она легонько стукнула его по лбу. – Не пререкайся с барышнями. Сразу винись. Тут же, пока она в голове не накрутила себе обиды. Давно поссорились?

– Сорок три дня назад.

Рита сморщила носик и вздохнула:

– Плохо дело... Надо удивить или зацепить...

– Как? – Петька впервые за сорок три дня оживился.

– Ну как? Удивить поступком или подарком, чтобы поняла, как сильно любишь.

– Вот еще! Не люблю я ее!

– Я так и поняла. Так вот, хвостиком виляешь, подарок невиданный даришь, про чувства свои говоришь и если сразу не прогнала – немедленно целуй.

– А если не поможет?

– А если не поможет – тогда ва-банк.

– Куда?

– Тогда пан или пропал. Заведи другую.

– Не хочу другую!

– И не надо – сделай так, чтобы она приревновала, – мигом вернется. Ну или навсегда разбежитесь. Прогуляйся перед ней с другой, комплиментов наговори, чтобы она слышала. Тебе ж терять нечего. Поверь, если придумаешь необыкновенный подарок, она простит и вернется.

Через двор, задрав нос, шла Женька. Она стрельнула глазами в сторону Петькиной галереи и пошла дальше. Этой доли секунды Рите хватило, чтобы увидеть ее взгляд и, повернувшись, посмотреть на брата.

– О божечки... Петя... Ну ты влип. У меня для тебя две новости – хорошая и плохая. Хорошая – она в тебя влюблена по уши, а плохая...

Петька подскочил, чмокнул в макушку Ритку и умчался в квартиру.

Она поправила прическу и затянулась:

– А плохая – этот клятый суржик к тебе не вернется.

Через неделю Петя раздобудет финку и сделает на ней гравировку «Б. Е. И.» – Беззуб Евгения Ивановна. Вложит в шикарную бархатную дамскую сумочку, которую с барского плеча подарит Норка.

С началом нового учебного года Петя встретит Женю у Мариинской гимназии и протянет подарок. Выдержки ей хватит до ближайшей лавочки у Соборной площади. Женское любопытство способно сломать даже самые высокие нравственные устои и смертельные обиды. Женька возьмет сумочку, а потом вытащит нож.

– Осторожно. Острый, как бритва, – скажет он. – Хочешь, научу им драться или метать?

Женька растает и улыбнется. Петька робко прикроет ладошкой ее пальчики. Она не отстранится.

Петька вспомнит совет сестры и, забыв, что они в центре, на лавке недалеко от гимназии, притянет Женьку к себе и поцелует. Она ответит на поцелуй. И тут у застегнутого до горла, дисциплинированного и системного, как словарь Брокгауза и Эфрона, Петьки начисто сорвет крышу. Он сделает то, о чем мечтал последние полгода – сгребет в ладонь Женькину развитую не по годам грудь. И тут же получит по морде. Женька вскочит как ошпаренная:

– Совсем стыд потерял? Я тебе что, шалава привокзальная?! Не подходи ко мне никогда!

Он опять сам все испортил.

1921

Комиссарское тело

Аня привезла из санатория не только загар и румянец. В кармане ее льняного платья вместе с «куриным богом» – дырявым камешком с пляжа Черноморки – лежало присохшее к нему бурой водорослью большевистское сердце.

В санатории политкаторжан народу было немного, а женщин всего три – две пламенные революционерки без возраста и вторичных половых признаков и Аня с блокнотом. Оживая после солнечных и морских ванн, отъедаясь в столовой, к концу первой недели она внезапно поняла, что не умрет. Эта уверенность ускорила выздоровление, а юное тело жадно впитывало свет и сливочное масло. Костлявый подростковый скелет, обтянутый бледной кожей, внезапно приобрел женскую текучесть линий и дерзко торчащую юную грудь. Золотистый пушок на загорелых предплечьях и бедрах, выгоревшие от соли и воды кудри... Когда Анька, потупившись, заходила в столовую – зависала гробовая тишина. Товарищи выздоравливающие революционеры, забыв про шоколад и бульон, пожирали глазами ее точеную фигуру и обсыпанные песком икры.

Они все были старые. И ужасно огорчали юную большевичку своим непрофессиональным интересом.

Однажды Анька зазевалась на пляже и чуть не опоздала на женский час в душевых. До пересменки оставалось десять минут.

«Успею!» – подумала она и рванула мыться. В закрытом санатории была даже горячая вода.

Несмотря на жару, она стояла под обжигающим душем в облаке пара, наслаждаясь теплом, пока вдруг не услышала сиплый мужской голос:

– Товарищ, дайте мыло!

Аня оглянулась и заверещала – за ее спиной стоял здоровенный голый мужик и близоруко щурился. Она рванула из-под душа, пытаясь не коснуться нежданного гостя, неловко выгнулась, поскользнулась на повороте и потеряла равновесие.

Мужик рефлекторно выставил руки и поймал падающую Аньку, которая вцепилась в его предплечье.

– Осторожно! – рявкнул он и, наконец сообразив, что это девушка, разжал руки.

Анька взвизгнет и умчится.

Легендарный революционер, член еврейской социалистической партии Бунд с 1900 года, отсидевший за покушения и убийства полицейских в десятке городов от Минска до Нью-Йорка, каторжанин с пожизненным сроком, а ныне совершенно обескураженный Зампред одесского ГУбЧК Макс (Мендель) Дейч выкрутит краны до ледяной воды, чтобы унять спонтанную эрекцию.

Макс моментально узнает ее за ужином, и обычные его очки не понадобятся, он почует неуловимый, но уже знакомый запах юного тела. Южное солнце и море, вынужденное безделье после круглосуточной борьбы. Только сейчас он осознал, как безнадежно смертельно устал от этой бесконечной погони со стрельбой. Бешеный пес революции внезапно завилял хвостом. Он хотел эту девчонку. Но не так, как привык – насилуя и добивая, упиваясь своей абсолютной властью, а нежно. Внезапная теплота качалась внутри, наползая на его непробиваемое сердце, как волны на каменистый пляж Черноморки.

Он проводил допросы сотнями и выбивал любые признания на скорость. Сейчас было достаточно одного вопроса директору санатория. Через полчаса он будет знать все про Аню Беззуб – от участия в подполье в девятнадцатом до сотрудничества с чекистами в начале двадцатого. Ему притащат образцы нарисованных ею листовок и сознаются, что за нее хлопотал отец Миши Червоного Семен Вайнштейн, местный артельщик, а сама она дочь железнодорожного инженера.

Дейч был не просто опасен и опытен. Родители одарили его крепкой фигурой и мужественным, словно вырубленным из скалы, лицом с орлиным носом, широким квадратным подбородком и высокими упрямыми скулами. Морщины от лишений и скитаний не старили, а украшали. Фирменный взгляд исподлобья действовал магнетически и на жертв, и на женщин.

Он подойдет на пляже и спокойно по-хозяйски присядет рядом:

– Анна, я хотел извиниться за конфуз в душевой. Я пришел в свое время и был уверен, что вы – юноша. Простите, я без очков слеп, как

крот. Кстати, вы работаете в агитпроме? Я бы заказал плакатов для ГубЧК. Вам интересно?

О да, ей было не просто интересно, а волнительно, и разница в двадцать лет ее не отпугивала, а притягивала. Дейч – живая легенда, гроза всей Одессы – обратил на нее внимание. Он был животным. Опасным, огромным, диким. Аня не думая, инстинктивно потянула носом – она запомнила запах этой опасности еще в душевой. Он остро пах зверем. Не поштом, не грязью, его природный запах тела нес такую первобытную дикую дремучую мощь, что люди на допросах сдавались практически сразу. Макс знал об этом свойстве. Знал и гордился. Он усилил эффект, отрепетировав перед зеркалом свой фирменный звериный оскал. Жуткую улыбку зверя перед прыжком. Но тут зверь был готов прыгнуть в кольцо и подставить живот. Аня принялась и счастливо улыбнулась:

– Сколько вам надо плакатов?

Макс Дейч был умелым и решительным. Но внезапно для себя он обнаружит, что не хочет отпускать эту девчонку. Она оказалась его морфием. Он совратит ее на второй встрече у моря и после нескольких счастливых раз поймет, что это больше санаторного приключения. Дейч захочет ее рядом, и даже верный друг по революционной борьбе, она же законная супруга Эсфирь Федоровна, которую он привез из Америки, его не смущала и не останавливала. Аня вернется домой влюбленная по уши. А через неделю съедет в шикарную квартиру прямо на Приморском бульваре с видом на море и порт и солнцем в каждом огромном окне. Макс будет очень удобно забегать к ней с конторы ГубЧК на Екатерининской площади.

Перегибы на местах

Беззубы будут в ужасе. С одной стороны, дочь спасена. С другой – она игрушка в руках самого опасного человека в городе. Ваня по своей методе проговаривал варианты:

– Раз снял квартиру – значит, больше чем интрижка.

Фира подхватила:

– Он ее обеспечит. Диетическое питание и лучшие врачи ей гарантированы.

Ваня помрачнел:

– Пока не надоест. Ты в курсе, что он женат?

Фира закатила глаза:

– Ой, вэйзмир... Да что за напасть на наших детей? Одна Лида – нивроку устроилась. Что нам делать?

Ваня отложил листок.

– А у нас есть варианты? Просто любим и ждем. Пока что девочка счастлива, спасена и обеспечена, как фаворитка императора. Иллюзий не питаю. Это временный союз, но у Аньки хватит женской мудрости отпустить его без скандалов. Бог даст, он ей и с карьерой поможет.

– Он же старый! – простонет Фира.

– Он младше тебя на два года. Ты разве старая?

– Он ей в отцы годится!

– Эка невидаль! Главное подругам своим дворовым не трепись, с кем дочка сейчас.

У Ани с Максом будет почти год беспробудного счастья. Макс, уже не зам, а председатель Одесского ГубЧК, после возвращения из санатория лично примет самого товарища Дзержинского и усилит «красный террор». А потом будет бежать к ней – после облав, допросов, пыток и расстрелов зарываться носом в ей в ключицу, целовать волосы на затылке и дышать, дышать ее светом.

Однажды к нему на прием придет Семен Вайнштейн. Разумеется, с доносом, конечно же, на своего руководителя, бывшего правого эсера.

– На его место хочешь? – Макс наклонится над столом и оскалится.

Сема, как и Аня, почует зверя. И если Аня восторгалась им, как средневековая дева лесным львом, то Сема вжался в кресло. Таких страшных людей с преисподней в глазах он еще не видел. Он был готов служить.

Макс глянул в документы: – Сомнительная у тебя биография, Вайнштейн. Вайнштейн... С санаторием «Черноморка» работал?

– Да, – сглотнул Вайнштейн.

– Хлебное место ищешь, шакал?

– Ищу, – согласился Вайнштейн.

– Это ты Анну Беззуб в санаторий номенклатурный пропихнул?

Сема похолодел. Но врать было бесполезно.

– Я... Она революционерка. Соседка, на глазах выросла. Талант... – затараторил он.

Макс царским жестом написал резолюцию на бумагах.

– Спасибо ей скажешь за должность.

– Спасибо! – Вайнштейн зачем-то шаркнул ножкой и так истово отбил поклон, что с бильярдным стуком ударился слепой стороной в столешницу.

– Какое спасибо?! Воровать – не зарываться. А то расстреляю на месте. С десятиной на доклад каждого семнадцатого числа заходить будешь. Понятно?

Сема ошалело гаркнул:

– Так точно! Премного благодарен!

– Вон пошел, адиёт.

Анька, сама того не зная, снова ввергла Сему в понятийную пожизненную долговую яму.

Вайнштейн только прикидывался дурачком. Он быстро сложил информацию про Аню, санаторий и сладкую должность. Вот это Беззубам свезло! Такого покровителя получить! Почему у него сыновья?

А через год случится то, что должно было случиться: Анька забеременеет. Домой не пойдет, а поспешит обрадовать своего обожаемого Макса.

– У нас буде маленький! – скакала она по комнате. – Маленький Макс!!!!

– Никого у нас не будет – угрюмо отрезал Макс. – Я все устрою.

– Но...

– Никаких «но»! – рявкнет Макс.

Аня, глотая слезы, прошепчет:

– Как скажешь, любимый...

Дейч, не обедая, вернется на работу. Поедет лично на облаву. Поставит к стене и без суда и следствия расстреляет два полных магазина.

– Спишите на контрреволюционную банду. – Он засунет маузер в кобуру. – Найдите мне лучшего врача по-женски, – скажет преданному заму Василию Федоровичу. Василий Федорович в одесском ЧК носил гордое прозвище Ирод и полностью ему соответствовал. Единственной живой душой, к которой он испытывал благодарность, был Дейч, дважды спасший ему жизнь.

1922

Сиди и не чирикай

В больницу к Гордеевой был послан наряд из двух сотрудников. Те вошли в кабинет прямо во время осмотра пациентки и, ничуть не смутившись от громкого крика Фердинандовны: – Куда, вашу мать, вперлись!! – сказали:

– Собирайтесь, мы за вами.

Что, за что, зачем и куда – не объяснили.

Везли ее на машине с зашторенными стеклами, что само по себе в жаркой Одессе было отчасти понятно, но также и страшно. Фердинандовна старалась сохранять независимый вид, но это слабо удавалось – испуг то и дело пробегал по ее лицу. А два огромных гориллоподобных конвоира ухмылялись, откровенно наслаждаясь ее терзаниями.

Гордееву завели в здание ЧК, на второй этаж, подвели к двери без таблички, и огромный конвоир, вдруг утратив всю свою спесь и величие вершителя судеб, одернув и расправив гимнастерку, робко и тихо постучал, вернее поскребся в дверь... Не услышав ответа, приоткрыл ее чуть-чуть и, наклонившись, подобострастно проговорил в щель:

– Гордеева доставлена...

– Две минуты, – прошелестело в ответ.

Конвоир вытащил из кармана гимнастерки часы и застыл, как изваяние. Ровно через две минуты, обретя свое былое величие, открыл дверь и начальственно сказал:

– Заходим.

Гордеева зашла в кабинет.

Там не было ни одной лишней детали – все предельно аскетично. Лишь четыре огромных шкафа и рабочий стол составляли всю обстановку комнаты. Ирод, видимо, только что отобедал – на столе стояли две тарелки и стакан, прикрытые полотняной салфеткой, в воздухе витал вкусный запах выпечки.

– Проходите, садитесь на стул, – услышала Лёлька.

И тут она разглядела наконец хозяина кабинета: тот совершенно терялся на фоне светлой стены – такой же белесый.

Он не представился, а снова прошелестел:

– Здравствуйте, голубушка наша, Елена Фердинандовна, наконец-то я имею счастье познакомиться с вами лично. Наслышан о вас, все кругом говорят о вас исключительно в положительном ключе и расхваливают на все лады.

Он сделал паузу, и Фердинандовна моментально ее заполнила:

– Вы для этого меня позвали? Чтобы познакомиться??? С ума сошли? У меня три десятка человек на прием записаны! У меня три бабы на сносях под кабинетом сидят!!! Вы что творите, бестолочи!!!

– Мадам Гордеева, – вкрадчиво, но уже с железом в голосе сказал Ирод, – вы не забыли, где вы и каким образом сюда попали?

Гордеева прищурилась:

– И шо? Мне теперь в штаны сделать от страха?

Она внимательно посмотрела на собеседника, потянула носом и безошибочно уловила запах розовой воды и хорошего мыла. Мгновенно оценила безупречный пробор, гладко выбритую кожу и ухоженные руки и воскликнула мысленно: «Да у него ж маникюр же ж, мать его!!! Да он же мужеложец!»

«Ну, я тебе сейчас выдам на орехи», – кровожадно подумала она. И стартанула с места в карьер в своей обычной предельно грубой и хамской манере:

– Ты кем себя возомнил, а? Твои товарищи пламенные борцы знают о твоей родословной, о твоих наклонностях и предпочтениях, апологет однополю любви?

Она задохнулась от возмущения:

– Да я только шепну кому следует – от тебя мокрого места не останется!!! – продолжала бушевать Гордеева.

И вдруг увидела улыбку, вернее оскал у хозяина кабинета на лице... О-о-о... лучше бы она не видела ее.

Чутьем нечеловеческим она поняла, что встретила очень опасного хищника и переступила невидимую черту, из-за которой возврата нет. «...Что теперь будет, я идиотка! Идиотка...»

Не снимая улыбки-гримасы с лица, Ирод ответил:

– А товарищи отлично знают о моих наклонностях и предпочтениях.

Помолчав, добавил:

– Да, однополюе отношения хоть и не приветствуются, но и не осуждаются прилюдно, у нас равенство пока что. Голубушка, поверьте,

на моей должности я могу иметь кого и куда пожелаю. Так что закончим на этом и перейдем к делу.

Он вытащил откуда-то увесистую серую папку с маленьким красным крестом на обложке справа сверху. На ней каллиграфическим почерком было выведено «Гордеева Елена Фердинандовна».

– Да ты что, стручок мелкий, на испуг меня собрался взять? Да плевала я на то, что в этой папке!!! Стучать не буду! Агентом твоим не стану! Заруби себе на своем носу!! Гордеева – не стукач!!!

– Да полноте, Елена Фердинандовна, – улыбнулся Василий Федорович. – Зачем вы мне сдались в этом качестве – у меня этого добра, стукачей, хватает и без вас. Кстати, настоятельно рекомендую: прекращайте свои ежевечерние рассказы о партийных товарищах и их... м-м-м-м... альянсах служебных и неслужебных, после обильных возлияний. И, пожалуйста, не пейте самогон из фужеров. Для крепких напитков существует иная посуда. Вы же все-таки женщина... Ну как можно...

– Это кто ж тебе настучал на меня, а? Какая сука? Порву!!!

– А никто не стучал – люди мне просто рассказывают... Все рассказывают сами и, прошу заметить, абсолютно добровольно.

– Ага, добровольно, знаю я таких, – она грязно ухмыльнулась: – Интересно даже, кто из вас кому жопу подставляет? – Фердинандовну опять понесло.

– Ну зачем же так сложно? Я просто прошу рассказать, и люди охотно идут мне навстречу. Вы тоже свою должность собственным детородным органом заработали.

Но, видно, последние слова все-таки задели его. Ирод машинально вытащил вилку из-под салфетки на столе и двумя пальцами, словно тонкую медную проволочку, согнул и открутил один зуб на ней, а затем и второй... Потом, опомнившись, внимательно посмотрел на безнадежно испорченную вилку и засунул ее под салфетку.

Фердинандовна снова ухмыльнулась:

– Ну и к чему этот цирк? Не боюсь я тебя, понял?

– Да и не надо. Людям с чистой совестью бояться нечего. Хотя... ладно – вот смотри, щупай. – Он достал из ящика стола строительный гвоздь двухсотку – длиной в двадцать сантиметров.

– Посмотрела? Пощупала? Железный?

Фердинандовна растерянно кивала головой на каждый вопрос.

– Эх, пропал маникюр... – весело сказал хозяин кабинета и с усилием закрутил этот гвоздь вокруг указательного пальца левой руки.

Снова протянул закрученный в петлю гвоздь Фернандовне:

– Смотри!!! – властно приказал.

Та испуганно оттолкнула от себя железку: – Нет, не надо...

– Ну то-то, – удовлетворенно сказал он и выбросил гвоздь в корзину для бумаг. Тот упал, звякнув железно обо что-то.

Фердинандовна опять пошла в атаку:

– И много уже этих гнутых железяк у тебя там, фокусник? Цирк мне тут устраиваешь?

Ирод молча вытер руки носовым платком и как-то с сожалением и разочарованием посмотрел на нее.

– Ну что ж ты такая глупая-то, Лёлочка, а?

– Какая я тебе Лёлочка??? – взорвалась Гордеева. – Ты что о себе возомнил? Ты кто такой? Как тебя зовут, намаженный-наодеколоненный???

Вот тут хозяин кабинета посуровел лицом и произнес: – Ну вообще я Василий Федорович, хотя местные сотрудники зовут меня за глаза Иродом. Правильно зовут, – помолчал. – Надеюсь, у тебя в Люстдорфе Библию читали? Кто это и чем прославился, объяснить не надо? Ты можешь называть меня как захочешь, но я дам тебе подсказку, – тут он железной хваткой зажал левую руку Лёли и надавил на болевую точку между пальцами.

Фердинандовна еще никогда не испытывала такой дикой боли, поэтому заверещала громко и протяжно.

– Ты думаешь, что это самая сильная боль? – продолжал тихо Ирод. – Ты ничего не знаешь о боли... А ведь можно и еще добавить, – и он зажал между двух пальцев другую точку на ладони.

Фердинандовна уже орала во всю мощь своей глотки.

Неожиданно он отпустил ее многострадальную руку:

– Вы не обмочились часом, голубушка? А то у меня часто на допросах барышни такое исполняют... да и мужики – тоже. Хотя меня больше к барышням приглашают на беседу... – Помолчал и добавил: – Учитывают все-таки товарищи мои природные особенности, понимают, как я не люблю вашего брата, точнее сестру... Ну да ладно, ты ж у нас медик от Бога, говорят, и саквояж у тебя какой-то шикарный именной, значит, оценишь.

Ирод достал из стола бархатный черный футляр, развернул его и показал полный набор непонятого инструмента.

Гордеева, потирая ноющую ладонь, наклонилась над ним:

– Серьезная вещь. Для препарирования? И кого на запчасти разбираешь?

– Да как сказать... Этим инструментом очень удобно извлекать нервные волокна из тела. Живого, разумеется. Китайские товарищи подарили мне год назад и обучили своей методике. Специальный набор для ведения допроса – нет нужды кого-то бить или что-то ломать: нервные окончания правят бал. Вот с тех пор на допросах для меня нет тайн. Я ж говорил тебе: со мной все предельно откровенно...

Так что не питай иллюзий, Лёлька... Тебе ж уже один раз сказали: не переоценивай свое значение для партии и народа, что было непонятно? Ты кем себя возомнила? Ты – пыль... даже меньше чем пыль для меня. Ты – расходный материал... Ты – никто...

Он помолчал. Потом добавил:

– Вон ту гориллу, что привезла тебя ко мне и сейчас обратно отвезет, заметила?

Гордеева, судорожно сглотнув, молча кивнула.

– Так вот, его уже нет... Неделю как нет. Я его в расход уже записал.

– За что??? – выдавила через сухое горло Фердинандовна.

– Да воняет он... Товарищи жалуются, – скучно ответил собеседник. – Так что как только не будет нам хватать до плановых показателей человечка – так мигом его и оприходуют... Даже раздевать не станут – не отстираешь одежку-то, провонялась, наверное, навечно... Только уговор, – он снова иезуитски улыбнулся, – ты ему пока ничего не говори, а то расстроится служивый.

Фердинандовна судорожно закивала в ответ.

– Да знаю, знаю, что ничего не скажешь... Мне никто в таких мелочах никогда не отказывает... Все про всех молчат...

Ну, идите с богом, многоуважаемая Елена Фердинандовна, очень впечатлен нашей встречей и рад безмерно нашему знакомству.

– А?..

– Нет-нет, мне от вас ничего не надо... Учитывая мои природные склонности, так сказать... Так что забирайте свой знаменитый

саквояж с собой и ступайте, вас люди ждут. Тридцать человек – шутка ли, и еще две роженицы.

– Три, – машинально поправила Фердинандовна.

– Ну да, ну да... Конечно три, как же я запомнил... Ступайте с богом, дорогой наш доктор... До скорого свидания!

И вот еще, – он брезгливо протянул ей салфетку, что прикрывала тарелки и изуродованную вилку, – оботритесь, пожалуйста, вы вся неприлично мокрая... и запах от вас.

Фердинандовна взяла салфетку, подхватила саквояж и на ватных ногах вышла из кабинета.

На выходе гориллоподобный охранник с усмешкой посмотрел ей прямо в глаза, скомандовал: «Стоять!» и заглянул в дверь.

– Отвезти куда скажет, и смотри у меня! – снова бестелесно и еле слышно прошелестело из кабинета.

Охранник с совершенно обалдевшим видом обернулся к Гордеевой:

– Прошу вас пройти в машину...

Что-то сломалось в привычном ему ходе событий, и он явно не знал, как себя вести в данной ситуации.

А Фердинандовна только смогла сказать:

– Домой.

Молча сидела в машине, с трудом добралась до своей комнаты и тут ее накрыло... Это был такой страх, что и описать сложно. Два полных стакана самогона и полстакана спирта вдогонку не помогли. Всю ночь ее трясло, как в лихорадке, и только к утру отпустило.

А наутро в дверь снова постучал тот же охранник и уже вежливо попросил пройти в машину, ее ждут для беседы, сказал он.

Через двадцать минут в кабинете Дейча будет стоять бледная как смерть, протрезвевшая и благоухающая Петькиным одеколоном Елена Фердинандовна Гордеева с акушерским саквояжем и двумя чекистами за спиной.

– Дело к вам. Практически военная тайна. Понимаете?

– Догадываюсь, – ответит Фердинандовна и моментально услужливо спросит: – Сифон? Трепак? Аборт?

– Последнее. На дому можете?

– От срока зависит. Лучше в больнице.

– Понял. Завтра в десять будьте готовы и уберите посторонних.

Даже непробиваемая Гордеева обескураженно и громко заматерится, когда увидит пациентку:

– Ох, ни... себе!

Чекист приподнимет бровь:

– Спокойнее, гражданка Гордеева. Анна Ивановна проходите, не смущайтесь. Врач уже готов к приему.

Фердинандовна усадит Аньку на кресло и отхлебнет из Ваниной фляги.

– Вот это поворот. Не бойся, девка, трепаться не буду. Себе дороже.

Проверка на вшивость

Вернувшись домой после чистки Аньки, Фердинандовна долго стояла на пороге квартиры. Петьки дома не было, и слава богу – лицо Лёльки ничего хорошего не сулило.

Многозначительно сказав: «Ну-ну» и добавив свое «скрижальное»: «Я вам сделаю пенку во весь горшок», Фердинандовна подошла к буфету и вынула свой любимый синий фужер, из которого так сладко пила самогонка.

Повертела его в руках, посмотрела на просвет, вздохнула и со всей дури метнула в стену. Фужер взорвался, осколки синими брызгами разлетелись по комнате. И тут стальная Гордеева вдруг зарыдала в голос... Так, как плачут несправедливо обиженные маленькие дети, зарыдала, как в далеком детстве, когда случайно сломала любимую игрушку – куколку с фарфоровым личиком, подаренную мамой, единственным человеком, кто по-настоящему любил своенравную и взбалмошную Хелену.

Вместе с тяжелым стеклом лопнула и разлетелась вдребезги Лёлина жизнь. Этот фужер был последним звеном между размеренным прошлым и зыбким, страшным непредсказуемым настоящим.

В этом плаче было много чего намешано... И горькие воспоминания детства, и вчерашний ужас после встречи с Иродом, и сегодняшнее унижение, и крушение иллюзий, и осознание собственной малозначимости для власть имущих, и – самое главное – понимание, что весь ее родной двор, который она любила, все ее соседи, которых она лечила, предали ее... Предали тайно и явно, и от

этого становилось еще горше, и рыдания вот-вот могли перейти в истерику.

Но тут в дверь кто-то постучал, и она услышала встревоженный голос Ривки:

– Фердинандовна, с тобой все в порядке???

– Угу... погоди, ща отворю.

Она по-мужицки тыльной стороной ладони оттерла слезы, высморкалась в крахмальную скатерть и распахнула дверь.

– Мадам Гордеева, что случилось?! Чем помочь? – Испуг соседки был искренний. Ривка впервые в жизни видела зареванную Лёльку и не знала, как утешить.

Но в голове Фердинандовны уже созрел четкий план.

– Заходи, присаживайся... Примем с тобой по пару капель на помин нашей прежней жизни...

– Что-случилось-то?

– Да ничего – вон фужер любимый разбился, жалко...

– А при чем тут прежняя жизнь?

– А это все, что в память о маме осталось, о слободе... Он как мостик был между нами, а теперь – все... был и нету...

Фердинандовна достала из высокого буфета два лафитника того же синего стекла и с таким же узором, что и на фужере, налила в них казенки из засургученного шкалика. Такую водку дореволюционного года выпуска, да еще государственного завода не видели на Молдаванке с самой революции.

Обалдевшей от такой царской щедрости Ривке Гордеева пояснила:

– Из старых запасов... Какой-то трипперник отблагодарил.

Махнули по первой и тут же налили вторую.

Фердинандовна налила по третьей и начала издалека:

– А вот скажи мне, Ривка, когда наконец наши чекисты с полицией или как там их, милицией начнут понимать, что нельзя жрать в три пуза, когда народ голодает... Тот самый народ, за который они типа воют? Жируют, суки, в дворянских квартирах, белужью икру из ястыков, шоколад с инжиром жрут, когда за забором, в таком же санатории, угасают от малокровия и чахотки дети. Такие, как твои, Ривка. Да ложка этой икры, горсть гранатовых зерен или инжира вернула бы их к жизни, и утром они были бы живы и не превратились в мешок костей, который к вечеру свалят лицом вниз в общую яму.

Разве что прочтет над ними молитву старенькая нянечка... да и то – вряд ли... Побойтся, потому как юные санитарки-комсомолки мигом настучат куда надо, что такая-то бабка справляет тризну по пациентам...

Выдохнув, Фердинандовна хлопнула третью. Ривка, воспользовавшись паузой в гневной речи доктора, успела рвануть за дверь, испуганно прокричав на бегу:

– Ой... у меня ж молоко убежит...

– Ну-ну, беги-беги, голубушка, постучи своему благодетелю, что докторша окончательно выжила из ума и хаёт советскую власть что есть мочи... Постучи-постучи, сучье племя...

Коварный план, как найти стукача среди соседей, созрел в голове Фердинандовны в тот миг, когда Ривка окликнула ее за дверью. Он был классический и хрестоматийно простой.

Нужно было просто запастись терпением, водкой и системно обойти каждую квартиру и в каждой провести провокационную беседу на одну из выбранных тем. А далее ждать, по какому поводу вызовут в ЧК. Главное тут – не забыть, с кем и на какую тему велась беседа. Учитывая будущие возлияния и количество подозреваемых, Лёля по-немецки обстоятельно подготовилась и составила таблицу, где отметила, с кем и о чем будет беседа.

Разными значками она помечала результаты встреч. Были такие, кто сразу посылал ее нецензурно, а были и те, кто навязчиво просил деталей и пояснений, просил еще страшилок...

Первых, кто посылал ее, она помечала крестом в круге, а вот вторых – маленькой птичкой – прообразом дятла.

Фердинандовна очень изменилась, это заметили все соседи... Она уже не входила без стука в любую дверь, стала непривычно любезной и уже не орала почему зря на вся и всех с галереи. Теперь она стучала в наличник распахнутых по-летнему дверей, спрашивала разрешения войти, заходила в дом и сразу ставила бутылку на стол со словами:

– Я пришла посоветоваться...

Это было очень необычно и настолько не характерно для Лёльки, что соседи решили – и Фердинандовна «поехала кукушкой», и, похоже, кроме разбитого фужера, о котором Ривка сразу рассказала подругам, что-то у нее разбилось – то ли по работе, то ли в личной жизни, и

знаменитая Гордеева стремительно спивается. Соседи сочувствовали и пытались поддержать беседой или, хотя бы, закуской.

Вот так, на волне общего сочувствия, она за месяц обошла всех во дворе и с каждым провела индивидуальную беседу.

Вернувшись с последних по списку посиделок за бутылочкой, Фердинандовна еще раз просмотрела список с номерами квартир и темами бесед, внесла несколько правок и брезгливо оттолкнула его от себя по столу... Затем стала судорожно вытирать руки подолом платья, потом нагрела воды и долго-долго отмывала руки, по-докторски тщательно намыливая и промывая их многократно в тазике. Затем, не выдержав, вымылась с ног до головы. Она как будто смывала с себя всю грязь, в которой ей пришлось извлекаться за прошедший месяц.

После ритуального омовения Лёлька на удивление быстро заснула и утром внезапно поняла, что больше ее ничего не гложет и не будоражит. И главное – у нее больше нет сомнений в своем праве «знать, а не догадываться».

Махнула с утра свою ставшую за месяц уже привычной дозу – три лафитника самогонки и, закусив остатками вчерашнего борща, принялась за уборку в доме. В любых сложных жизненных ситуациях, в минуты внутреннего раздрая, бессилия, тревоги и прочих жизненных проблем Фердинандовна принималась за уборку в доме. Это был ее спасательный круг, ее убежище от себя самой и проблем, и, как ни странно, это очень часто помогало найти правильное решение, казалось бы, неразрешимой проблемы или просто примириться с неизбежным...

Темнота

Анечку после аборта привезут в ее квартиру. Она, по-собачьи скуля, скрутится калачиком в углу дивана. Такой найдет ее Макс. Зацелует, прижмет к себе и почувствует холод и темноту. Светлячок, огонек Анечка погасла.

– Иди домой, Макс. Тебя жена ждалась. Я все равно сегодня ни на что не годная...

Он снова летел в свою пахнущую могилой бездонную пропасть. Его счастливая звездочка закатилась.

Он вернется на следующий день с ее любимым шоколадом, янтарными мягкими абрикосами и дорогой игрушкой. Змея из червонного золота причудливо изгибалась и прихватывала себя за хвост. Вместо глаза в резной и черненной голове был крупный бриллиант. Макс приколет змею ей на платье:

– Будет защищать тебя, когда меня рядом нет. Смотри, как похожи, – он повернется в профиль и изобразит фирменный оскал. – Я тоже себя своим же ядом убью когда-нибудь.

Анька дернет худым плечиком и грустно улыбнется:

– Макс, я тебя люблю. Зачем мне это мещанство?

Дейч помрачнел:

– Пригодится, поверь. Не вечно же я рядом буду.

Он сказал и осекся, настолько пророчески страшно и безнадежно прозвучали его слова в солнечной комнате.

Они еще пару месяцев будут пытаться делать вид, что ничего не случилось. Но прежней страсти не было. Макс получал холодные техничные движения. Сколько хотел. Но это была послушная механическая кукла, которая оживала, только рыдая по ночам в ванной комнате. Придраться было не к чему. Но тепло, которого так искал и так жадно выхватывал кровавый комиссар, исчезло.

Аня не могла смириться – ее тело оказалось более жестоким и честным, чем голова. Она пыталась любить, но тело не простило предательства Дейча. Для нее аборт стал казнью их любви. Без суда и следствия. Она была таким же расходным материалом в топке революции, как и остальные. И пока она только осознавала, тело уже реагировало на вчерашнего любимого как на насильника.

Он все поймет. Обеспечит ей красивый уход – собственный дом, правда, на отшибе, за городом, в «новой Швейцарии», на восьмой станции Фонтана, но с видом на море и садом, чтобы она могла дышать и рисовать на террасе. Так далеко, потому что, может быть, когда-нибудь он тоже сможет приехать сюда... А еще должность. Достойное рабочее место главы комиссии по вопросам обеспечения агитации и пропаганды в санаторно-курортных учреждениях. Аня теперь станет проверять моральный облик культурных программ и агитационные материалы во всех домах отдыха и санаториях по Черноморскому побережью от Одессы до Керчи. Отличный способ проводить минимум полгода на курортах в идеальном климате.

Сам Макс, переселив Анечку из квартиры в дом и сухо, по-партийному попрощавшись, окончательно превратится в зверя. Через месяц его экстренно вызовут в Москву. Количество доносов и жалоб на товарища Дейча не поместится в три почтовых мешка.

– Мендель, ты рехнулся? Ты что творишь? Я понимаю, строительство нового государства, внутренние и внешние враги, план в конце концов, но это даже для ЧК чересчур.

– Для кого? Для одесских зажавшихся котов, которым на яйца наступили и хвост прижали?

– Не только. Что у тебя с этой девкой чахоточной?

– Ничего. Уже ничего.

– Может, вернешь? Если так все плохо? Или сразу пристрелишь, чтоб не мучиться? – Шутка не удалась. Железный Феликс посмотрел на его лихорадочный блеск в глазах и отправил верного пса революции в долгосрочный отпуск для восстановления здоровья, подорванного многолетней каторгой. Вместе с супругой.

После отпуска Дейч узнает, что одесская ячейка... исключила его из партии. Задним числом. За хищения. Московские покровители внезапно вступятся за старого товарища.

Проведенная Президиумом ВЧК и Наркоматом юстиции проверка покажет, что доносы о присвоении Дейчем конфиската оказались ложными. Его не просто восстановят в партии, а назначат замначальника экономического управления ГПУ – государственного политического управления – новой структуры, предложенной самим Лениным. Дейч затаится – найти и уничтожить одесских предателей будет обязательным пунктом в списке его дел на ближайший год.

Гражданка Гордеева

Елена Фердинандовна, разбросав семена раздора по двору и заполнив табличку, ушла с головой в привычные больнично-акушерские хлопоты. Жизнь главного врача «по-женски» всея Молдаванки не дает времени для долгих рефлексий и размышлений о судьбах отечества. Прошел месяц, затем второй, она уже почти забыла за текучкой о своем эксперименте по поиску стукача, как вдруг, уже в конце октября, в дождливое утро в дверь постучали.

На пороге стоял высокий холеный молодой человек в знакомой военной форме из командирского сукна, с набриолиненным пробором и тонкими чертами лица:

– Ну, поехали, голубушка... сами знаете куда...

– Ага, новенький... Старый, значит, на выполнение плана понадобился.

Посыльный удивленно посмотрел на нее.

– Ну, поехали. Дошла, значит, моя посылка, – ответила Фердинандовна.

Бриолин поднял тонкие и без того театрально изогнутые брови:

– О чем это вы, любезная Елена Фердинандовна? А впрочем, собирайтесь, там и наговоритесь всласть и о посылках, и о письмах. Обо всем расскажете...

Когда Фердинандовна уже собралась, бриолин вдруг сделал шаг в комнату и взял ее саквояж, стоявший на своем привычном месте – на сундуке, справа от двери.

– Ты это чего творишь? – прошептала Елена.

Молодой человек посмотрел на нее безразличным взглядом и молча мотнул головой в сторону выхода.

– Вперед! Особого приглашения не будет, а будете выпендриваться – сделаю больно... очень. Иди вперед.

Дорога на знакомой машине с наглухо зашторенными окнами не заняла много времени.

По молчаливому приглашающему знаку своего сопровождающего Гордеева вошла в знакомый кабинет без таблички на двери, вошла с почти веселым лицом, на кураже, хотя внутри ее была нервная дрожь.

Остановилась посреди кабинета, насмешливо глядя прямо в глаза Ироду. Тот в свою очередь смотрел на нее с некоторой долей любопытства, чуть наклоня поочередно голову то к одному плечу, то к другому. Разглядывал как незнакомую забавную зверушку, а потом прошелестел своим бесцветным голосом:

– Я думал, что вы умнее... Ошибся я в вас... Ну да ладно, как вы говорите обычно, любительница прибауток и фольклора, и на старуху бывает проруха, так?

– Это вы о чем?

– Да все о том же. Я думал, что ты все поняла, а ты оказалась просто тупой бабой... Такой же, как все ваше семя, – он брезгливо

поморщился и продолжил: – Ты что ж это, сучка безголовая, решила, что самая хитромудрая? В сыщика решила поиграть? Совсем ополоумела, сука немецкая?

– Да как ты смеешь... – начала Фердинандовна.

– Молчать, тварь!!! Боже!!! Как же у меня руки чешутся, как я хочу поставить тебя на конвейер!!! Чтоб обоссалась от боли, чтоб валялась в луже собственной крови, говна и мочи, чтоб ты поняла наконец, что ты никто!!! Пыль!! Дерьмо нерусское!!!

Фердинандовна онемела... Теперь ее била уже нешуточная дрожь.

Самое страшное в речи Ирода были не слова... Самое ужасное было то, как он их говорил – совершенно тихо, спокойно и обыденно, чуть пристукивая в такт по столу карандашом.

– А ну-ка иди сюда, – он ткнул карандашом перед своим столом.

Фердинандовна стояла не двигаясь. Она просто не могла, ее парализовал какой-то дикий животный страх.

– Давай-давай, не стой столбом... Тебя снова отмазали. Ты обязательно попадешь на конвейер, обещаю, но не сегодня...

Фердинандовна на деревянных ногах подошла к столу.

– Смотри, сучка тупая, – Ирод вынул из уже знакомой папки с красным крестом и ее фамилией какой-то лист и толкнул его карандашом в ее сторону.

Лельку прошиб холодный пот – это был ее список с темами бесед, крестиками и птичками.

– Ты что ж это думаешь, что я вот так просто своих стукачей тебе дам отыскать? Да ты совсем безмозглая курица! И что в тебе нашли наши бабы... Пинкертон сраный!

Совершенно обессилев, она оперлась руками о стол, думая только об одном: не упасть, ни в коем случае не упасть!!!

– Эй ты, не вздумай мне тут в обморок грохнуться! А впрочем – совместим приятное с полезным. Вот не могу я отказать себе в небольшом удовольствии, – сказал Ирод, плотоядно усмехнувшись, и нажал тыльной стороной карандаша на болевую точку между пальцами...

Фердинандовна непроизвольно заверещала.

– Так, не ори, это не больно, ты не знаешь еще, что такое боль... Смотри!!!

Ирод глубоко вдавил карандаш острием себе в ту же точку и даже не поменялся в лице, потом неожиданно схватил Лельку за запястье и, вложив в ее руку свой карандаш, снова вдавил его в ту же болевую точку, только уже накрыв своей железной лапой руку Фердинандовны.

Это уже было за гранью – она сползла в беспомощности на пол.

Очнувшись от резкого запаха нашатыря.

– Ну что, теперь понимаешь, что ты – никто? – спросил, наклонившись к ней, Ирод и мазнул ваткой с нашатырем ей под носом. Фердинандовна одурела от резкого запаха, и слезы непроизвольно брызнули из ее глаз.

– А ну-ка без истерик мне тут!!! – и резкий болезненный удар носком сапога по ребрам.

Фердинандовна задохнулась от боли.

– Вставай, сучка, приведи себя в порядок, забирай свой саквояж и вали на все четыре стороны, Шерлок Холмс доморощенный. Сегодня ты своим ходом, не будет на тебя республика бензин тратить, есть у нее другие более важные нужды.

Фердинандовна поползла на четвереньках к своему раскрытому саквояжу.

– И это забирай, Ирод протянул ее пузырек с нашатырем, – мне чужого не надо...

Она встала на ноги и молча пошла к двери, но, как оказалось, попытка еще не закончилась.

– Кстати, спасибо тебе за списочек, есть теперь у меня резерв для выполнения плана, – прошелестело сзади, – есть над чем поработать, не все граждане оказались сознательными и верными делу революции, не все доложили о твоих разговорах задушевных.

Фердинандовна выронила саквояж и упала на колени:

– Ради всего святого, не надо!!! Умоляю!! Не надо!!! За что??? Они ни в чем не виноваты – они простые люди, умоляю, не надо...

– Ты иди... Ты свое дело уже сделала... – усмехнулся поганно Ирод. – Это я буду решать, что надо, а что не надо. Шевелись, надоела ты мне, немчура поганая...

Гордеева не помнила, как добралась домой, что делала вечером – обратная дорога стерлась в памяти. Она окончательно замкнется и перестанет пить.

НЭП

1922 год стал долгожданной светлой передышкой после войн, голода и смены властей. Начиналась Новая Экономическая Политика – НЭП. И выжившие одесские коммерсанты, как Феникс из пепла, ринулись восполнять пошатнувшееся благополучие.

Софа Полонская по-своему резюмировала благословение партии на восстановление промышленности:

– Как же! Новые штаны со старыми дырками! Я с вас удивляюсь! Они ж через пару лет все отберут.

Семен Самуилович – Циклоп – одернул гимнастерку:

– Но за эти пару лет можно много успеть... восстановить, гражданка Полонская.

– Оцем-поцем! Шо тебе восстанавливать, Сема? На саване карманов нету. Куда тебе столько? У тебя ж три бюджета республики в чулках хранятся.

Сема, улыбаясь, наклонился к Полонской:

– Кто-то таки играет из себя врага революции и хочет наговорить себе на две расстрельные статьи?

Софа устало посмотрела на Сему:

– Ой, это пшено меня пугает! Я била твою голую жопу, когда ты собирал окурки в подворотне! Сема, твой папа был уважаемый уголовник, он в гробу переворачивается. А шо это – кошерно по воровскому закону работать в органах?

Сема отмахнулся:

– Софья Ароновна, пожилой женщине надо пить рюмку наливки и греться на солнышке, а не читать газеты. Сильно умным сейчас сложно, я бы даже сказал: опасно.

Правы оказались оба. Одесса встряхнулась и понеслось – тресты и синдикаты на началах кооперации. Все, как раньше: кредиты, снабжение, внешнеторговые операции, оптовая торговля... Вместо товарообмена началась полноценная коммерция. Вернулись ярмарки и товарные биржи, отменили уравниловку и трудовую повинность. И да – несмотря на гневное ленинское, что свобода торговли является для большевиков «опасностью не меньшей, чем Колчак и Деникин, вместе взятые», уже через полгода в промышленности и торговле, как сорняк

из-под булыжной мостовой, пророс частный сектор. Государственные предприятия денационализировались или сдавались в аренду. И главное – частным лицам разрешили создание собственных промышленных предприятий, но не более чем с двадцатью работниками. Ха – насмешили... Пятая часть всей промышленной продукции и восемьдесят процентов розничной торговли уже через год были в частном секторе.

С таким бурным восстановлением и ростом у Беззуба не было выходных – он работал на железной дороге, консультировал и организовывал ремонтные цеха и восстанавливал утраченные сбережения.

Петька практически стал оруженосцем Беззуба. Он забросил учебу – зачем? Грамоте обучен, а математике и физике он мог обучать сам, но учителям слишком мало платили.

Когда папа носит деньги чемоданами, а вокруг открываются десятками кабаре и кафе, как не воспользоваться и тем и другим?

Женя Беззуб отличалась от старших сестер. Лидочка со своими аристократическими замашками и стальной хваткой приумножала уцелевшие капиталы мужа и занялась опять внешней торговлей – благо хватки, высших бухгалтерских курсов и знания языков ей таки хватало с головой. Муж обеспечивал уцелевшими нужными связями. Анюта с головой ушла в революционную агитацию и конструктивизм, поэтому дома появлялась только на дни рождения.

Женя была жадной к жизни – она рвала ее зубами со всех краев без разбора. Читала запоями, гоняла на мамином велосипеде, научилась вязать крючком и вышивать (да, назло Пете!) и вечерами сидела на коридоре, закинув ногу на ногу так, чтобы ее тонкие щиколотки и спортивные икры были хорошо видны, и вышивала болгарским крестом со скоростью швейной машины «Зингер». Но любимым ее развлечением стал собственный синдикат с Семиным младшеньким Борей. Юный продавец дохлых крыс давно возмужал и заматерел и в свои четверть века, отстрелявшись во всех смыслах на всех войнах, наслаждался летом, солнцем и папиными гешефтами. Теплое место в госконторе оставляло достаточно времени на разнообразный досуг. И любимым его доходным развлечением стал тир. Тандем Бори и Жени представлялся как брат с сестрой – семитские черты делали их практически родственниками. Они устраивали подобие тотализатора,

когда Женька, нежный цветок в школьном платье, хлопала ресницами и неумело роняла винтовку, а потом выбивала на спор с подгулявшими гражданами десять из десяти. Боря следил, чтобы сестру не обижали, и честно делился прибылью.

Коммерческий проект начался случайно. В парке отдыха на месте бывших Дашковских дач в свежееорганизованном тире Боря с другом охмурял барышень. Мимо на велосипеде проезжала Женька. Она тормознула, глянула на результаты и, скривив лицо, сообщила: – Тю! Я и то лучше стреляю.

– Малая, а что ставишь, если промажешь?

Женя прыгнула: – Велосипед!

– На что нам дамский? – заржал Борин друг.

– А давай... проиграешь – пойдешь в одних панталонах через весь двор!

– А если выиграю?

– А что хочешь?

– Тогда вы в дамском платье гуляете до Степовой и назад! Я платье дам.

Барышни хохотали:

– Ой, ворона непуганая!

Женька попросила один выстрел – пристреляться.

Боря скривился: – Не, девонька, мы так не договаривались!

– Ладно – хочешь иллюзион – плати за патроны!

Женька взяла винтовку, вскинула к плечу. Выстрелила, перезарядила. Фигурки падали одна за одной, в финале завертелась мельница в центре тира.

С сияющей рожой Женька повернулась к собравшейся публике.

– Але-ап! Платье предпочитаете черное или ультрамарин? Или, может, гимназическое?

Девушки хохотали.

Приятель Бори покраснел.

Женька села на велосипед:

– Ладно, прощаю, конфет мне купишь.

Боря ржал:

– Не-не-не! Не по понятиям! Я ходов обратно не беру. Дуй за платьем. Мы сейчас придем.

Когда Женька умчалась, Боря сыпанул мелочи и вскинул винтовку...

– Как?! Тут же пристреливаться надо! Влево сносит! Как она...

Старый потный дядечка в тире беззвучно трясся от хохота:

– Шлимазлы, эта фифа каждый день приходит сюда вместо уроков. Она и с закрытыми глазами во что хошь здесь попадет!..

– Нюсечка, Нюсечка, – Женька пританцовывала возле соседских дверей. – Нюсечка, дайте ваше платье, которая как морская нимфа.

– Зачем тебе? Ты ж в нем потонешь.

– Ой, будет умора! Нюсечка на полчаса! – Женька умоляюще сложила ладошки.

Боря подобрал сине-зеленый подол и, прикусив для кокетства губу, поправил резинку от носка на икре. Затем взмахнул ручкой и подмигнул Нюсе. Он, неприлично вихляя задом, сделал круг по двору и подошел к Гедале:

– Мушшшина, а угостите даму папироской?

– Адиёт! Папаша твой тебя не видит! – плюнул Гедаля.

– Должок отработываю! – Боря послал воздушный поцелуй дамам на галерее и вышел из двора. Женька, рыдая от хохота, шла сзади.

Домой она вернулась на цыпочках с вывернутой шеей – именно так за ухо завела ее во двор Фиры и посадила под домашний арест.

А когда она наконец вышла из заточения, ее перехватил Боря:

– Красиво сработано. Уважаю! А денег хочешь?

– А что делать?

– Стрелять, конечно, только тир поменяем.

Боря вздыхал и подставлял Женьке ручку кренделем: – Что ж ты такая маленькая, Шейна? Я б на такой фартовой женился, ей-богу! Мы бы такое крутили! Но увы – мне Ирина Михайловна открутит медебейцалы, если папаша твой раньше не отстрелит!..

Внимание взрослого пижона Бори не просто льстило девичьему самолюбию – Петя, почти освободившийся от ее чар, снова негодовал.

Двенадцатичасовой труд – лучшее средство не только от душевных расстройств, но и от любовной лихорадки. Усталость и многозадачность каждого дня постепенно вытесняли тоску и тянущую болезненную память о Жениных губах и талии. Но когда он увидел Женю с жирным старым Борей, то просто сбесился. Он еще не знал,

что этот адский огонь называется обычной ревностью. Он выследил их маршруты и с пульсирующей головной болью наблюдал, как Боря украдкой масляным кошачьим взглядом ощупывает хохочущую Женьку с винтовкой. Еще немного, и Боречка будет околдован, как и Петька, и никакие приличия, нормы и страх перед Иваном Беззубом его не остановят.

Пришло время крайнего средства. Петя уже уточнил у знающих мужиков нехитрый алгоритм – очаровать, уговорить, отвести гулять. Оленька была отличным экземпляром. На год старше Женьки. Из ее же переименованной в школу гимназии. Настоящая мамзель – жеманная, томная, в туфельках на каблуке, модном платье свободного кроя и шляпке. Она была полной противоположностью Женьке. Золотые кудри под каре, подведенные глаза – королева школы. Когда это обычный расчет без чувств – то все идет как по маслу. Для привлечения внимания Оленьки было достаточно пары букетов с записками о ее красоте и появления Пети в новом дорогом костюме. В субботу они уже гуляли под ручку в Александровском парке. «Случайно» остановились возле тира – Оленька с букетом и мороженым звонко смеялась над шуточками Пети, который по-хозяйски обнимал ее за талию.

– Постреляем?

Женька удивленно оглянулась на знакомый голос. Петька целых шестьдесят секунд был триумфатором.

Женька промазала и перезарядила.

– Ну-у, я не хочу стрелять! Я же барышня, – Оленька, сама того не зная, была великолепна.

– А и правда, пойдем лучше в синематограф.

Оленька, манерно оставив мизинчик с тающим мороженым, лизнула сама и протянула рожок Петьке. Он не успел наклониться. Раздался щелчок и выстрел. Мороженое разлетелось в клочья, забрызгав лица и одежду парочки. Оленька завизжала. Женька откинула винтовку под крики отдыхающих и, глядя Петьке в глаза, спокойно проворковала:

– Ой, простите, промазала. Боречка, у меня голова кружится. Пойдем отсюда.

Оленька была фифой, но не душой. Она оттирала платочком платье:

– Ты меня из-за нее сюда притащил?

Петька позорно краснел:

– Нет, ну ты что?

– Доволен?! Я чуть не обмочилась от страха!

– Прости, прости, прости. Я не знаю, что на нее нашло – там все кончено давно.

Оленька покосилась на Петю:

– Точно? А у нее, похоже, нет...

Пятнадцать – самый мерзкий возраст: и не ребенок, и не взрослый. С тебя требуют и не разрешают. А самое паскудное, что, несмотря на все цивилизации, прогресс, революции и свободы, ты как болван вынужден заново открывать все давно распахнутые двери. Ну почему нет инструкций для отношений, где все прописано: как поступать правильно и какие есть варианты развития событий.

Петька был в смятении: да, он убедился, что Женька к нему неровно дышит (а может, это просто бабская обида?), ну и что теперь с этим знанием делать? Да, она теперь горит в том же синем пламени ревности, что и он. Ну – и?.. Что дальше? Вернется она как? Или (у него ноги стали ватные и от ужаса заныл низ живота), а вдруг это – «пропал»? А если она теперь точно никогда не вернется.

Он невпопад отвечая и извиняясь, проводит Оленьку домой.

Боря щедро оплатит хозяину тира Женькин выбрык и быстро уведет ее:

– Шейна, ты что творишь? Такую точку хлебную потеряли! Ты что, запала на этого поца немецкого? Зачем такой барышне тот хозер? Он же скучный – ни куража, ни риска, ни фантазии. Он тебе надоест через месяц и не отвяжется потом никогда. Зачем тебе этот гембель?

– Сдался он мне! Я просто (Женька отчаянно сочиняла на ходу), просто Ольку эту ненавижу. Строит из себя невесть что.

– А хочешь, сеструха, шампанского выпьем? – Борька приобнял Женю за плечо. – Помянем и закопаем прошлое?

Женька притормозила:

– А давай!

Боря улыбался Жене, но сам был в бешенстве. Он уже давно все просчитал не хуже Пети – сейчас он годик погуляет эту борзую малолетку, приручит потихоньку и дальше обучит всему – и любви, и покорности, и гешефтам. Он может подождать – доступных девок

навалом, а эта ягодка пусть созреет, пусть привяжется. И тогда Боря станет ее первым, ее наставником, учителем и хозяином, а когда обрюхатит, то никакой важный Беззуб со всем своим депо возражать против свадьбы не сможет. К двадцати Шейна расцветет в такую красотку, что вся Одесса обзавидуется Боре, а пока девочка цены себе не знает.

Но он не учел Петьку. Кто бы мог подумать – эта занудная немчура! То, что Петька просто жрет глазами Шейну, Боря считал еще год назад. Но он не жадный – на здоровье: девочка как музей – глазами смотреть, а руками не трогать. А тут такой поворот.

– В кафе не пойдем – давай на море завалимся? Пять минут!

Боря заскочил в ресторан и магическим образом организовал корзину с шампанским, хрустальный фужер и персики. Свистнул извозчику и повез Женьку в Отраду. Он усадит ее на парусиновый пиджак и вручит фужер.

– За тебя, шейне пунем! А кто не понял, какая ты цаца, – тот полный мишигинер!

Женька выпила залпом и поперхнулась. Боря финкой почистил ей персик и подлил еще.

Сок тек от ладошки к локтю. Боря перехватил ее руку и лизнул снизу-вверх, чмокнув в ладошку:

– Боже, какая ты сладкая!

Захмелевшая Женька наклонилась вперед:

– Поцелуй меня!

Боря пригладил ей волосы:

– Шейна, девочка, всему свое время. Я бы тебя съел целиком. Но целовать тебя пока нельзя.

– А вот и можно!

Женька наклонилась и прижалась к Бориным губам. Боря в отличие от Петьки, был опытным любовником – он едва касался ее щек, глаз, шеи, и когда она попыталась снова его поцеловать, легонечко отстранился:

– Шейна, ну что ты со мной творишь! Я же живой, не выдержу сейчас!

– Еще, – прошептала Женька.

Боря притянул ее к себе и поцеловал по-настоящему – долго, страстно, проводя рукой по талии и животу и бедрам, не пересекая

границ приличия, но совсем рядом.

– Пойдем, – он звонко поцеловал ее в нос. – Хочешь отомстить – сделай так, чтобы он увидел нас вместе и не под ручку.

Захмелевшая от ревности, вина и поцелуев, Женька шла, чуть покачиваясь.

– Давай понесу, – Боря подхватил Женьку на руки. – Королеву надо носить на руках!

Петька метался от угла Степовой до Михайловской. Уже смеркалось, а Женя до сих пор не вернулась. Вот остановился извозчик, Боря по-хозяйски, приподняв за талию, опустил на землю Женьку.

– Он смотрит, не оборачивайся! Давай, – прошептал Боря.

Женя подняла лицо к Боре и обхватила его за шею. Если бы в этот момент Борю увидел Иван Беззуб, то Сема точно остался бы без наследника. Но этот поцелуй видел только Петька. Боря отступил на шаг назад и провел Женьку до дверей.

– Иван Несторович, имею до вас пару слов.

Ваня вышел на галерею. Боря выглядел встревоженно и смущенно.

– Не знаю, как сказать. Не ругайте Женьку. Она выпила. Увидел в кафе, вот домой привел. Не дай бог что. Вы же знаете, она мне как сестра. Я не мог мимо пройти.

Беззуб помрачнел.

– Понимаете, я не знаю, шо там у нее стряслось, она молчит как рыба об лед, но похоже, шо этот ваш сосед с того краю разбил девочке сердце. Не мое дело. Но вы им столько добра сделали. Женьку не ругайте.

Боря спустился вниз, закурил и шагнул в арку.

Он схватил за руку Петьку.

– Все видел? Шейна моя! Еще раз увижу возле моей бабы – на нож поставлю. Понял?

– Посмотрим, – прошипел Петька.

Женька проснулась с дикой головной болью. Хуже боли была только память о вчерашнем дне. Что она наделала! Боже, она целовалась с Борей! Ужас! Он же взрослый! Она его не любит совсем.

Но как же он целуется... Она, сгорая от стыда, помнила его руки на своем теле. Стыд-стыд-стыд... Ей хотелось провалиться сквозь землю, и чтобы ее так обняли еще раз одновременно. Боже, она как падшая женщина. Никогда больше! Никогда и ни с кем! Она бросилась умываться.

– Женя, нам надо поговорить, – Ваня заглянул в комнату.

– Папа, я больше никогда не буду, – заревела Женька.

Ваня сел рядом с дочкой. Господи, его Фире было примерно столько же, когда он ее впервые увидел. Эта серединка, четвертая из шести детей, получилась самой живой, самой яркой и дерзкой. Вся в маму. У Ванечки разрывалось сердце.

Он погладил ее по голове.

– Доченька, кто тебя обидел? Доченька? Я его покалечу, убью! Кто?

– Никто, честно. Я сама во всем виновата. Я такая глупая. Папа, прости меня. Все хорошо, правда.

– Это Петя? Женя, он тебя обидел?

– Нет, ну что ты, он... он хороший.

Женя разрыдалась еще горше.

Ваня Беззуб не знал, что сердце может так разрываться от любви и беспомощности.

– Женя, хочешь платье? Хочешь, на яхте покатаемся? А? Женечка, доченька... А хочешь, стрелять пойдем?

– Я не хочу больше стрелять... нико-о-ог-да-а-а-а...

– А летать хочешь? – в отчаянии ляпнул Беззуб.

– Хочу! – внезапно затихла Женя. – Ой, очень хочу!

Папина дочка.

Беззуб оборвал все свои связи с Анатрой и аэроклубом, но мастера помнили, а завод национализировали. Иван Несторович попросил у дочери неделю.

В тот же день он подойдет к Пете:

– Что у вас с Женей стряслось?

– Ничего.

– Такое ничего, что она пьяная домой пришла? В глаза мне смотреть! – рявкнул Беззуб.

Петя молчал и краснел, как рак в кипятке.

– Петр Иванович, мы компаньоны. Ты со мной почти десять лет рядом. Я тебя сыном считал. Потрудись ответить, что значит твое

«ничего».

Петя сглотнул:

– Я люблю Женю. Очень давно. А она... – Он вспомнил тот поцелуй с Борей. – А она – меня нет. Я жизнь за нее готов отдать, Иван Несторович!

Неужели судьба решила показать Ванечке все, что чувствовал Мойше Беркович и Нестор Иванович одновременно? Он не знал, что сказать.

– Ты взрослый человек. Я знаю твою мать и надеюсь, что ты унаследовал ее порядочность. Патефонные пружины – теперь только твое дело. Мне ничего не надо. Я дам тебе рекомендации по работе в депо. И да – не подходи к моей дочери.

Улетай

Женя боялась выйти из дому. Два влюбленных, раззадоренных дурака контролировали периметр – один с галереи, второй – у подворотни.

Женя вышила и перечитала за неделю все, что могла. Больше отсиживаться дома было нельзя.

Первым она столкнулась с Борей.

– Шейне пунем, как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо.

– Как насчет Аркадии вечером? Смотреть на закат, кормить чаек хлебом, а тебя пирожными?

Женя ускорила шаг, и не оглядываясь, бросила:

– Не могу. Под домашним арестом!

Боря метнулся за ней в подворотню, поймал и притянул к себе:

– Шейна, ты на киче? Я тебя дождусь, отвечаю. – Он наклонился и поцеловал ее в шею: – Я так соскучился...

Женька отскочила от него, как патефонная пружина Беззуба-Косько.

– А я – нет! – и рванула из подворотни.

– Ой, вэйзмир... – вздохнул Боря, – испугалась моя девочка.

На углу у Алексеевской площади дежурил Петя.

– Женя! Женя! Постой! Женя, послушай!..

Зачем ты намечтала всего из женских романов? Никто не говорил, что эти книжные страсти могут случиться все и сразу. И самое главное, именно сейчас тебе хочется провалиться под землю, а не слушать взволнованные речи, глубоко дыша грудью. Она запуталась в своих чувствах, обидах и желаниях. А еще больше боялась того, что за ними стоит. Той самой взрослой запретной жизни. И от ее сегодняшнего выбора совершенно очевидно открывались абсолютно разные жизненные пути.

– Женья, да остановись ты! – Петька встал точно перед ней. Так близко, что она чувствовала его запах – пота, машинного масла и чего-то еще родного до головокружения.

– Женья... я... я дурак.

– Я знаю! Все сказал?

– Женья... Не гуляй с Борей! Он скотина.

– Ну да, а ты – принц. Оленька в это поверит.

Женья оттолкнула Петьку и рванула к трамваю.

– Я люблю тебя, – в отчаянии прошептал Петя ей в спину.

Иван Несторович сдержит слово. Через неделю в субботу он привезет Женьку на бывший завод Артура Анатры.

Его обещание дочери разбередило старые раны и воспоминания. Эксгумация юношеской мечты проходила болезненно. В обеденный перерыв он приехал на завод и, пытаясь обойти охрану, сыпал именами старых мастеров. Никого не осталось, пока он наобум не припомнил талантливого и скромного грека Васю:

– А Васька Хиони часом не работает еще?

Охрана вытянулась: – Василий Николаевич у себя.

Васенька Хиони, Ванькин ровесник, был ни таким деятельным, как первый авиатор Ефимов, ни таким ярким и популярным, как Серега Уточкин. Зато еще двадцать лет назад он уже был гением. В отличие от Вани, он не забросит свою мечту, а окончит авиационную школу, правда, конструирование будет увлекать его в разы больше воздухоплавания.

Василий Николаевич, услышав фамилию Беззуб, сам выскочил навстречу Ваньке и обнял как родного!

– Ну наконец-то дошел!

В своем огромном кабинете Хиони захлеб рассказывал настоящему ценителю и знатоку о своих достижениях и еще больше о

планах. В 1913-м он уже был помощником главного конструктора и ведущим летчиком-испытателем всех машин Анатры.

– Как Артур тогда мечтал тебя, Беззуб, заполучить! Вот бы мы вместе наворотили!

Но и без Беззуба Хиони удалось немало – он сконструировал четыре авторские модели и скромно назвал их «Хиони-1,2,3,4»... А еще неудачный поплавковый гидроплан «Анадва», который разбился о воду при испытании. За рулем был сам Хиони. После революции и во всех сменах власти Василий пытался сохранить завод. Ему это удалось. Такой стратегический ресурс не грабили и сотрудников не расстреливали – местные спецы были на вес золота. Но в двадцатом в эмиграцию рванул не только Артур Анатра на собственном самолете, но и множество инженеров.

– Нам людей не хватает! – жаловался Хиони. – Давай к нам! Скажу по секрету: готовится государственная программа восстановления авиационной промышленности. Горя знать не будешь, все условия, что пожелаешь!

– Ой, что пожелаю, – усмехнулся Беззуб. – Я вообще с глупостью к тебе пришел. У дочки девичье горе – обещал ее в небо отправить.

– Да легко! Но только с тобой и со мной!

В субботу на поле Женька вместе с отцом и самим Василием Хиони расположилась в легендарном «Хиони-4», который Вася переоборудовал из предыдущей версии, добавив четыре пассажирских места. Вместе с ними вылетел в небо высокий московский чиновник, которого предупредили по секрету, чтобы сидел тихо, ибо сейчас пытаются вернуть в авиацию одного из лучших механиков империи.

Женька была не просто в восторге – все любовные горести и переживания останутся на земле. На целых полчаса она стала птицей.

Провожая дорогих гостей, Василий отвел Беззуба в сторону:

– Жду тебя. Очень жду!

Через месяц на том самом «Хиони-4» Василий совершит перелет из Одессы в Москву и устроит на Ходынском аэродроме показательные полеты. Аргументы будут приняты. В декабре в рамках трехлетней программы восстановления авиационной промышленности завод Анатра переименуют в Государственные авиационные мастерские № 7. А Василий Николаевич получит всестороннюю поддержку и финансирование новых разработок.

По дороге домой Иван пытался успокоить сердцебиение.

Ревность, профессиональная зависть и обида за потраченные годы. Беззуб со своим математическим умом моментально классифицировал половину нахлынувших эмоций. Он видел машину Хиони и не разделял его восторгов касательно своей гениальности.

– Ничего себе!!! Папа! Ты был таким известным! Сам директор завода перед тобой хвостиком виляет! Ого, папа, – ты был авиатором?! А зачем ты на железку ушел? – щебетала, захлебываясь от восторга, Женька по пути домой.

– Я свой выбор сделал. Жалеть не стану и в прошлое бежать не буду, – прошептал Беззуб.

– Что, папочка? – Счастливая Женька уложила свою кудрявую голову ему на плечо. – Ты что-то сказал?

– Ничего, – он поцеловал ее в макушку. – Говорю, что вы с мамой – мое счастье и главное достижение в жизни.

Беззуб, выполнив родительский долг, вернется на следующий день.

– Николаевич, как на духу – всю ночь не спал, все свои старые тетрадки достал. Я за эти семь, да какие семь! Считаю, десять лет – все навыки растерял, пока вы тут изобретали и строили. Я до твоего вчерашнего «Хиони» самолет последний раз в тринадцатом году видел! Сколько всего за эти годы настроили, изобрели! От меня на заводе не польза, а вред будет. Ты же знаешь – я не подвожу своих, если что проверить, посчитать, до ума довести – зови, я с – дорогой душой. А на новый самолет – кишка тонка. Надо трезво свои ресурсы оценивать.

Хиони помрачнел: – Что за упаднические настроения, Беззуб? Мы с тобой – старая гвардия. Горячая кровь с юностью хороши только для полетов – в конструктиве опыт и осторожность важнее.

– Не пойду. Вредить не стану, будет нужна помощь – зови. Всегда приду.

Василий обидится. А Ваня окажется прав. Сам Хиони, несмотря на энтузиазм и финансирование, больше не сможет превзойти ни собственные ранние модели, ни уже существующие западные. Его последняя разработка – учебный биплан «Хиони-5», который советская власть переименует в У-8, будет уступать по характеристикам даже учебно-тренировочному английскому Авро-504

1913 года. После агитполетов У-8 получит народное прозвище «Конек-Горбунок» и станет первым советским самолетом сельхозавиации.

А Ваня Беззуб все-таки вернется в авиацию, но намного позже.

1923

Курортный роман

Интервенция, налеты, погромы, смена власти – Гордеева владела такой информацией и связями, что неудивительно, что уходить на покой она не собиралась. После «обета молчания» и внезапной трезвости ее карьера и влияние стремительно пошли в гору. И после удачного аборта любовнице крупного партийного руководителя она получила в качестве бонуса должность в санатории Аркадия.

– Чахлые! – кричала Гордеева страдающим неврологическими, хирургическими и гинекологическими заболеваниями гражданам и гражданкам. – Все на прием солнечных ванн! Бабы – на первом этаже. Мужики – на втором.

Женщин она раздевала догола, чтобы солнце напитало их изможденные синеватые тела. Мужчинам, брезгливо поморщившись, разрешила оставить кальсоны.

Через день мужики попросились на ванны в парк.

– Ну жарко на втором этаже, Елена Фердинандовна, голубушка, ну имейте сострадание к ранетым, – ныли они...

– Ну идите, доходяги, проветривайтесь!

Больные действительно имели великолепную волю к жизни. Выйдя покурить на солнышко, Елена внезапно обнаружила своих подопечных... на ближайших деревьях – в соснах и абрикосах, припав к стволам, сидели пациенты санатория. С верхней точки отлично просматривались открытые окна и кровати женского корпуса на первом этаже. Разумеется, все мужские солнечные ванны на свежем воздухе враз запретили, но впечатлений им хватило не на один санаторный эпос.

Каждый сезон, ближе к бархатному августу, в санаторий с проверкой приезжала отечественная версия железной леди. Ярая ссыльная большевичка, птица Феникс, восставшая из костра революции, красный комиссар и неподкупная фурия из самой Москвы. Вера Сергеевна Владышевская. В любую жару в плотных чулках, ортопедической обуви, непробиваемом костюме и наглухо застегнутой блузке Вера Сергеевна, несмотря на свой центнер с походом, вылазила

на все полки и заглядывала во все углы. Как бы ни отмывали все кастрюли, дымоходы, закоулки и промежутки в панцирных сетках, она всегда находила, к чему придраться.

Санитарка Маруся, пережившая три из четырех визитов Владышевской, бормотала в рукоять швабры: – Свиня завжди болото знайде, – и продолжала вытирать несуществующую пыль.

После каждого налета Веры Сергеевны самые везучие прятались в больнице с микроинсультами и сердечными приступами, остальные с треском вылетали с хлебного места. По шапке получали все – от посудомоек и медсестер до главврача. Помимо подробных разгромных отчетов во все инстанции и органы, она долго смачно и громко размазывала участников процесса. Публичная казнь длилась часами. Так продолжалось три года, пока на четвертый визит Вера Сергеевна не столкнулась с Еленой Фердинандовной – и. о. главврача.

За первый месяц работы гражданка Гордеева так выдрючила персонал, что Веру Сергеевну ждали как манну небесную, ну или же как кару... Врачи организовали тотализатор, предвкушая невиданное противостояние двух кариатид отечественного здравоохранения.

В этот раз Вера Сергеевна потратила лишних сорок минут, чтобы найти микроны грязи на стерильной кухне Гордеевой.

И, радостно распахнув пошире окно, начала выволочку...

Очевидцы утверждают, что над санаторием носились воронкой бакланы, отдыхающие попрятались под кровати, а вороны обсели ближайшие сосны в ожидании кровавого пира.

Елена Фердинандовна невозмутимо в свои фирменные четыре затяжки выкурила самокрутку с махрой и прошипела: – Ну я тебе устрою пенку во весь горшок!

В гробовой тишине она проплыла через столовую, где сидели окаменевшие туберкулезники, и зашла на кухню, где пять поварих интенсивно потели и заливали слезами фартуки.

– О, а вот и временная хозяйка этой грязелечебницы! – оживилась Вера Сергеевна. – Милочка, что ж вы за помойку тут устроили? Травите советских граждан? Вы эти пережитки царизма на рабочий класс не переносите. Мы не допустим! Нашли себе сладкое местечко!..

Гордеева приподняла свой квадратный подбородок и отчеканила: – А вы что же, уважаемая? Идеалом себя считаете?! – Она засунула руку в карман хрустящего от крахмала халата и вытащила кусок ваты,

щедро пропитанный спиртом. Одним резким движением, как налетчик с финкой, она чиркнула по шее проверяющей от мочки до ключицы и, торжественно подняв ватку, обнесла ее перед поварами, санитарками, повернулась к окошку, за которым толпился персонал, и сунула под нос Веры Сергеевны – на вате был глубокий влажный темно-серый цвет.

– Что же вы, голубушка, с проверками ездите, а себя в чистоте содержать не умеете? – ядовито поинтересовалась Фердинандовна.

Это был чистая победа нокаутом. Владышевская пошла пятнами, прохрипела жалкое: – Я это так не оставлю, – и выскочила из столовой.

История долетела не только до облздрави, но и до столицы. На следующий год Гордееву перевели судовым врачом на колесный «Карл Маркс», сошедший с Бельгийской верфи в 1900 году под именем «Лихой».

Сладкие шестнадцать

На Женькино шестнадцатилетие случился грандиозный скандал. С утра на Мельницкую, 8 доставили шестнадцать ведер с белыми розами. Пунцовая Женька пыталась сдержать улыбку. И отгадать – от кого. Почти полугодичное воздержание от общения с поклонниками начинало тяготить. Вина забылась, а память в теле от поцелуев Бори и от полуугаданного заветного «люблю» Пети осталась и усилилась.

Такой размах больше похож на Бору, хотя... Петька тоже мог так гульнуть. Сердце опять порхало в горле. Котя и Ксюша носились между ведрами с криками: «Жених и невеста-тили-тили-тесто!» Нюся с пирогом и серебряными сережками расцеловала именинницу и осмотрела розарий.

– Боже, могли бы деньгами. Тут годовой доход одинокой женщины. Ирка, ты готовишься стать бабушкой? Женя, и кого это ты так задурила?

Следом за розами в дверь постучал Петя.

– Ирина Михайловна, можно видеть именинницу?

Ира насмешливо посмотрела на Петьку – вот это поворот:

– Ну, заходи!

– Нет, я тут подожду. Позовите Женю, пожалуйста.

Женя в новом платье, в рассыпанных по лбу мелких кудряшках выскочит на коридор.

Петя достанет из кармана два металлических кольца.

Женька удивленно вытаращится на них.

– Это из гаек для рельсов. Они выдерживают целый паровоз, и я надеюсь, смогут вынести наши паскудные характеры.

Он наденет одно кольцо себе на безымянный палец: – Вот, смотри – я уже твой навсегда.

Второе вложит ей в ладошку:

– Я буду ждать тебя, сколько скажешь. Всю жизнь. Не спеши отвечать. Я тебя люблю.

Он поцелует ее в кулачок с подарком и не успеет дойти по галерее до своей двери, как раздастся рев и грохот. Во двор въедет мотоцикл. Шикарная авангардная гоночная Megola вишневого цвета. Гордость немецкого автопрома. Борька посигналит. Хотя это было без надобности: весь двор и мальчишки из соседних уже столпились вокруг него.

– Шейне пунем, выходи!

Женька выскочит на галерею.

– Цветочки получила? А теперь подарочек!

Женька стояла посреди заснеженного двора в одном платье. Как, прости господи, расстрелянный царь-батюшка, только вместо скипетра с державою у нее в руках были кольцо и ключи. И как теперь выбрать?

– Боря... я не могу его принять. Это слишком.

– Девочка, привыкай. Теперь все для тебя.

Ривка толкнула Фиру плечом:

– Мать, вот это поворот. От своих не уйдешь. По-моему, кто-то таки обратно вернется к евреям.

– Еще уркаганов нам не хватало! – простонет Ваня.

На другом конце галереи Фердинандовна с папиросой, осмотрев дворовую шоу-программу, изрекла:

– О, купил себе целку!

– Не смей так говорить! Не смей! Она не продается! – взорвался Петька.

– Чего? – удивилась Гордеева и тут заметила кольцо на Петиной руке. – Оп-па, я не поняла, а это что за тайный брак? Что?!

Женя смотрела куда-то вверх. Петька не отрываясь смотрел на нее. Он поцеловал кольцо на своем пальце и улыбнулся.

Боря оглянулся – опять этот немец!

– Петя... Петя, ты что, с ней, в нее... Питер! Не смей!

Женя чмокнула Борю в щеку и вернула ключи:

– Боря – ты лучший! Но цветов вполне достаточно. Пошли чай пить.

Женька побежала домой. Боря, скрипнув зубами, пошел следом. Он еще раз обернется, чтобы посмотреть на Петю.

– Я могу рассчитывать хотя бы на поход в театр? – Боря поцеловал ручку Фире. – Вы позволите украсть вашу дочь? Там, конечно, дают что-то агитационное, но вполне пристойное.

Я тебя люблю

– А что тебе Петя подарил? – спросит вечером Фира, когда они с Женей закончат перетирать вымытую посуду.

– А так, одну забавную вещицу. Потом покажу.

Через неделю Борю рядом с хорошенькой дамой будут видеть буквально все триста гостей Оперного театра.

В этот же момент возле железнодорожного депо к Пете подойдут двое:

– Ты так и не понял, что к чужим бабам не лезут.

Дрался он хуже, чем стрелял. Но финка с гравировкой БЕИ спасла ему жизнь. Ножевое окажется не смертельным.

Фердинандовна орала так, что ей засадили успокоительного и удерживали три санитаря, пока хирурги Еврейской шили ее Петеньку.

– Курва, курва жидовская! Своими руками задушу! А Вайнштейна на куски сама порежу, – хрипела Гордеева.

Женька узнает дома и помчится в Еврейскую. Она влетит в палату, размазывая слезы и сопли по замершему лицу, и кинется к Пете: – Петенька, я люблю тебя! Смотри, Петя! – Она мотала перед его лицом трясущейся рукой с железным кольцом. Петя, обколотый морфием, блаженно улыбался во сне. Гордеева за шкуру вытащит Женьку из палаты:

– Вон отсюда! Вон, тварь такая! Чтоб близко к больнице не подходила! Убью! Из-за тебя все! Не лезь к моему сыну!!!

Женька ломилась к Боре:

– Это ты? Ты сделал?

– Шейна, ты что? Мы же в театре вместе были. Ты рядом сидела. Мы ж с одного двора – не по понятиям своих трогать. Да как ты могла подумать такое?! На гоп-стоп залетные взяли. Я здесь при чем? Он мне не конкурент, – Боря пытался удержать ее.

– Ненавижу тебя! Это ты! Ты!..

Елена Фердинандовна дежурила в палате, как собака. Но примерно через сутки физиология победила даже материнский инстинкт и она отлучилась в туалет.

Женя ворвалась в палату и обцеловала Петю:

– Люблю, люблю, живи, пожалуйста!

– Да не реви и не дави на меня, – Петька поморщился: – Куда я денусь. Ну, еще раз скажи.

– Люблю тебя!

Петька зажмурился и расплылся в улыбке:

– Господи, знал бы, что ты примчишься, давно бы сам на нож лег или руку в станок засунул. Беги, сейчас мать моя бесноватая вернется.

Гордеева выйдет из анабиоза. Оживет, взревет раненым зверем и поднимет все свои связи – всех спасенных большевиков, вылеченных НКВДистов и их дорогих содержанок. С просьбой, приказом, шантажом:

– Уничтожить!

Сначала она двинет в ближайшее отделение милиции.

Фердинандовна рвала и метала, топала ногами и орала что есть мочи:

– ...Найти!!! Закопать!!! Порву!!!

Начальник милиции подождал пару минут и, уловив паузу в воплях Гордеевой, мягко сказал:

– Мы сделали все, что могли, – у всех железное алиби, не подступишься. Тем более, что главный подозреваемый был в театре с предметом воздыхания вашего Петра – алиби железное, лучше не придумаешь! Надо искать среди тех, кто завязан с вашим сыном на его бизнесе, где и как он мог задеть интересы деловых людей. Но это уже вопрос не в моей компетенции, я сделал все, что смог.

Гордеева зашла в диком крике:

– Да я... да я!!! Да чтоб никто из вас со своими трипперами и сифонами ко мне на порог не показывался!!!! Лечить не буду! Еще и всей Одессе расскажу, кто вы такие, революционные и пламенные борцы с проституцией!!!

Начальник милиции хлопнул ладонью по столу и сказал вкрадчиво и жестко:

– Мадам Гордеева, не надо переоценивать свое значение для партии и народа...

– А ты не партия и не народ!!! – ляпнула стгоряча Лелька.

– Я – представитель лучшей его части – революционного карающего органа, если вдруг кто забыл... – И посмотрел свинцово и страшно прямо в переносицу Фердинандовне.

Та сразу стихла, буркнула:

– Извините...

– Можете быть свободны, – сухо ответил собеседник.

За дверью ее ждал участковый:

– У нас нет улик, Елена Фердинандовна. Может, действительно гоп-стоп?

– Не было ограбления. Никто на Молдаванке не тронет сына Гордеевой. Он в восемнадцатом спокойно домой шел, не то что сейчас!

– Послушайте, у Вайнштейна отец очень серьезный человек, большой начальник.

– Я поняла. Сама решу, а ты чтоб ко мне дорогу забыл! Подыхай, шоб у тебя нос сгнил!

Сема-Циклоп будет выговаривать сыну:

– Ты с ума сошел! Идиот! Ты не представляешь, что творится. Какие убытки! Нас всех к стенке поставят могут! И ради чего? Ради бабы? Да я понимаю, баба была бы – а то дура малолетняя! Что, просто отметелить не могли? Или прикопать на Куликовом – там все сплошная братская могила! Боря, ехай сегодня же. В Крым, на Кавказ, в Москву – с глаз долой. Шоб я тебя тут полгода минимум не видел, шлимазл!

Маленькая Ксенечка, улыбаясь и пританцовывая «жених и невеста», передаст Женьке записку и белую розу: «Девочка моя, я вернусь за тобой. Твой любящий Б.»

Женька бросит записку в плиту вместе с розой.

1924

По Шекспиру

Молдаванские Ромео и Джульетта – Петька Косько-Гордеев и Женя-Шейна Беззуб целовались за Дашковскими садами. Там их и увидела мадам Голомбиевская. Новость распространится по двору быстрее запаха жареной рыбы у Софы Полонской.

– Ой вэйзмир, – всхлипывала Фира. Ванечка ее утешал:

– Ну смотри, пацан рукастый, работающий... Без пяти минут помощник машиниста. Далеко пойдет. Женьку обеспечит. Ну а со свекровью не всем так везет, как тебе.

Елена Фердинандовна, стукнув в дверной косяк и не дожидаясь ответа, зашла к Беззубам:

– Добрый вечер, соседи. Иван Несторович, погуляй. Мне с твоей женой надо поговорить.

Ванечка демонстративно откинулся на стуле:

– А у нас нет тайн.

– А у нас есть! – отрезала Лёля.

Фира кивнула мужу. Иван, пожав плечами, вышел во двор.

– Про детей знаешь?

– Да.

Если бы взглядом можно было причинить тяжкие телесные, то Елена сейчас с одного удара забила осиновый кол в голову Фиры.

– Что смотришь?

– Тебе рассказать, что родится, когда близкие родственники согрешат?

– А ты не волнуйся так – ты ж акушерка, должна понимать – только мать знает, кто на самом деле отец. Да и то не всегда. Но я знаю и даже не сомневаюсь.

– Не волнуйся?! Думаешь, я вас с Ванькой моим в сарае не видела? Своими глазами?

– Что ты видела? Как он зашел за мной? Как вышел?.. – Фира выдержала паузу. – Как говорила моя бабушка Броня, «целоваться – не отдаваться». А больше и не было ничего. Я Ванечке достаточно отомстила за его аэронавтику. Тебе заодно корону сшибла – ты

спросила: кто меня захочет, я тебе показала. Ну и поняла, что никто мне, кроме Беззуба, не нужен. Так что не гноби детей. Они на нас похожи – все равно по-своему сделают. Проще благословить. Хотя и этого уже не надо. Для нынешних гражданских браков наше согласие не потребуется.

Они поженятся летом, после Женькиного окончания школы.

Петька получит должность помощника машиниста.

– Ну ты теперь первый после Бога, – пожмет ему руку Беззуб, – горжусь. В твои годы я мог только мечтать о таком. Почти машинист!

Помощник машиниста – это больше, чем оруженосец при благородном рыцаре. Он исполняет кучу обязанностей – управляет паровоз водой, принимает уголь в тендер... Чистота паровоза и исправность клапанов, приборов, магистралей – тоже на нем. Нет такой мелочи, за которую не отвечал бы помощник. Перед отправкой машинист мог пройтись вдоль паровоза, касаясь белой перчаткой его бока и, если оставался след – помощник мыл заново.

Петька подбрасывал уголь в топку, следил за температурой и давлением, пока кочегар шуровал в тендере и отгребал уголь от задней стенки.

Петька обеспечивал перед отправкой давление не менее 13 атмосфер и занимал свое место в кабине слева.

С завистью покашиваясь на соседнее «правое» место машиниста – главного человека в кабине паровоза. Выбор оптимального режима работы поезда – все на интуиции машиниста, на знании паровоза, рельефа и профиля железной дороги.

Машинист паровоза, или господин Механик, практически небожитель – лицо привилегированное. Он знает все и может все и спускается с небес только в случае поломки и ремонта паровоза в пути. Но до этого заветного места еще почти полжизни – моложе тридцати к управлению паровозом не допускали.

Работа у машиниста и помощника была не просто почетной и недосыгаемой для простых смертных – внутри кабины +70 °С, а снаружи может быть и -32° да плюс скорость паровоза, а смотреть вперед надо и знаки читать надо. И лицо обмораживать. И щели в полу и кабине, и лютый холод в ноги, как только от котла отошел на пару шагов.

Но были и свои приятные моменты в жизни экипажа – целые ритуалы в конце пути и вначале. Огромный медный чайник у машиниста, с непременно медным колпачком с цепочкой на носике – чтоб угольная пыль не попадала и кипяток не проливался. Они завершали рейс чаем, закипевшем в топке, и яичницей с салом, зажаренной на кочегарской угольной лопате.

Но не чайник и не форма отличали высшее общество железной дороги, а чемоданчик машиниста – знаменитая «шарманка»! Мечта всех мальчишек времени огня и пара.

«Шарманку» заказывали индивидуально у жестянщика или столяра, если предпочтение отдавалось «шарманке» из дерева. Это была статусная вещь, хотя на деле это был всего лишь жестяной или деревянный сундучок с полукруглой крышкой.

Право на такой чемодан имели только машинист или помощник машиниста. Часто «шарманку» украшали таблички с фамилией и именем владельца.

В ней было все, что нужно – документы и инструкции в отдельном отделении, как правило, в крышке, инструменты, мыло, еда в дорогу и в отдельном маленьком отделении с крышкой – спички и соль, реже – сахар и заварка. Была там и кружка, и полотенце, потому как баня или душ после рейса событие обязательное и очень важное.

«Шарманкой» этот сундучок прозвали за звуки, которые он издавал при ходьбе и в движении по железной дороге – внутри все звенело и гремело в такт движению.

Цвет «шарманки» чаще всего был черный и означал, что владелец водит грузовые поезда, или зеленый – пассажирские, что было еще престижнее.

Свадьбу сыграют как положено, посреди двора. С огромным столом от окон Макара до дверей Вайнштейна. Придут мастера из депо и подружки из гимназии, соседки наготовят еды, как будто собираются накормить еще одну армию интервентов.

– А теперь сюрприз! – Это будет лучший в мире свадебный подарок от Ивана Несторовича – именная зеленая «шарманка». Петька бросится жать руки тестю.

Нюся вздохнет:

– От повезло ж ему с тестем! Не то что Женьке со свекровью.

– Ну хоть свадьбу своей рожей перекошенной не портит, – отозвалась Ривка. Елена Фердинандовна действительно проигнорировала свадьбу. Ни простить, ни вынести этого союза она не могла. Поломать волю Петьки, такого же упертого барана, как и она сама, – тем более. И слава богу, что ее снова позвали судовым врачом в круиз – подальше от этого шабаша.

Софа Полонская опустит рюмку и толкнет Ривку:

– Этот хитросделанный Беззуб купил всю семью Гордеевых своими профессиональными чемоданами! Может, попросим такой Нюсе на аменины – с кармашками для чулок и гигиенических резиновых изделий известной надобности? Или ты из рыбьих пузырей предпочитаешь?

– Мадам Полонская, у меня родилось такое чувство, что вам пора гигиеническое изделие на язык надеть, – шипела Ривка.

– И у меня сюрприз, – заявит Петька.

Он скопил достаточно денег, чтобы теперь удивить и Женьку, и всех соседей – во двор с грохотом и трубными завываниями завалился оркестр, и не просто музыканты, а самый модный и дорогой куплетист Одессы Гриша Красавин со своим новым гимном одесского НЭПа – «Бубличками».

Впереди будет идти сияющая Нюся с лотком горячих бубликов на своей выдающейся груди.

Котя болтался в новом костюме, как ложка в стакане. Он успевал все – подлить дамам вина, опустить под стол дворовым котам куриных костей и шепнуть что-то невероятно смешное на ушко Поле Голомбиевской.

– Ой, по-моему, еще годик, и этот малый Беззуб оприходует твою рыжую, Нюська, – смеялась Ривка.

– Я ему обрезание без наркоза по самые медебейцалы сделаю! – вспыхнула Нюська. – Котя, а ну убрал свое тело от моей дочери на другую сторону стола!

Котя покосился на Нюсю:

– Анна Яновна, это вы все виноваты. Вы зачем такую красавицу заделали? Как мне, бедному отроку, устоять против такого солнца?

Полина покраснела, бабы расхохотались.

Котя со скорбным лицом и стаканом, картинно вздыхая, обошел стол и втиснулся рядом с Ритой Гордеевой:

– Мадам Гордеева позволит?

Подвыпившая Ритка рассмеялась и толкнула его в плечо:

– От цикавый! Мадам – временно мадемуазель, садись, несчастье!

Котя посмотрел своими вечно сонными зелеными глазами:

– Я очень даже фартовый, можете проверить!

– Ой господи, шо там проверять?

Костик лукаво улыбнулся:

– Я не везде такой худой.

Ритка расхохоталась:

– Где вы его взяли, угрюмые Беззубы, это точно ваш пацан?

Через пару часов и пару стаканов Котя будто случайно прижался боком к горячему налитому бедру Риты, та не отодвинулась и поймала его взгляд на своей груди:

– Нравится?

– Ну что вы, мадам Гордеева! Благоговею – это же совершенство.

– О, мальчик, далеко пойдешь. Ты хоть целовался уже?

Костик поперхнулся:

– Я бы с радостью, но – увы – барышни со мной так смеются, что целовать их решительно нет возможности. Научил бы кто – по гроб жизни буду благодарен.

Оркестр грянул «Цыпленок жареный».

Рита поднялась: – Пойду освежусь. – Она оглянется возле лестницы и поднимется в родительскую квартиру. Через пять минут Котя улизнет из-за стола.

– Это что? Для новобрачных? Бедная маман не знает, что ее Питер будет делать на ее постельке!

Кровать Фердинандовны была застелена свежим накрахмаленным бельем, взбитые подушки с затейливой мережкой лежали эффектной горкой. Возле кровати стоял графин с водой и ваза с конфетами, а в уголке, на табуреточке – кувшин с тазиком.

– Ух ты! Спальня молодых? – заглянул в комнату Костик. – А это что? – он покосился на тазик.

– А ты не знаешь? – Ритка провела ему рукой по спине. – Сейчас покажу.

Она сначала покажет, как целоваться, потом – как и где прикасаться, а потом, подождав, пока смущенный Котя снимет дважды залитые семенем штаны и помоеется над тазиком, как надо любить.

Под грохот оркестра и крики: «Горько!» Котя Беззуб с удовольствием потеряет невинность и для закрепления повторит выученный урок.

Он оглянется на разметанные подушки и смятые простыни:

– Ой Божечки!

– Не дергайся, мальчик, – хихикнет Рита, – я знаю, где здесь есть еще.

После уборки она смачно чмокнет его в макушку:

– А теперь я ухожу первая. А ты ползи по галерее домой.

– Рита, – Котя поцелует ее в шею. – Рита я ни на что не претендую. Но мы теперь родственники. Местами дважды. Если загрустишь или тебе за целый день ни разу не скажут, что ты прекрасная, как фарфоровая статуэточка, – дай знать.

– Иди, пацан, статуэтчке домой пора давно!

Когда после полуночи усталые молодожены наконец-то доберутся до постели, Петька потянется к графину:

– А вода где? Женька, вот зачем нам на двоих пять сестер! Ничего устроить нормально не могут!

Котя аккуратно повесит костюм в шкаф и погладит:

– Ты у меня фартовый! Буду беречь для особенных случаев!

В контрах

Жизнь судового врача на «пассажире» наполнена ежедневными ритуалами, регулярными экскурсиями, усиленным питанием и всевозможными неожиданностями, а значит времени на глупости и размышления практически не остается. Елена Гордеева после десятилетий постоянных дежурств, огнестрелов, венерических заболеваний, чекистских бесед и орущих рожениц наслаждалась относительной тишиной, морской жизнью и своей абсолютной властью.

По традиции, после завтрака она вывалила содержимое запечатанных бумажных пакетов и, как Золушка, горох с чечевицей, отделяла аспирин от димедрола и стрептоцид от пенициллина.

Дверь распахнулась и в каюту с бабским визгом влетел окровавленный кочегар. Даже пробоина или смерть капитана не были достаточно веским поводом, чтобы вломиться без стука к Гордеевой.

Об этом знал весь экипаж, и каждый рейс с душераздирающими подробностями информировал пассажиров о предстоящих муках и карах за несоблюдение.

– Памагитя! Убивают! Доктор! Спаситя! – вопил кочегар и попытался втиснуться под стол Гордеевой, пачкая окровавленной башкой ее колени в компрессионных чулках.

Лязгнула и приоткрылась дверь, в проеме показалась голова механика:

– А-а?..

Гордеева фурией вылетела из-за стола:

– Стучаться!

Дверь закрылась, в нее тихонько поскреблись и снова открыли. На пороге, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял всклокоченный механик с приветливой улыбкой от уха до уха и совершенно безумным взглядом.

– Извиняюсь, а Гришу можно?

Механик привстал на цыпочки и попытался заглянуть за плечо Гордеевой.

– Что за спиной?! – рявкнула она.

Продолжая угодливо улыбаться, механик смущенно произнес:

– Э... да так, ничего... – и опустил руку с огромным залитым кровью гаечным ключом.

– Елена Фердинандовна, позвольте... я его добыю! – сорвался он на крик.

Кочегар по-бабски завизжал под столом:

– Убиваю-ю-ют!

– Вон пошли оба!

Кочегар обхватил руками и ногами ножку стола:

– Не пойду!

Фердинандовна покосилась на ключ:

– Чего стряслось?

– Эта падла заснула. За паром не следила, я зашел – все приборы уже на красной метке. А клапана предохранительные закисшие – не срываются, не сигналият – чуть котел к ядреной матери не взорвался! Ну дайте, я его добыю!

– К капитану иди! Я перевяжу, потом вернешься, доучишь.

Ну хоть какое-то развлечение в ее размеренной жизни с двенадцатью ежедневными дегустациями завтрака, обеда и ужина для пассажиров первого класса, второго класса, третьей палубы и экипажа. Ей хватило недели, чтобы повара всех кухонь неукоснительно соблюдали инструкцию и стандарты.

– Пересолено! – она гневно откидывала крахмальную салфетку, и повара с воем выбрасывали весь обед для первого класса. Артельщики, поставляющие продукты, списывали расходы на нерадивого кока.

– Пересушено! – И следом за первым классом переделывали весь обед второму классу.

– Макароны по-флотски? – возмутилась она в первый ужин. – Команда за стол пойдет через полчаса. Больше двадцати минут после приготовления держать макароны с фаршем не положено!

– Да вы что! Какие полчаса, – пробовали возмутиться неопытные непуганые работники кухни.

– Что?! Кто посмел?! Через двадцать минут в этой среде на такой жаре (она брезгливо повозила алюминиевой вилкой в макаронах) возникает бактерия... – Гордеева произнесла заклинание на латыни. – Весь экипаж уморить хотите! Они обдрищутся – судно в холерный карантин на сорок дней в затон поставят вместе с пассажирами! – орала она и топала ногами.

Знаменитый безаварийный капитан Бабушкин обожал Фердинандовну и, несмотря на ее почтенный возраст, упорно продолжал требовать на летний сезон только ее.

– Мой ангел-хранитель, – целовал он ей пахнущую формалином ручку, – всю навигацию без карантинных и болящих!

Суровая Фердинандовна закуривала папироску и бasila:

– Да ладно, и на старуху бывает проруха. – Правда, какая именно – она не признавалась.

В прошлый сезон случилось несчастье. На трое суток встали холодильные камеры. Забились теплообменники, которые охлаждались забортной водой. Несмотря на конец навигации, жара стояла невыносимая. Все продукты пришлось списать – среди потерь две огромные коровьи туши. Фердинандовна активировала мясо и велела выбросить. Необъемная конопатая повариха с хитрой плоской и веснушчатой рожей согласно закивала головой. Всю неделю она заботливо спрашивала на пробах: – Ну как? Вкусно? А что там в

лазарете? Новеньких нет? – Сходя на берег, она не выдержит и отыграется за все выброшенные пересоленные и пересушенные: – Ну и дура ты, Лёлька! На слово мне, волчице старой, поверила. Отлично те туши все сожрали, и ты в том числе. Проварила, протушила, и никаких твоих бактерий. А то выдумала – такие-то деньжищи за борт спустить! А за активирование – нижайший поклон. В Москву отдохнуть поеду.

Гордеева не забудет позора и вынесет урок на всю оставшуюся жизнь. В новом сезоне опять случится целая пропавшая туша. Она подойдет к ней с кружкой и ложечкой, разболтает в водичке полстакана хлорки и с улыбкой торжественно окропит мясо. Ровно двадцать минут она, скрестив руки, простоит рядом с «трупом», пока повара будут биться в истерике и проклинать ее сволочную натуру. – А теперь пожалуйте!

Она удалится. Повара понюхают. Облегченно вздохнут и попробуют спасти мясо вместе со своими деньгами. Вонь от кастрюль пойдет такая, что капитан, отметившийся в Первую мировую, потирая слезящиеся глаза, спросит у Гордеевой, а не началась ли часом химическая атака?

– Да что вы, уважаемый. Просто мясо стухшее активировала, – ухмыльнется Фердинандовна.

– А запах?

– А запах – то повара после списания вернуть его к жизни пытались.

– И что мне с ними делать?

– Ну, мне почему знать, вы же капитан.

С тех пор порядок на ее судне соблюдался неукоснительно.

Она привезет из круиза профессиональный заггар под халат и окрепшую в разлуке с сыном нервную систему. Тем более, что Женька откажется жить у свекрови. Петя, истративший на свадьбу все сбережения, не сможет снять даже комнаты. Молодожены поселятся в маленькой комнатке Фиры и Вани, а те перейдут в дальнюю опустевшую детскую. – Все хорошо, дети. Окрепните. Тем более все равно Петя половину времени в дорожных рейсах проводит, – будет улыбаться Фира.

Только Котя и Ксюша таким прибавлением в семье останутся недовольны – они-то размечтались, что наконец, когда последняя

старшая выпорхнет из родительского гнезда, они как буржуи получают каждый по своей собственной комнате.

И наши летчики отважества полны

Пока Фердинандовна, как Иов, странствовала по крымско-кавказской в каюте судового врача, первоклассница Ксения Беззуб влет выучила главный шлягер всей Одессы. Она запомнила полтекста на свадьбе, вторую часть досочинила сама в хромающий размер. «Кууупите бублички, горячи бублички, гоните рублички, сюда скорей», – исполняла она, проходя по двору с отцовской шляпой. Соседи жертвовали певиче неохотно и скудно.

Но пройдя половину периметра двора, у самой арки она столкнулась с благоухающим «Шипром» и таировским вином Боречкой. Боречка достанет портмоне и положит Ксене в шляпу десятку.

Ксения округлила глаза и с усердием заголосила: – Отец мой пьяница – за рюмкой тянется, а мать уборщица – какой позор, сестра гулящая, тварь настоящая... – Боря скрестил руки на груди: – Душа моя, робко интересуюсь, где вы набрались такого репертуару? И что стало с вашей сестрой? – Ксения с перепугу дала петуха и рванула домой.

Женьки не было. Ксюха, пританцовывая от возбуждения, вопила:

– Там! Там! Там! Там!

– Да что там? – развернулась от кастрюли с бульоном Фира.

– Там этот приехал! Женькин! Который с розами! И с мотоциклом!

– Ой вэйзмир! – Фира обтерла руки и выскочила во двор. Боречка стоял посреди двора. Он приподнял шляпу и поклонился:

– Доброго здоровьичка, мадам Беззуб!

– Ну здравствуй, – кивнет Фира.

Боря развернется и неторопливо пойдет к себе домой, а Фира спустится вниз, потрогает пару простыней и заскочит к Ривке:

– Ой мамочки! Рива, что делать?! Он вернулся!

– Кто вернулся? Йося?

– Да какой Йося?! Борька Вайнштейн вернулся.

Ривка пискнула и зажала рот рукой.

– Ой горе... А что сказал?

– Ничего! Поздоровался и к себе пошел.
– А он знает про Женю с Петей?
– А я знаю?! – всхлипнула Ира. – Боже, куда бежать? К Ване? К Пете? Что делать?
– Спокойно. Может, Сему спросить? Да как к нему сейчас пойдешь?
– А может, Сема ему сам написал? Мало ли была блажь у мужика, больше полгода прошло. Мы ж не в синематографе, чтоб сразу стреляться стали.
– Вот я и боюсь: ладно стреляться – мы его тут всем двором скрутим или Ванька ему чего надо отстрелит. А если он Женьке опять жизни не даст?
– Женьке? Ты видела, что она с мужиками творит? На узел вяжет с бантиком.
Ривка налила две рюмки и рубанула помидор:
– Бери давай! У тебя так сердце колотится, я сядой слышу!
Они выпьют. А потом еще. После третьей у Ривки случится озарение:
– Дождись Беззуба – он самый умный. Я знаю Борю. Он – сука редкая, но хитрая и осторожная. Шмалять с порога не пойдет, сильно себя любит. Успокойся, сегодня точно никого не снасильничают и не убьют. А вечером твой Ваня все придумает и устроит.
Фира выдохнет и поднимется домой. Ее идеальный янтарный бульон, знаменитый «еврейский пенициллин», который у одесских хозяек томится часами на маленьком огне под бдительным присмотром, чтобы не дай бог не вскипел, где шум собирается ложкой до микрона, успел перебурлить и выкипеть до половины.

Сладость или гадость

Боря привстал из-за праздничного стола:
– Пойду, пожалуй, разомнусь.
– Сиди дома, шлема, – вздохнул Семен. – Разминка окончена.
– Ты о чем? – Боря картинно откинулся на стуле.
– Если ты к Женьке собрался, то у нее только медовый месяц с гордеевским сыночком закончился.
– В смысле?

– В прямом. Свадьба была с размахом. На весь двор. У Беззубов теперь живут. Так что угомонись с этой ранней гимназисточкой.

Боря сглотнул, но справился.

– Батя, ты чего? Ну было – сплыло.

– Да? У правильного пацана какой-то хозер^[8] бабу увел, и ты так спокойно? Говорил тебе – прикопай на Куликовом, так нет – сам их свел. А сейчас – после драки кулаками не машут.

Боря встал.

– Ну курить же мне пока можно?

Фира пошла на совет к Ване. Тот выслушал и обнял жену:

– Ну что ты переживаешь? По сравнению с нами – это овечки на лужайке. Женька что, любила Борю? В жизни не поверю. Она ему нравилась? Так за тобой пол-Никополя сохло, и что?

– Какие пол-Никополя? Экий ты фантазер! – отмахнулась Фира. – Я боюсь, чтоб он беды не натворил, чтоб Женьку с Петей не поссорил.

Ваня посуровел:

– Поссорятся – значит, так им и надо, адиетам. Из-за чего? Разве Женька мало Петю любит, чтобы на Борю смотреть? Или ревность Петьку одолеет – так тоже глупо, раз Женька его уже выбрала. Не трогай детей. Разберутся.

– Шейне пунем!

Женька резко тормознула в подворотне и медленно оглянулась – у дверей Вайнштейна стоял Боря в шикарном свободном костюме и кепке-шестиклинке.

– Вот так вот! Пробежит мимо и даже не обнимет!

Боря не спеша, раскрыв объятия, шел к Жене. Та скрестила руки на груди:

– Вайнштейн, тише себя веди! Объятия закончились.

Боря по-детски обиженно скривил лицо:

– Женечка, ты разбиваешь мне сердце!

– Было бы что разбивать! – хмыкнула Женька. – Боря, давай выясним раз и навсегда: я замужем. Один поцелуй по пьяни между нами – не считается. Ты милый, хороший, но я замужем и никаких шейне пунем. Понятно?

– Понятно, – Боря страдальчески вздохнул и уткнулся носом в ее волосы. – Дай хоть подышать тобой на прощание. Помнишь, мы же были как брат с сестрой.

Женька с трудом высвободилась из его объятий.

– Боря! Мне уже больше четырнадцати и на такую ерунду я не ведусь. Я замужем за Петей и думаю, ему такие братания неприятны.

– Я тебя услышал, – отстранился Боря.

Боря, как и его отец, точно знал, что терпение – это главный козырь, и в драке, и в осаде. Что крепостей, что девушек. Он запасся всеми видами этого дара и засел в потайной комнате в катакомбах с наганом и стопкой открыток.

Почтальон, ругаясь на чем свет стоит, несла неподъемную посылку, отправленную вчера из ее же отделения.

– Вот гад! Подняться на второй этаж он не может!

Женя с удивлением приняла заколоченный ящик в почтовых штемпелях и открыла – там было платье. Шикарное платье из крепдешина. Чулки, шелковая сорочка и флакон дореволюционной «Персидской сирени» московской фабрики «Брокар и К°». На дне посылки лежала открытка с видом Москва-реки.

«Сначала понюхай духи! А теперь улыбнись и дочитай.

Дорогая Женечка, я не решился вручить их лично, потому что ты бы не стала меня слушать. Я собирал эти сувениры по всей Москве еще до твоей свадьбы. Так что ничего криминального в них нет. Можешь все выбросить, но я прошу прими их, как мой запоздалый свадебный подарок. Я желаю тебе счастья и буду любоваться тобой издали, не докучая. Обещаю.

Шейне пунем, ты стреляла в тире, а попала в мое сердце. Вечно твой друг Борис».

Женя перечитала еще раз. Понюхала духи. Они пахли божественно. Вытащила и примерила платье. Платье обнимало талию, подчеркивало грудь, струилось по бедрам и трепетало, как лепесток, от каждого движения.

В комнату без стука влетела Ксения.

– Ого! Как красиво! Где взяла?

– Нигде! Померять дали. Сильно дорого. Выйди из комнаты.

Женя с пунцовыми щеками стянула платье и засунула его в ящик. Сунула открытку с видом Москвы в карман.

Потом решительно подхватила посылку и пошла к Нюсе.

– Нюсечка, держи! Вот для Полины. Ушьешь чуток и будет в самый раз!

Нюся округлила глаза:

– Ты что? – Она вытащила платье. – Господи, та за него можно и родину, и душу продать.

– Родину – можно, любовь нельзя, – усмехнется Женька.

Благоухающая «персидской сиренью» Нюся шла через двор.

Боречка потянул носом и улыбнулся:

– Как вы вкусно пахнете.

Нюся покосилась на Борю.

– Боречка, я, конечно, дико извиняюсь, мне от твоих жениханий один навар, но ты бы оставил дите в покое.

– Мадам Голомбиевская, завидуйте молча, – улыбнулся Боречка.

Вечером Ксюша потянула Петьку за рукав:

– Петька, у тебя деньги есть?

– Чего надо?

– Петька, там Женька такое платье сегодня примеряла. Королевское. Но отдала. Сказала, сильно дорого. А ей так красиво. Грустила потом весь день.

– А отдала кому? Кто продавал?

– Не знаю, Нюсе отдала.

Петька постучит:

– Мадам Голомбиевская! Я насчет платья. Понимаете, Жене оно очень нравится.

Нюся удивленно вытаращилась:

– Гордеев, или как там тебя, Косько, я с тебя сильно удивляюсь. Тебе отдать?

– Да, пожалуйста.

Нюся в полной прострации сходила за крепдешиновым платьем.

– Ну держи, негоциант. Неужели разрешишь своей бабе в нем ходить?

– А почему нет? С Женькиной-то фигурой!

Петька подхватит тонкую ткань.

– Сколько?

– В смысле?

– Сколько оно стоит? Мадам Голомбиевская, если мне не хватит, можно, я с зарплаты через неделю отдам? Хотите – возьмите его пока обратно и задаток. Только никому больше не продавайте.

Нюся помрачнела. И выдернула ткань.

– Все! Я передумала. Его уже другие заказали. Покупательница завтра придет. Иди, Беззуб. Другое жене пошьешь.

Нюся шепталась на кухне с Фирой. Фира рассматривала платье.

– Роскошь какая!

– А духи! а чулки!

– Ой, поспешила девка. А сейчас скандал будет. Ты ей объясни, как женские гешефты крутить. а то опять горе будет.

Фира вызвала Женьку и затолкала ее к Голомбиевской.

– Это что?

– Подарки Вайнштейна, – Женька задрала нос и встала в свою любимую позу, скрестив руки на груди и отставив бедро в сторону.

– Ты с ума сошла – такое принимать?

– Я не приняла! Она по почте пришла. Я открыла и Нюсе отдала.

– Сразу отдала?!

– Сразу! Разве что записку прочла – от кого!

– А почему Петька пришел к Нюсе платье это покупать!

Фира ткнула крепдешинком прямо Женьке в нос.

Та оттолкнула платье.

– Я не знаю! Я померяла. Ксенька увидела. Я сказала, что продают, но дорого сильно.

– Понятно... – Фира села.

– Не ври мужу. Где записка?

– Да вот! – Женька выдернула из кармана платья открытку.

– Она ее с собой носит! Не, ну это можно выдержать? – заржала Нюся.

– Мишигинер! – прошипела Фира и порвала Москву-реку в клочья.

– Выбрала себе мужа. Теперь будь добра, отвечай за свои поступки, а не крути хвостом по Одессе!

Женька возмущенно фыркнула и сбежала.

– Че с платьем-то делать? – Нюся перебирала пальцами крепдешин.

– На тебя маленькое, на Польку большое – продай от греха подальше, – вздохнула Фира. – Ах, какая хитрая сука, этот Боря! Всех поссорил. А сам чистый голубок страдающий.

Каждый возраст женщины – это новый виток тревожности. В отрочестве Фира сгорала от стыда на черешне, выйдя замуж – подав к чаю закоксованный в сгоревшем вишневом соке штрудель, потом –

собирая своих невоспитанных детей по Всемирной выставке, и вот опять. Почему глупо поступают они – а стыдно мне?

Фира жаловалась Ване на Борю с презентами и Женькину глупость.

– Ну отдала же, себе не оставила, и на том спасибо, – пытался сохранять спокойствие Ванечка.

– Господи, только все наладилось и снова-здорово!

– Я разберусь, – Ваня поцеловал Иру в лоб.

Он подождет, пока стемнеет, и спустится к Семе-Циклопу.

– Семен, угомони своего младшего. Девка замуж вышла.

Сема посмотрел единственным глазом на Ваню:

– А раз замужем, то чего ты приходишь ко мне, а не твой зять бьет морду моему сыну? Долго будешь задницу за этой немчурой подтирать?

Ваня скрипнул зубами:

– Вайнштейн, ты меня знаешь, не посмотрю, что ты господин-товарищ везде важный. Для меня Иркин покой и Женькино счастье важнее всего. И немчурка теперь тоже моя семья. Не обижайся: будет к Женьке лезть – колени твоему Боре прострелю.

Навеки твой

Боря разборок не застал. В тот же день, отправив посылку, он вечером уехал в Крым – помогать семейному делу отца. Всю дорогу он улыбался в предвкушении. Боречка умел считать ходы наперед и угадал буквально все, кроме Петькиного похода к Нюсе.

Вайнштейны будут крутить очередную коммерцию и заниматься поставками крымских деликатесов для нужд граждан и предприятий общепита. Массандровские вина, инжир, орехи, сладости, специи, ялтинский лук, первая клубника...

Раз в неделю Евгении Ивановне Косько приходила бандероль с дарами. И неизменная открытка-записка: то «Привет из Крыма», то вид на гору Аюдаг. Боря был осторожен, вежлив и несчастен.

«Уважаемая Женя! Я знаю, что у меня нет шансов. Я ни на что не претендую. Позволь мне просто угощать тебя, как в детстве. Помнишь, как мы с Мишей кормили весь двор конфетами? Угости маму, сестричку, Котьку. Это очень полезно для желудка и для сердца.

Вяленый инжир здесь выдают в санаториях как лекарство. Пусть чай у Беззубов будет сладким.

Твой верный друг Б.».

«Дорогой друг Женя. Чудом удалось приобрести бутылку массандровского портвейна. Это не вино, а музыка. Это гордость нашей Родины. Его отправляют буржуям на экспорт. Одна рюмка после обеда допускается даже детям. Чтобы все были здоровенькие и румяные. Я знаю, в твоей семье смогут оценить такой напиток.

Всегда твой друг Боря».

Женя смущалась. Каждую пятницу в двенадцатой квартире назревал скандал. Посылку приносили. Котя или Ксения умоляли открыть и набрасывались на сладости. Фира заглядывала в открытку и, не найдя ни слова «криминала», ни намека на притязания, сердито ворчала:

– Шо этот клятый Вайнштейн от тебя не отвяжется?!

Петька просто сходил с ума. Через месяц он схватил ящик с орешками, изюмом и чурчелой и вынес в мусорник в дворовой подъезд, где благоухали мусорные ведра в ожидании мусоровозки.

– Ну-у-у дурак дурной! – ревела Ксюша и через пять минут приволокла наполовину разграбленные соседскими детьми дары обратно.

– Не бери! Не бери его посылки, я сказал! Я сам куплю тебе все что надо!

– Петь, ну где ты инжир найдешь?

– В Крым съезжу, если он тебе так нравится!

– Петенька, у нас денег на это нет. Ну так бедно жили, дай пусть дети едят. Он же денег назад не попросит

– Все у тебя будет! И без подачек! – шипел Петенька. Женька знала, чем отвлечь мужа от поездок за инжиром. Но он не успокаивался и с немецкой педантичностью продолжал разговор ровно с того места, где его прервали на любовь.

– Послушай, ну он не приставал ко мне после приезда. Сказал, что уважает мой выбор.

– Ага, так уважает, что в наш дом лезет?

– Куда лезет?

– В кровать к нам – каждую неделю. Твой вечный друг Боря!

– Да хватит беситься! – вспыхнула Женя. – Я тебя выбрала. И только тебя!

– Отправляй обратно!

– Нет обратного адреса!

– Вайнштейну носи под дверь.

Женя вздохнула.

– Ну ты о чем сейчас?

Женя притащила ящик Семену сразу. Тот возмутился на весь двор, потребовал его в любовные разборки не записывать и вообще такой черной неблагодарности он еще не встречал.

Она придумает выход. Раз в неделю Женя будет брать ящичек с дарами и идти с ним в бывший туберкулезный санаторий «Белый цветок».

Там сначала будут стесняться, а потом с радостью ждать подарков.

Ксения с завистью заглядывала в ящик:

– Ты зачем опять все чахоточным отдаешь? Я тоже орехи люблю! Мне что, заболеть надо, чтобы ты делилась?

Жене станет совестно. Ксюша будет набирать в карман сладостей, она – вынимать Борины записки.

Петька не писал записок, не шептал нежностей, не говорил комплиментов. Он после свадьбы практически не повторял, что любит ее. Целовал и любил жадно и регулярно, а вот ласкового слова не дожدهшься. А теперь еще стал допоздна задерживаться то в депо, то в сарае под домом. Он со своей национально-врожденной педантичностью зарабатывал деньги. Пружины для патефона снова были востребованы – крестьяне охотились за старыми патефонами, увозя домой диковинки, а уже сильно пожившие и активно используемые аппараты без Петькиной продукции не могли порадовать ни голосом Утесова, ни маршами, ни романсами.

1925

Здравствуй, Борис Семенович

Первый год семейной жизни – это время штормов, изнурительных штилей, подводных скал и бунтов на корабле. Женька плакала в Фирин фартук.

– Доченька, ты его мать видела? О какой нежности речь? Откуда ей взяться? Ты на отца своего посмотри – я тоже романтикой не балована. Но точно знаю, что любит и надо будет – умрет за меня или любого из вас. Петька такой же. Прими и цени. Редкое качество. Когда тебе семнадцать – мама не лучший советчик.

«Женечка, я надеюсь, ты скоро станешь мамой и продлишь свой прекрасный род. Девушкам перед и во время беременности надо хорошо питаться. Я собрал самое полезное и вкусное. Цвети и свети.

Всегда твой Борис».

Он снова попал в точку. Они почти год жили с Петей, а беременности все не было. Женя огорчалась. У Лидки детей не было, но та и не хотела. И гордо рассказывала о всех проверенных способах предохранения. На Аню надежд не было решительно никаких – она стала как хлеб забытый на столе – каменно-черствая. Теперь в ее жизни было только два удовольствия – гонять по дорогам на черном «мерседесе-бенц» и запугивать до сердечного приступа сотрудников детских лагерей и санаториев. Женьке очень хотелось подарить родителям первенца. В ком проблема? В ней или в Петьке? Не идти же в самом деле к свекрови на консультацию.

Петька страшно огорчался каждым женским днем.

– Как? Опять? – разочарованно стонал он. – Женька, Женечка, подари мне сына. Подари, на руках носить буду.

Женька фыркала: – А если дочка получится?

– Тогда еще и ноги целовать ежедневно. Одно условие: чтобы была похожа на тебя.

И снова она пустая. И Петя в обиде на себя и нее, как будто от нее зависит такое таинство. А тут Боря со своей заботой. Женька порылась в ящичке и достала пару штук янтарной кураги и с наслаждением разжевала. «Цвети и свети. Вечно твой».

Она отнесет ящик на кухню. И крикнет Ксене:

– Ксюшка, дай листочек тетрадный!

«Здравствуй, Борис Семенович! – написала Женя и улыбнулась. – Спасибо за усиленное питание. Понимаю, что ты меня слушать не станешь, но пожалуйста, не шли больше подарков. Я и так знаю, что ты мой самый надежный друг. А еще я хочу, чтобы ты знал – твое внимание очень важно и ценно для меня. Твои открытки – мое хорошее настроение. Да, я люблю Петю и никогда не уйду от него, но знай – я тоже твой самый верный друг навсегда. Спасибо тебе. Напиши о себе – как ты? Что делаешь в Крыму? Где побывал?

Твой друг навсегда Женя».

– Дети! Ваня! Бикицер вечерять! – закричала из кухни Фира.

Женя оглянется, Ксюша рванет дверь в ее комнату, и письмо, подхваченное сквозняком, скользнет за ее спиной и опустится рядом с дверью. Ксюша поднимет листок. «Здравствуй, Борис Се-ме-нович», – прочтет она.

– Ты кому пишешь? Боре? Ма-а-ма-а-а!

– Отдай сюда! Дай сейчас же! – Женька схватит листок, Ксюша вцепится в него мертвой хваткой. Женька ударит ее по руке:

– Отдай!

Квартиры на Молдаванке компактные, как коробочка конфет фабрики Розы Люксембург, бывшей братьев Крахмальниковых. Два шага – ты уже у соседей. Фире понадобилось полторы секунды, чтобы засунуть руку в центр потасовки и выдернуть оставшийся кусок письма из Ксюшиного кулака.

Она закатит младшей по заднице:

– Это что такое!

И прочтет оставшееся в руках: «Что делаешь в Крыму, той друг навсегда Женя»

Фира гаркнет на Ксеню:

– Марш к себе! – А пылающую Женьку за локоть затолкнет в комнату и закроет дверь.

– С жиру бесишься?! Ты что творишь?!

– А что я? Это он виноват! Он на меня внимания не обращает! Торчит на своей железке вечно! Слова доброго не дождешься!

– А ты себя видела? Сидишь дома как клуша! Романы читаешь! Учиться иди – когда на курсах последний раз показывалась?!

Фира похолодела. Женька фотографически точно повторяла ее переживания, а она отвечала ей... словами этой суки Гордеевой. Господи, да Фердинандовна с высоты своих лет и браков была права... Что будет дальше, Фира тоже могла просчитать. Она выдохнула и села рядом.

– Велосипед твой где?

– В сарае... Какой велосипед? Я замужняя женщина!

– Ты – дура набитая! Тебе семнадцать! Со мной пошли!

Фира выкатит велосипед из сарая.

– Ты уже старая приличная женщина? Ну-ну! Лэя ты знатная!

Фира хулигански подвернет юбку и с улюлюканьем проедет по двору.

– Ой горе! Мадам Беззуб свихнулась! – кричала Ривка, размазывая от смеха по лицу слезы. – Ты пожилая женщина! Сломаешь себе что-то! Что мы мужу скажем?!

– Теперь ты! – Фира вручит велосипед Жене. – Или забыла, как это делается? Ты и стреляла, помнится, неплохо. Денег нет? Грустно тебе? Делом займись! Пока себя не полюбишь...

– Да с чего ты взяла – я люблю себя! И другие... любят.

– Ты про Борю? Он не любит. Он Петьке мстит. Ты для него кубок, трофей, а не любовь всей жизни! Так вот любишь себя? А за что? За красивое личико? Так ты тут при чем? Это мы с папой да Господь Бог. За ловкость? Ты на велосипед сесть боишься. За то, что подарки отвозишь? Так невелик подвиг, если тебя за орехи купить можно. Хочешь быть сильной и дерзкой? Так будь! Зарабатывай, в тире стреляй, учись, а то барыня лежит и страдает!..

Женька разозлится и разобидится. Но Фире удалось главное – зацепить ее самолюбие.

На выходные Петя с Женей уедут на велосипедах на тот самый дальний пляж. Ранней весной на Фонтане ни души. Они будут стрелять. Стрелять и целоваться, и снова целоваться и любить – несмотря на мартовский холод.

Под прессом

У Семена случился форс-мажор. На пуговичной фабрике снова вышел из строя пресс. Местная алкашня разводила руками: – Мы такое

не разумеет... Убытки... убытки и нарушения обязательств. – Вся его годами выстроенная и выстраданная цепочка скрипела и раскачивалась на разомкнутом слабом звене. Ему был нужен мастер, который устранит проблему наверняка.

Старший смены внезапно сказал:

– А тут недалеко от товарной толковой мальчонка живет. Он с двенадцати лет патефонные пружины толкает. Лучше фабричных.

– И что из того? – огрызнется Сема.

– Так он это – сам их делает. Золотая голова. Он помощником машиниста в семнадцать стал!

Боря развернется к старшему. Таких совпадений не бывает.

– Как зовут юного гения? Не Петр, случаем?

– Кажется, да. У него мать еще роды принимает по всей Молдаванке.

Сема с трудом дотерпел до дома. Налил полный фужер водки. Медленно, небольшими глотками выпил. Закусил холодной соленой тюлочкой на ржаном хлебе. Вытер губы и присел. Это было страшно заманчиво. Страшно и заманчиво.

Боря со своими регулярными восточными дарами Женьке и постоянными перебоями по семейному делу поставками уже давно раздражал Сему. Тем более «накладные расходы» с командировочными, которые описывал Боря, делали его пребывание в Крыму не то что неприбыльным, а сильно расходным предприятием. Вырастил дармоеда, злился Сема.

А тут Петя... Он клятый, но мозги работают что надо. Пресс не пружина – работа поглубже будет. А если не справится... А если не справится, то Беззуб сам сказал: – Немчура теперь часть моей семьи. Не откажет родственничку. Теперь как уговорить, как заставить? Ну тут Боря ему в помощь со своим тихим домогательством. Бабы и деньги решают все. А тут полный комплект. Только бы не сорвалось!..

Контракт с дьяволом

Женя подаст к ужину пирог. Сама готовила!

– Кто в лесу сдох? – удивился Ванечка. – Женька, ты и кулинария – вот это новости! Ну-ка дайте попробовать!

Ксения вертелась на стульчике:

– Она не сама! Ей мама советовала!

Ваня посмотрел на младшую:

– Ты следующая. Очень вкусно.

Петя взял кусочек и, поджав губы, осмотрел срез.

– Там что, изюм?

– Ну да, – отозвалась Женя. – Изюм, орешки грецкие. Я их обжарила еще, чтоб вкуснее было.

Петька демонстративно отложил кусок обратно на тарелку.

– Спасибо, приятного аппетита.

Тишина была густой, липкой, как чуть сырой первый Женькин пирог.

– Ты даже не попробуешь? – Она приподняла бровь.

– Нет, спасибо, изюм не люблю. Особенно посылочный. Сама ешь. Без меня.

Петя развернется. Женька схватит со стола кусок и метнет его точно Петьке в голову:

– Ненавижу!

Фира не глядя сожмет под столом руку Вани: – Сиди!

Петька выскочит во двор. Черная ревность, ярость, бессилие и обида душили его до спазмов. Он рванул по галерее.

Куда? Домой? К мамочке? Нельзя, да и она сегодня дома, не на смене. К Беззубам – не вариант. Он стоял в растерянности посреди родного двора. А куда идти? Разве что в депо. Он спустится по дальней лестнице возле Муси-болгарки.

– Петр Иванович! Дело на миллион! Заглянешь? – окликнул его Вайнштейн.

Петька, заливаясь ненавистью, оглянулся – о, как бы он вмазал в эту хитрую лоснящуюся рожу...

– Я спешу.

– Ну я так и понял. Ненадолго. Это за моего дурного сына.

Сема нальет себе и Пете. Заставит выпить. Нальет по второй.

– Прости меня, пацан. Мне самому неудобно. Не по совести, не по понятиям мой сын живет. Прибить не могу – какая ни есть, но родная кровь. Это мой позор. Помоги мне его в чувство привести.

Петька недоуменно посмотрел на Сему.

Клюнул. Главное теперь не спугнуть. Сема залился соловьем, всплакнул, выпил еще рюмку, влил в Петьку.

– Петя – ты мечта и гордость любого отца. Боря, он... отцовские деньги проматывает. Он такое устроил, в такие долги меня загнал. Если б не страшные люди, с которыми я повязан и из-за Бори теперь им должен, я б его давно довольствия лишил и из Крыма в Винницу отправил – картошку по столовым распределять. Помоги мне выпутаться. Я из-за него в таких обязательствах – хуже кандалов. Помоги, сынок. Я тебе гарантирую – ни одной посылки больше, ни открытки, ни телеграммы, ни тем более этого балбеса в нашем дворе не будет. А еще я тебе заплачу. Столько, что ты с Женькой на год себе комнату снимешь. Или дом на лето. Не дело это, с родителями и женой молодой в такой тесноте ютиться. Ничего воровского. Только твои руки золотые – один инженерный вопрос надо решить. Не мне. Моим смотрящим, ну то есть начальству моему, против которого я пыль... Помоги, меня без твоей помощи из-за жадности родного сына в расход пустят.

Четвертая рюмка спирта обожгла гортань. Петька поперхнулся, запил водой и почувствовал, что поплыл.

– Пацан, я же вижу, на тебе лица нет. Поругался? Идти некуда? Как пес по улице бродить будешь? У меня ночуй! Никто не узнает. Поспи пару часов, и я тебе все покажу.

Семен разбудит Петьку перед рассветом и отведет в цех.

– Да что вы им делали? – удивился Петька. – Тут нагрузки в десять раз выше нормы, конечно, он помер. Я попробую запустить, но надолго не хватит. Неделя, максимум две, и он станет уже надолго. Тут пружины возвратные надо менять. Заводские, редкие. И сальники-уплотнители. Весь комплект по кругу. Как же вы довели до такого состояния? С него же масло со всех щелей льется!

Сема попросит Петю открыть его знаменитую «шарманку». И накидает туда столько пачек, сколько войдет.

– Сделай новые пружины. Или купи. Сальники- шмальники свои купи. Два комплекта, три, четыре – сколько понадобится. С запасом. Не скупись. – Вайнштейн ткнул пальцем в чемодан: – Будешь столько же как зарплату месячную всю жизнь получать.

Сема знал – у каждого человека есть цена. И у хорошего она есть, только значительно выше. И не всегда в деньгах. Дай больше. В разы, так, чтобы он и представить не мог столько. И сломаешь. Петька – щенок, пытался сопротивляться. Но от такого количества со своей зарплатой помощника, мелкими заработками и молодой бабой – никто не устоит. Тем более здесь прагматичный мозг куда сильнее душевных порывов. Немец и есть немец.

У Семена будет еще одно дело. Совсем легкое. Он возьмет старинного коллегу и помощника и заглянет на почту. Начальница почтового отделения со стволom во рту послушно кивала головой. Ритм наклонов задавал сам Семен.

– Ни одной посылки на фамилию Беззуб. Ни письма, ни телеграммы. И на этот адрес, – он постучал желтым ногтем в клочок бумаги на столе, – тоже ничего. Все складываешь, раз в неделю отдаешь ему. Понятно?

– Ушла любовь – завяли помидоры, – Ривка чокнулась чаем в подстаканнике с Фирой.

– Слава богу! Знаешь, я уже боюсь радоваться. Надеюсь, это не часть его плана, – ворчала Фира.

Петька ожил. Расцвел, расправил плечи. Но до этого он завалил весь коридор и всю их комнату цветами. Женька открыла дверь – посреди цветов на коленях стоял Петька.

– Прости меня. Пожалуйста. Я больше не огорчу тебя. Прости, а!

Женька пыталась хмуриться, но Петька, грубоватый, со своими руками с вьевшимся под ногти навечно машинным маслом, бычьей шеей в этих цветах смотрелся нелепо и дико смешно.

– Жень, я сейчас задохнусь от этой романтики. Вот тебе еще, – он достал из-за спины два мешка, – тут изюм и орехи. Неколотые. Хочешь – пироги пеки, хочешь – меня на орехи в угол ставь. Только прости.

Женька рухнула к нему прямо в импровизированную клумбу.

– Ты что, почтовый вагон ограбил?

– Подработку нашел! Пошли тебя выгуливать!

Беззуб не понимал источника такого внезапного богатства и очень тревожился.

– Петр Иванович, ты во что вляпался?

– Ни во что! Приработок хлебный случился. Нэпманам одним, кустарям с производством помогаю. Объемы большие, станки старые.

Беззуб смотрел Пете в переносицу.

– Ты уверен, что там все чисто?

– Иван Несторович, я их бухгалтерские книги не проверял – врать не буду. Но мне какое дело до их гешефтов?

Радость была недолгой. Через две недели старый пресс застонал, лязгнул и издох.

Петька вторую ночь бился в пуговичном цеху – пресс не запускался. Он самостоятельно сделал комплект пружин, трижды поменял все уплотнители и сальники на штоках и главном цилиндре – все напрасно, через два-три часа работы прессы один за другим останавливались.

Вайнштейн со змеиной улыбкой прошипел вечером:

– Ты пойми – тут даже Борю не придется возвращать. Ты уже у станка засветился. Сначала убивать будут не меня, а твою Женю. Прямо здесь – пальцы сломают или зубы выбьют, чтобы тебе быстрее думалось. Не поможет – по кругу пустят перед тем, как убить обоих.

Петька придет к Беззубу с чертежом.

– Гляньте, а? А то я никак одну пружину проклятушую доработать не могу.

Ваня узнал этот пресс с первого взгляда.

– Ты что, идиот малолетний, с Вайнштейном связался? Ты хоть понимаешь, что они там делают?!

– Да мне все равно! Помогите, вопрос жизни и смерти!

– Значит, так. Ты идешь к Семе и посылаешь его к Бениной маме. И больше ни ногой туда. Дурак, ты не соображаешь? Они там патроны леваком клепают! В промышленном количестве! Ты хоть понимаешь, какие там завязки! Тебя ЧК к стенке поставит и вопроса не задаст!

Петька побледнел:

– Они Женю убьют. Вайнштейн сказал. Если я не починю.

Иван Несторович побледнел и схватился за грудь. Он хватал воздух, распахивая рот, как карп на Привозном лотке. На Петькины крики примчались Фира и Женя. Котя рванул за Фердинандовной.

– Уже легче, – Ваня растирал ноющую грудь и вяло отбивался от соседки. – Мадам Гордеева, люблю, ценю. Оставьте меня с вашими пилюлями. Уже прошло почти.

– Жри, Беззуб, шоб ты сдох, ты мне нужен здоровый! Единственный нормальный человек на весь этот сумасшедший двор. Петька, зараза, ты довел? Или ты? – она покосилась на Фиру.

Гордеева чуть не силой сунула Беззубу в рот нитроглицерин с аспирином, разумеется, предварительно лизнув каждую таблетку.

– Шоб ты была здорова, Фердинандовна, – усмехался Ваня, – со своими пробами.

– А ты хочешь вместо сердечного слабительное получить?

– Ой, лучше что-то укрепляющее. Есть?

Приступ был относительно слабым. Гордеева отвела Фиру в сторону: – Он в больницу не пойдет. Ты его уложи. Пусть хоть пару дней дома отлежится. Нитроглицерин купи – пусть без него из дому не выходит. Ты смотри, здоровый мужик, не курит, не пьет практически... Довели паскуды.

Иван Несторович весь вечер просидел на веранде хмурый и мрачный, уставившись в одну точку. Петька ходил мимо него на цыпочках, старался поймать его взгляд, но безуспешно.

Поздно вечером Иван громко хлопнул ладонью по столу и крикнул:

– Петька! Неси чертежи!

В одну секунду чертежи были развернуты на столе, Фира принесла дополнительную лампу и чайник со стаканами. Иван властным движением руки показал – убери! И добавил: – Это лишнее, тут дел на две минуты.

Ткнул пальцем в четыре точки на бумаге и спросил у Петьки:

– Вот здесь протечки масла?

– Да.

– Ты что, не понимаешь почему?

– Нет...

Иван тяжело вздохнул:

– Штамп изнашивается до предела, матрицу или пуансон, скорее всего, подклинивает, это создает дополнительное сопротивление – вот сальники и выдавливает, и хлещет из-под них масло, как из рождественского гуся. Ты, Петька, устранял последствия, а не убирал причину протечек.

Петька просиял лицом и радостно завопил:

– И все? Так просто?!

– Ну, просто – не просто, это уже не мне решать. Штамп всегда больших денег стоит. А хороший – очень больших, вот только мало мастеров таких осталось, чтоб штамп сварганили долгоиграющий.

– Дядь Вань, а ты? Ты же можешь, знаю! – горячо зашептал Петька.

– Могу. Но не буду. Даже не проси. Сам влез в это дело – сам и расхлебывай. Я и так весь вечер себя ломал, чтобы сказать тебе, что сказал. Эх, Петька-Петька... во что же ты превратился?!

Беззуб встал и молча ушел к себе в комнату.

Наутро Петька радостно вывалил всю собранную информацию о причине поломки Циклопу, но тот повел себя более чем странно. Спросил, смотрел ли Иван чертежи, что спрашивал, что сказал, и с каждым словом Петьки мрачнел лицом и крепче сжимал губы.

Петька в запале красочного рассказа о вечерней беседе не увидел, во что превратилось лицо Циклопа. А зря. Страшное очень стало это лицо, это уже была маска готового на решительные действия убийцы.

– Значит, говоришь, Иван все про штамп подробно рассказал, но сделать отказался?

– Да, категорически против. И сказал, что разговор окончен.

– Ну-ну... – недобро пробормотал Циклоп.

И только в этот момент Петька понял, какую глупость он сотворил, рассказав про Ивана и его подсазки, ведь чего проще было сказать, что сам додумался и понял причину поломок. Но врожденная немецкая порядочность и дисциплинированность категорически не допускали лжи. И он никак не мог заставить себя присвоить чужую инженерную славу.

Он долго молча смотрел на Циклопа, который все расхаживал по цеху и что-то непрерывно бубнил.

И с каждой минутой Петька понимал, какую беду навлек он на свою семью и семью Беззубов своей немецкой щепетильностью.

Петька ушел в рейс с тяжелым сердцем, а вечером, до его возвращения, Беззуб сам спустился к Вайнштейну.

– Ах ты сука неприятная! От меня не добился, к Петьке пошел?! Женькой шантажируешь? Оставь пацана в покое. Он починит твою шарманку, и больше чтоб не беспокоил. Не дай бог, заикнешься про Женьку – под трибунал пойдешь со всей своей шайкой. Понятно?

– Что-то ты, Ваня, сильно смелый стал, как я погляжу. Ты кто? Механик с железки? Забыл, кто я теперь? Твое слово против моего. А если на покровителей высоких надеешься, то увы – они далеко, и трон под ними тоже ходуном ходит. Поди, подстилку свою одесскую и не вспомнит. Так что ты не зарывайся. Тихо сиди. Кого расстреляют или чью семью на гоп-стопе кончат, еще вопрос. Вы у меня все теперь замазаны.

Ваня стиснет кулаки:

– Семен, не провоцируй. Я за своих без ЧК постоять могу. Оставь Петьку – это мое последнее слово.

Петька после двух бессонных ночей, шатаясь от усталости, зайдет во двор на Мельницкую.

Он сделает пару шагов. Софа Полонская дернет его за рукав и чуть ли не силой затащит к себе. Петька никогда не был в этой квартире. Мадам Полонская была, мягко говоря, эксцентричной пожилой дамой. В ее полутемной комнате пахло сыростью, нафталином и чем-то остро и узнаваемо старческим. Петька поморщился.

– Мадам Полонская, ну что за спешка на рассвете? Что стряслось?

Полонская колыхалась от волнения и громко шептала:

– Иди сюда, шлимазл! Что ты уже натворил! Ой мишигинер! Ой горе!

– Да что случилось? – Измотанный злющий Петька еле сдерживался, а Полонская вцепилась в его рукав мертвой хваткой.

– Сема будет убивать Беззуба.

– Чего?!

– Ты же знаешь, как у нас слышно соседей. Особенно, когда они думают, что ты старая и глухая. Особенно, если приставить стакан к стенке. Что смотришь? Обычная физика. Я не знаю подробностей, но Вайнштейн обсуждал... обсуждал убийство Беззуба. Будут делать несчастный случай.

– С кем обсуждал?

– А я знаю?! Я второго не слышала и не видела.

– Когда? – Петька пытался унять пульсацию в голове и дрожь в руках.

– Не знаю. Не сегодня, им пару дней надо, чтобы все устроить.

Я не знаю при чем тут ты, но хотели, чтоб ты не догадался.

Петька побледнел. Адреналин плескался в нем, смыв суточную усталость.

– Иди уже по-тихонькому, чтоб Сема не услышал, а то меня тоже пришьют. Я старая – подушкой придавят, и всего делов.

Петька по-кошачьи взлетел наверх. Рванул в спальню, вытащил листочки и карандаш. Выкинул карандаш, вытащил у Ксюхи чернильницу и ручку. Через полчаса он закончил, переоделся, поцеловал Женьку и вышел.

Все средства хороши

– Василий Федорович, там какой-то машинист с информацией про переворот и заговор с повинной пришел.

– Сумасшедший?

– Да нет вроде, по форме одет, с чемоданом фирменным.

– Машинист-заговорщик? Ну давай его сюда, повеселимся.

Василий Федорович по кличке Ирод второй год возглавлял отдел по работе с населением. Его сеть информаторов, стукачей, склоненных к сотрудничеству шантажом или пришедших по зову сердца и кошелька, позволяли держать всю Одессу в железном кулаке партии.

Ирод сохранял верность только одному человеку – Менделю Дейчу. И пострадал вместе с ним в двадцать втором. После триумфального восстановления в партии Макс вернул верному оруженосцу статус «смотрящего», определив его в самый спокойный и надежный отдел. Федорович по-прежнему собирал с выживших агентов Дейча не только информацию, но и дань, периодически развлекаясь показательными пытками.

Паренок был смешным, взволнованным и ярким. Не за деньгами, не сука, не сумасшедший – сразу «считал» его Ирод. А неужели реально заговор? Чем черт не шутит?

– Я пришел с повинной, – начал Петька. – Я виноват...

Он вывалит все, что видел у Вайнштейна, объяснит, что происходит на пуговичной фабрике, расскажет обо всем, вплоть до Бориных посылок.

Начальник отдела будет слушать и мрачнеть. Такая цепочка требует покровителей самого высокого ранга. На местном уровне не решить... А Вайнштейн – сука какая – носит десятину с мелочевки – со складов и спекуляции, а сам – патроны толкает. И сколько лет уже! Ах дрянь какая... И не ухватить его обычной проверкой... Там столько голов полетит – его самого, если сунется, крыша Вайнштейновская замочит... А если даже взять их громко, и Вайнштейн запоет – так и его, и Дейча к стенке поставят...

Петя попросит судить его со всей строгостью закона, но спасти Ивана Несторовича Беззуба.

– Как? Беззуба? – Ирод ухмыльнется. Вот это поворот! Это ж практически Дейчевский тесть. Ну козырь дополнительный есть.

Петька подпишет бумагу о неразглашении и о сотрудничестве.

Василий Федорович отправит его домой и пойдет к диковинке – специальная комиссия Черноморского округа связи успешно закончила испытание телефонной линии Одесса – Москва. Он дождется соединения и назовет секретный номер.

Дейч не прощал и не забывал. Он уже полтора года ждал подходящего повода для мести. Он знал, что один из доносов на него писал Сема. Но не он был его целью. Таких Вайнштейнов у него было под сотню. И вот он – случай поквитаться со всеми – и с теми, якобы товарищами по борьбе, кто исключил его из партии, и с теми прилипалами, кто писал доносы. Вайнштейн со своей торговлей оружием – отличный повод убрать всех врагов разом.

Столичная комиссия прибудет спецрейсом на следующий день.

В обеденный перерыв Ивана Беззуба пригласят проехать на Екатерининскую площадь – для беседы. Вместо разговора его закроют в одиночной камере.

Ночью начнется совместная операция московских чекистов с отдельным подразделением одесского ГубЧК под личным руководством Ирода, пардон, Василия Федоровича.

Ирод сам запрыгнет в авто с арестованными Семеном и Михаилом Вайнштейнами.

– Ты что творишь? – зашипит Семен. – Думаешь на тебя управы не найдется? Под трибунал пойдешь вместе со мной и с хозяином. Знаешь, кто за мной стоит? Какие люди? Какие капиталы? Тебе твой цепной пес московский не поможет.

Ирод растянул губы в улыбочке и томно протянул:

– Ну, Семен, я думал, ты умнее, а ты меня так огорчил.

Мойше дергался на сиденье, пытаюсь поймать взгляд Ирода, его била крупная дрожь, как в припадке. Пытаюсь унять тремор в руках, он сцепил пальцы и заорал:

– Не слушайте его! Я все скажу! Я покажу склад! У меня записаны все покупатели. Он там целые схемы вычертил. Я все покажу! Всю цепочку! Под самый верх! Я искуплю, я кровью вино искуплю!

Семен повернулся зрячей стороной к сыну – тот предавал отца не задумываясь.

– Ах ты ж крыса чумная!

– Василий Федорович, – Семен сменил тон, – золота – больше твоего веса. В царских червонцах или слитках. В том и другом! Помоги!

– Увы, ребята, слушать вас уже неинтересно, а насчет цепочки и схем – милый, ты думаешь, я имен не знаю? Или мне за это орден дадут? А на родного отца своего ты красиво стучишь! И заметь, Семен, даже без пыток. Вот это поворот! Выкормил гадюку на груди! Обидно, наверное, так жизнь заканчивать, а, Циклоп?

– Умоляю, умоляю! – Вайнштейн попытался сползти с сиденья к коленям Ирода.

Тот поморщится:

– Ну нет, без вариантов. Живыми вы мне точно не нужны.

Он рукой протрет рукав кожаного плаща, заляпанный кровью, сунет маузер в кобуру и выскочит на площадь.

– Приберите там – застрелены при попытке к бегству!

Всю ночную смену пуговичного цеха, включая экстренно вызванное руководство фабрики, ликвидируют прямо на рабочем месте. В течение трех дней поставят к стенке двадцать человек подчиненных из ближайшего окружения Вайнштейна. В одесском ЧК пройдет внутренняя чистка. А точнее зачистка. Всех замешанных, а также просто неугодных с двадцать второго года, пустят в расход. В Крыму будет арестован Борис Вайнштейн.

Из катакомб за квартирой Вайнштейна вынесут ценностей и оружия на полтора миллиона золотом.

– Подписывай, – Василий Федорович закурит и подтолкнет листок к Ивану Беззубу.

– Это что?

– Признание конечно. Твои показания по делу Вайнштейна.

– Я ничего не знаю, – Ваня скрестил руки на груди. – Я с Вайнштейном не сотрудничал, и вы это знаете лучше, чем я.

– Конечно, и как пресс чинить, ты тоже не знал.

– Знал, но не чинил.

– Значит так, чтоб с Косько сегодня всю эту чертову машину разобрали и штампы утопили. Будет нужна помощь – вызову! И зятя своего тупого научи, чтоб не болтал нигде, а то не посмотрю, что вы Анькина родня – всех к стенке поставлю.

– Петр Иванович, благодарим за ценную своевременную информацию. Надеюсь, ваше раскаяние было искренним, и вы готовы искупить свой проступок перед Родиной?

Петька стоял, пошатываясь, перед Иродом.

– Что надо делать?

– Да пока ничего. Ничего особенного. – Раз в месяц – ко мне с докладом по ситуации в вашем ведомстве. Про разговорчики нежелательные, про саботаж, пьянство на рабочем месте. Может, кто деятельность контрреволюционную ведет. Вы не переживайте. Мы и с карьерой поможем и присмотрим. Нам такие принципиальные кадры нужны. А может, сразу к нам? Стрелять умеете, сердце горячее, голова холодная. Без пяти минут чекист.

– Нет, спасибо. Я паровозы люблю.

– М-м, паровозы любите, – насмешливо протянул Ирод, – паровозы, дочку Беззуба... А может, вы жилплощадь хотите? Нашим сотрудникам положено. Как раз в вашем дворе освободилась одна хорошая квартира. И с тестем любимым рядом, а?

Петька устало замотал головой:

– Спасибо, не надо. У меня все есть.

– Конечно есть. И срок уже тоже есть, но мы готовы простить. Так что до встречи через месяц.

Дейч перед возвращением в Москву не выдержит. Сам сядет за руль и поедет на Фонтан. По старой привычке оставит машину за пару кварталов и аккуратно подойдет к участку с глухого переулка. Забор ни к черту. За садом Анька вообще не смотрит – все заросло сорной травой по пояс. Заросли лопухов пробивают колючие плети – все розы одичали. Он выбирал дом с кроваво-красными, одуряюще пахнущими семейными, собранными в густые тяжелые соцветия. Нет у него нормальной семьи, все дома пошло наперекосяк, и рождение дочери не помогло. Один одичавший собачий бледный четырехлистник колючего шиповника – точно как его Анька. Среди листьев скрипел патефон с томным аргентинским танго. Макс, несмотря на вес и возраст, беззвучно перемахнул через хлипкий забор и сделал несколько шагов. Ноги. Белые расцарапанные бурьянами щиколотки, ступни со смешными короткими пальчиками. Дейч тряхнул головой. Анька сидела спиной к нему в старом тонетовском кресле. Ноги на столе.

Рядом, на табуретке – глубокая тарелка с абрикосами, ее любимыми, перезрелыми. Анька их гладила, щупала, вылавливая, не глядя, самые мягкие. Двумя пальчиками. Отставив мизинец. Точно как тогда. Он видел ее лохматую макушку, залитое солнцем розовое ушко. Дейч жадно вдохнул, пытаясь почуять через все запахи цветущего сада тот самый, щемяще-родной аромат ее тела. Угадывая, вылавливая его по молекулам из общего хора. Он втянул его и замер. Не дыша. Потом медленно выдохнул и так же беззвучно вернулся на улицу. В ночном перелете, он, прикрыв глаза, вспоминал эту картинку и думал, чего же он испугался больше – холода и отказа или, что обняв, вдохнув, схватив ее, он уже не сможет уйти?

Двор гудел. Обыски в квартире Вайнштейна, вынесенные ящиками ценности, выброшенные во двор вещи... Обитатели двора, опустив головы, передвигались короткими перебежками, стараясь не встречаться взглядами с чекистами.

Ваню и Петьку высадят на углу Степовой:

– Пешком идите дальше – нечего светиться с нами.

Петька пытался посмотреть на Беззуба. Тот упорно не замечал зятя.

Софа Полонская улыбнется им:

– Петенька, ты таки герой.

Вечером во дворе Нюся разлила самогон по стопкам.

– Гедаля, не знаю, как там у вас принято, но помянем. Полжизни вместе. Всякое было. Я, конечно, сильно не уверена насчет царствия Небесного. Но, Сема, светлая тебе память, тебе и Мишке.

Ривка опрокинула рюмку:

– Интересно, Борьку тоже того?

Гедаля покосился на нее:

– Там вся семья повязана была. Ты ж видишь, как чистили... Борьку жалко – он, конечно, то еще «оторви и выбрось», но самый добрый из их кодлы был.

Петька спал ничком. Дергался во сне, скрипел зубами, бормотал «не трогайте, я во всем виноват», а Женька в ночной сорочке сидела на полу у кровати. И, беззвучно прикусив губу, плакала. На коленках рассыпью лежали виды Крыма. «Вечно твой друг Боря»... Ее веселый когда-то дворовый старший брат, ее «запасной аэродром» и козырь в покорении Петьки, блеск в глазах и бабочки в животе...

Она оплакивала его молодость, такую бесшабашную и такую нелепо короткую жизнь. Борька, Борька, дурачок, будь на небе, я надеюсь, ты не страдал, ты не заслужил... Борька, я тебя буду помнить, буду благодарить, за шейне пунем, за королеву на руках, за розы с мотоциклом, за то, что чувствовала себя красивой и желанной, каждый раз проходя через двор под твоим бесстыжим взглядом... Прощай, мой друг, навсегда...

Беззуб лежал в постели. Лунный свет заливал комнату. Тень от оконной рамы огромным крестом перечеркивала их кровать.

Фира поцеловала Ванечку в плечо и вжалась в него.

– Я чуть с ума не сошла – ты ушел из депо, а домой не вернулся... Работяги сказали, тебя чекисты увели. Я не знала, что делать, куда бежать. Боже, как это страшно, до отчаяния. Мы такие ничтожные и маленькие, и ничего от нас не зависит. Секунда – и вся наша такая размеренная и понятная жизнь рассыпается, как мука по столу. У меня руки до сих пор трясутся. Ванечка, я на секунду представила, что тебя нет. Ванечка, я руки на себя наложу – нет мне жизни без тебя.

Ваня повернулся и приподнялся на локте:

– Наложит она! В штаны не наложи! Детей кто растить будет? Женя? Или, может быть, Лидка? Кому Ксения будет нужна? Не выдумывай! Ира, Ирочка, ты что, плачешь? Ну прекрати сейчас же! Я люблю тебя! Ну куда я денусь! И в этой жизни, и на том свете не отстану от тебя. Ну?

Он поцеловал ее в мокрые глаза.

– Сама виновата. Подбила меня камешком – раз и на всю жизнь.

– Тебя из-за Вайнштейна задержали? Ты ему что-то делал?

– Из-за него. В том-то и дело, что не сделал, хотя очень хотелось. Своими руками бы пристрелил, но ЧК раньше успело. Не жалею его – тварь редчайшая была.

Ира смотрела на Ваню.

– Ты чего? Он Анюту спас! Забыл? А добра сколько сделал! Подкармливал в голодные времена.

– Дорогая у него кормежка оказалась... – проворчал Ваня. – Всем жизнь испортил.

Лес рубят – щепки летят

Дейч не зря так активно зачищал хвосты вместе с Иродом Федоровичем. Одесское ЧК хотело рапортовать о раскрытии военного заговора, масштабного политического преступления, но московская комиссия подписала протокол о коррупции и хищениях в особо крупных размерах, списывая все на воровское прошлое семьи Вайнштейн – мол, откуда взяться перевороту? Всех свидетелей истребили под корень и с «походом». Пресс разобрали и утопили.

Василий Федорович подвинул к себе дело Петра Ивановича Косько, посмотрел на исписанные четкой рубленой клинописью листы. Толковый мальчик, бесстрашный, ты у меня далеко пойдешь.

Волны одесского дела Вайнштейна докатились до Москвы. Такой экстренной и массовой зачистки в органах, еще и без благословения руководства, в Союзе не было. Дейч отомстит разом всем старым врагам и переполнит чашу терпения самого Дзержинского. Его наказание бывшему соратнику по «тройке» оперштаба будет иезуитски-издевательским. Макса «внезапно» переведут из элитного ГПУ на хозяйственную должность... В руководство правления АО «Овцевод».

Иван Несторович после ночи в ГубЧК внезапно стал изгоем. Вчерашние товарищи по работе шарахались о него, как от зачумленного. Коллеги отвечали односложно. Обедал он в одиночестве. Ваня с интересом наблюдал за такими переменами.

– А шо случилось? – поймал он главу профсоюза. – Можно полюбопытствовать – я стал неблагонадежный или вам есть что скрывать?

Сергей Петрович, неплохой, но заполошный мастер и большой общественник, опустил глаза: – А вот мы не знаем. То пропадаете без уважительных причин, то появляетесь. Говорят, с преступником коммерцию крутили. Что трудовому коллективу думать? Может, мы соберемся, и вы покаетесь перед товарищами?

– Чего? – Ваня задохнулся от возмущения. – Ты что, Серый, перегрелся или кочегар лопатой зацепил? Я тебя на работу брал десять лет назад нищего, голодного и бестолкового! Вот в этом от всего сердца раскаиваюсь! Эй, кто тоже меня врагом считает? А? Ну-ка скажите!

Работяги прятали лица. Старый машинист подошел к нему:

– Беззуб, да ты чего? Ну не свисти! Видишь же, все зашуганные. Ни перднуть, ни повернуться не знают как без начальства. А начальство нынче сам понимаешь какое. Вот и трясутся. Чай пить идем?

Беззуб осмотрел депо:

– Так, значит? Нет, спасибо, я, пожалуй, просто пойду отсюда. Без чаю.

Иван Несторович лежал дома третий день. Фира присела рядом:

– Ваня, там из депо пришли...

– Я занят, я заговор против республики сочиняю! Вели им не отвлекать!

– Ну что ты несешь, Ваня!

Беззуб сел на кровати:

– Нечего ходить. Я уволился из депо. Руки на месте, голова на месте. Вас прокормлю – слава богу у нас НЭП на дворе. В депо не вернусь.

Он снова лег и заулыбался, услышав звонкий голос Фиры на галерее:

– Товарищи, так по какому поводу пожаловали?

– Ивана Несторовича надо видеть.

– А что? За четверть века не нагляделись? А ну вон пошли отсюда, халамидники! Учить Беззуба они вздумали! В этой стране только Ленин и я имеем право его воспитывать! Давайте, бикицер – вокзал отходит! Тебя, Сереженька, мамаша при родах об рэльсу головой уронила – до сих пор гудит. Товарищи, организованно покидаем наш двор! А то я сейчас кипятка вам в сапоги плесну!

Всклокоченная Фира влетит в комнату и сядет рядом.

– Бульончик будешь?

Поднебесная

Ваня починит все по дому, затеет мыть люстры.

Фира потянет его за штанину:

– Месье Беззуб, я, конечно, дико извиняюсь, но Песах с Первомаем еще сильно далеко. Может, ты проветришься? Хоть с мной на рынок?

Вокруг стола пронеслась Ксения и запустила прямо в люстру бумажную ласточку-самолетик:

– Паап, достань, достань!

– А вот кстати... – Фира посмотрела на ласточку, – тебе жизнь дорогу указывает. Самое время к самолетам вернуться.

Василий Хиони, награжденный за долгую и неутомимую службу по возрождению воздушного флота орденом Красного Знамени, с радостью примет Ваню.

– Ты понимаешь, ты таки был прав! Забрали у нас конструирование. Оставили только ремонт. А это твоя стихия. Хоть завтра выходи. Чинить, латать, подгонять. А изобретешь чего полезного – за нами не заржавеет. И опробуем, и внедрим! Сам, кстати, когда последний раз летал?

Ваня почувствует, как запорхает в груди, и машинально придавит сердце ладонью.

– Так лет пятнадцать назад...

Василий подскочил.

– Ну так что, разговеешься?

– Что, прям сейчас?

– А чего-тянуть-то?

Ваня постарается унять предательскую дрожь в руках.

– А ты как?

– А я с тобой пассажиром! Не трясись, Беззуб, сейчас все проще и легче стало! А уж про скорость вообще молчу! Пошли!

Первые

Анна Ивановна Беззуб ехала по крымскому серпантину. Спуск с Ангарского перевала к Алуште растянулся почти на десять километров. Она очень не любила этот кусок дороги. Здесь ей почти всегда было мистически страшно. Хотя мистику Аня принципиально отрицала как составную часть религии. В Бога не верила и молитв, разумеется, лет с двенадцати не читала, хотя Ваня после Лидинового погромно-разгромного выступления вдолбил всем детям «Отче наш» и «Верую» в головы навечно. И в судьбу она тоже не верила. Только в генеральную линию партии и в то, что все мужики конченные скоты. После Дейча у нее были короткие разовые интрижки в санаториях и в паре пионерских лагерей. Как самка богомола, Анна Беззуб после жаркой ночи откусывала голову – выписывала акт о недопустимых

нарушениях в работе и ненадлежащем соблюдении агитационной и просветительской работы. Она упивалась этими растерянными, обескураженными, перепуганными лицами вчерашних павлинов-любовников, уверенных, что теперь они могут расслабиться. Макс Дейч выскоблил ее нутро вместе с сердцем. Анька, не глядя, вытащила папиросу и прикусила край. Ей было наплевать на залеченный туберкулез, на легкие и на свою жизнь. Она провела рукой по горячему кожаному сиденью и нащупала шикарную латунную австрийскую зажигалку – подарок-трофей из ее первого санатория. Она только на секунду наклонила голову к пламени, как из кустов буквально вывалился олень. Анька завизжала, ударила по тормозам, выронила горящую папиросу изо рта на офицерские брюки, дернула обожженной ногой с педали. Машину от удара и без тормоза резко развернуло и ударило в дерево...

Женя зашла в комнату. Петька переодевался после смены, она подкралась и обхватила его потную тощую спину с торчащими ребрами и родинкой под правой ключицей.

– Поймала! Поймала!!

Петька рефлекторно дернулся и неловко повернулся, двинув Женьку локтем.

– Ай! – Женька отпустила его и прижала ладонь к разбитому носу. – Ну что за адиёт! Ну все испортил, как всегда! – Она села на кровать и задрала голову.

Испуганный Петька грохнулся на колени и схватил Женьку ладонями за лицо:

– Ну дай поцелую носик! Боже, до крови!

– Крови больше не будет, – торжественно сообщила Женька.

– Да вон льется! Дай я ключи приложу, – Петька подскочил к «шарманке».

– Да стой ты, заполошный.

Она с разбитым носом встала перед ним, выпятив грудь и уперев руку в бедро:

– Петр Иванович, я сказала, что крови больше не будет, – она посмотрела на него и, выдержав паузу, добавила: – ближайшие восемь месяцев. Кто-то таки удачно выстрелил на пляже.

Петька замер над чемоданом. И оглянулся.

Женька расплылась в улыбке.

Петька схватил ее под коленки, поднял и закружил по комнате. Женька лупила его по голове:

– Поставь! Сейчас же! Боюсь! Сейчас точно что-то еще сломаешь!

Лидия Ивановна Ланге немного волновалась. Сегодняшний вечер должен быть безупречным. Все ее вечера были такими. Она, как шары в бильярде, одного за одним выбила из профессорской квартиры всех уплотненных пролетариев. Интриговать она умела в разы круче покойного Вайнштейна. В свободной комнате установили бильярдный стол, две другие вернули в дореволюционную анфиладу – раскрыли и переоборудовали под шикарную гостиную с кабинетным роялем.

Василий Федорович Ирод поцеловал ей ручку.

– Лидочка, вы – настоящее сокровище, клад. Вы же сама знаете... – Он осклабился: – Ой сколько всего вы знаете...

– Василий Федорович, ну что вы, я – обычная глупая домашняя курица. Из всех моих достоинств – только горячая любовь к новой культуре и власти советов. За это мне можно простить маленькие мещанские радости.

Василий Федорович приподнял бутылку:

– Хороши радости, голубушка, а где вы берете французское шампанское?

Лида подмигнула:

– Да что вы, бутылки старые, а содержимое совершенно новое – одесского завода шампанских вин. Все как со мной – старая упаковка, но совершенно правильное красное содержание.

– Милочка, вы – прирожденная Мата Хари с такой внешностью и умом.

– Ой, бросьте, я совершенно не интересуюсь танцами. Тем более, она была из приличной семьи, а у меня, увы, вполне рабочее происхождение. Простите, заболталась с вами, иду к другим гостям, – она потреплет Василия Федоровича по плечу и пойдет в соседнюю комнату. Чекист выгианет.

Лида, ослепительно улыбаясь, будет протягивать руку огромному неуклюжему мужчине:

– Рада видеть вас на нашем журфиксе. Лидия Ланге.

Мужчина вместо поцелуя пожал ее ладонь и широко улыбнулся:

– Сережа. Сергей Эйзенштейн.

– Ах ты гад! Ах ты сволочь! Стой, скотина!

Нюся Голомбиевская из-за внезапных женских дней отменит клиента и решит прогуляться в синематограф. В незабываемый «Аполло» она не пойдет. А вот Художественный театр-иллюзион, нынче кинотеатр имени товарища Фрунзе, обещал комедию «Теплая компания». Сеанс начался, но Ривка растерла ноги новыми туфлями и наотрез отказалась искать другие развлечения.

– Пошли уже! – ныла она, прихрамывая по фойе.

В темноте они под шиканье билетера уселись с самого краю в последнем ряду.

– Боже, дети совсем, смотри, – Ривка толкнула Нюсю – перед ними чуть в стороне самозабвенно целовалась юная парочка. Девицу было не видно – над ней нависал мальчишка. Нюся повернулась, парнишка на секунду оторвался, и она увидела знакомый незабываемый карикатурный профиль.

– Ой умора! Это ж Котька Беззуб! Это ж к кому он так присосался?

– Нюся, сядь, да сядь ты, не смущай пацана, – Ривка дергала Нюсю за подол.

– Да я ж помру от любопытства до конца фильма, уже не десять минут ждать. – Она приподнялась и сделала шажок по ряду в неприличной позе, попой кверху. Ривка давилась от хохота в платочек.

– Эй, – хихикнула она, – Беззуб! Чего не в школе?

Котя испуганно оглянулся и ойкнул.

При свете прожектора Нюся наконец увидела его пассию.

– Ах ты проститутка!! Зараза малолетняя! Марш домой! Ноги вырву!

Рыжая Полька с визгом стала выкарабкиваться из ряда в противоположную сторону. Ривка хохотала в голос. Нюся бушевала, Котя бежал по верхушкам кресел следом за Полиной.

– Мадам Голомбиевская! Да что ж вам дома не сидится! Как вы на Карла Маркса с Молдаванки добрались?

– Поймаю – убью! Дома убью обоих!!!! – орала Нюся, зрители свистели и аплодировали:

– Давайте, влюбленные, тикайте!

Иван Несторович с ухающим сердцем сел в кабину.

– Что-то я волнуюсь, как гимназистка...

– Давай, Ванька, сейчас руки сами все вспомнят, – радовался, как мальчишка, Хиони. – Давай, заводи шарманку!

Шарманка была после ремонта – знаменитый бомбардировщик Анадва, он же двуххвостка Хиони – двухфюзеляжный трехстоечный биплан с крыльями большого размаха и двумя двигателями «Самсон» мощностью 140 лошадиных сил. С семнадцатого года он уже был на вооружении военных летчиков.

– Ну что – прогуляем лошадку?

Иван Беззуб неожиданно легко и уверенно поднял машину в небо, сделал круг над летным полем.

– Давай! – орал Хиони. – Давай! Он до ста тридцати разгоняется! Ванька! Ванька?

Ваня сидел задохнувшись, вцепившись в руль – резкая за грудиной боль осиновым колом пробила сердце. Он практически не дышал, не слышал, только сжимал штурвал...

Ксения носилась по комнате с очередным бумажным самолетиком-ласточкой. Фира сама научила ее так складывать. Еще толкнула Ваню плечом: – Ты помнишь? Кто мне прислал такую?

Ваня улыбался и таращил глаза: – А кто это тебе записки шлет? Небось, что-то неприличное предлагают?

– Замуж зовут! – смеялась Фира, показывая Ксене, как складывать листочек.

Фира не знала, какая сила выбросила ее из кухни в комнату. Все, что она успела увидеть, – это Ксюша, которая шагает на подоконник, и вырвавшийся из комнаты в летнее небо бумажный самолетик...

Аня не могла вздохнуть – боль пробивала все тело. Ее ударило об руль, глаза заливала кровь, ноги разбиты... Она не могла пошевелить ногами, она не чувствовала ног...

– Помогите... – попыталась прошептать она, – помоги... – Она протянула пальцы к ручке – дверь не открывалась.

Аня лежала на руле, истекая кровью, исходя беззвучным криком от боли... Когда не знаешь, что делать – молись, так говорил папа. Сейчас

ей было уже все равно...Ей опять было семь, и смертельно страшно и холодно...

– Верую, – она беззвучно шевелила губами, – верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца... Спаси меня, спаси, я буду верить... верую. – Она, вырубаясь, ныряла в спасительную темноту и выныривала в жизнь и боль... – Верую...

Дверь снаружи дернули раз, второй... рванули изо всей силы.

Анька повернула голову – перед ней стоял грязный, оборванный и совершенно живой Борька Вайнштейн...

Примечания

1

Кецале – котенок (*идиш*).

2

Никейва – проститутка (*идиш*).

3

Херцале – сердце (*идиш*).

4

Мешумад – оскверненная, вероотступница (*идиш*).

5

Мишигинер – дурачок (*идиш*).

6

Красавица, красивое личико (*идиш*).

7

Вус – что (*идиш*).

8

Хозер – свинья, презрительное название иноверцев (*идиш*).